

Государственное образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

На правах рукописи

КРАВЦОВ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

**ЭГО-ДОКУМЕНТЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ XX ВЕКА:
на материале публикаций журнала «Возрождение» (Париж, 1949-1974)**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель: доктор
филологических наук, профессор

М. В. Михайлова

Москва — 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Эго-документы русского зарубежья	38
1.1. Категория памяти в эго-документах «первой волны» (1920-30 гг.)	40
1.2. Топос утраченного в эго-документах «второй волны» (1940-60 гг.).....	57
1.3. Место и значение периодики в общественно-культурной жизни русского зарубежья.....	66
1.4. Роль журнала «Возрождение» в среде русского зарубежья.....	75
Глава 2. Эго-документы на страницах журнала «Возрождение».....	88
2.1. Типология эго-документальных текстов.....	91
2.2. Мемуары государственных и политических деятелей: соотношение субъективного и объективного (мемуары последнего министра финансов Императорской России П. Л. Барка)	94
2.3. Мифологическое в мемуаристике: идеализация посредством мифологизации (династия Романовых как образ ушедшей России)	111
2.4. Документальное и художественное на страницах журнала: грань между вымыслом и фактом в очерке М. Боброва «По долинам и по взгорьям»	126
Глава 3. Автобиографическая парадигма в женской мемуаристике (на примере прозы М. Н. Веги)	136
3.1. Прошлое сквозь призму чужой памяти (роман-мемуар «Бронзовые часы»)	139
3.2. Вымышленные и реальные женские персонажи в «Бронзовых часах»: гендерный аспект	146

3.3. Образ Дома: Петербург как «персонаж» в романе Веги	156
3.4. Категория детства в романе «Бродячий ангел»	166
Заключение	186
Библиография	200
Приложение.....	231

Введение

«Самую ценную и трудную правду о себе люди рассказывают только тогда, когда они о себе не говорят»¹, — писал Лев Шестов. Парадокс именно в том и состоит, что рассказывая о себе, люди не говорят всей правды или говорят полуправду. Это естественное поведение в жизни, становится почти неестественным в литературе, когда от рассказчика, выступающего в роли автора, ожидается «момент истины». Особенно в литературе нон-фикшн, литературе исповедальной, эго-документальной.

В исторической перспективе существование документального начала в литературе известно с давних пор, но со второй половины XIX века в его развитии не наблюдалось сколько-нибудь видимых перемен. Наиболее серьезные изменения произошли лишь в XX веке, когда факт по выражению П. В. Палиевского приобрёл «самостоятельное эстетическое значение»². Родилась новая литература, устойчивого, всеми признанного наименования для которой в науке нет до сих пор: едва ли не каждый называет её по-своему и в частном порядке пытается определить её место в традиционном ряду. Отошли в прошлое такие распространённые в литературной критике и журналистике рубежа XIX-XX веков определения, как «литература сплетен и скандалов», «литература сточных труб», «правдивая летопись», «хроника событий», «фотография с натуры», «разговор с собой» и т. п.³ В зависимости от исторических предпосылок литература то замыкалась в особых, подчеркнуто эстетических формах, то сближалась со словесностью в широком смысле слова. Широкое распространение получили промежуточные, документальные жанры,

¹ Шестов Л. И. На Страшном Суде // Шестов, Л. Сочинения. Том 2. М.: Наука, 1993. С. 110.

² Цит. по: Местергази Е. Г. Художественная словесность и реальность: документальное начало в отечественной литературе XX в. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2008. С. 208.

³ Литература и документ: теоретическое осмысление темы // Литературная учеба. 2009. № 1. С. 199.

которые «не теряя своей специфики, не превращаясь ни в роман, ни в повесть, могли в то же время явиться произведением словесного искусства»⁴. Тем не менее за прошедший век отечественное литературоведение, как считается, не слишком далеко продвинулось в выработке категориального аппарата. Сегодня в ней в качестве синонимичных успешно функционируют понятия, не всегда таковыми являющиеся: «документальная литература», «документально-художественная литература», «литература факта», «газетно-журнальная документалистика», «человеческий документ», «литература нон-фикшн», «автодокументальный текст», «эго-документ» и др. Большинство из них рождено в литературно-критической практике и «официально» наукой не признано, не имеет прочного статуса⁵. Тем не менее, уже можно сделать некоторые обобщения.

Термин «эго-документ» впервые был введен в научный оборот профессором Амстердамского университета Жаком Прессером (Jacques Presser) в 1950-х гг. для объединения в одну группу документально-художественных произведений различных жанровых форм (автобиографии, мемуары, личные дневники и письма), изучением которых он занимался⁶. В само понятие «эго-документ» Прессер включил такие исторические источники, в которых исследователь сталкивается с «я», как с одновременно и пишущим, и присутствующим в тексте субъектом описания. Позднее он предпринял попытку конкретизировать содержание введенного им термина, указав, что к «эго-документам» он относит «документы, в которых “эго” специально или непреднамеренно обнаруживает или скрывает себя»⁷. Спустя тридцать лет введенный Прессером термин начинают широко использовать также во

⁴ Гинзбург Л. О психологической прозе. М.: INTRADA, 1999. С. 4.

⁵ См.: Литература и документ: теоретическое осмысление темы // Литературная учеба. 2009. № 1. С. 200.

⁶ Dekker R. M. Jacques Presser's heritage. Egodocuments in the study of history // Memoria y Civilización. Anuario de Historia. 2002. № 5. P. 13-14.

⁷ Ibid.

Франции, в Германии, Великобритании, Польше, России и др. странах. Однако термин пока еще не имеет устойчивого, всеми признанного понятийного значения, и в настоящее время ведутся дискуссии об определении критериев, в соответствии с которыми тот или иной текст может быть отнесен к эго-документу, и, что немаловажно в нашем случае, идет дискуссия о соотношении достоверности и вымысла в понятии «эго-документ». Некоторые исследователи (Р. Деккер, П. Бёрк) полагают относящимся к эго-документам текст, включающий не только личные, но и путевые дневники, личные заметки, ограниченные по времени и сфокусированные на особых событиях частной жизни, примечания к генеалогическому древу, в которых большое место занимают личные наблюдения⁸, а также автобиографии, бытовые дневники, мемуары и письма, портреты и автопортреты⁹. Ряд исследователей (В. Шульце) и вовсе включают в эту группу нехудожественные тексты (отзывы на авторские работы, полученные, например, в рамках административного судопроизводства, акты уголовного судопроизводства, акты взимания налогов, личных обысков, протоколы допросов, ходатайства, завещания, торговые и бухгалтерские отчеты и сопроводительные письма, в которых содержится личная информация)¹⁰. Он полагает, что такого рода деловая документация отражает самовосприятие человеком своего места в обществе, государстве, семье. В свою очередь позиция В. Шульце подверглась критике (в том числе, историком Б. фон Крузенштерн), предложившей полагать «эго-документом» лишь самостоятельно сочиненные тексты, т. е. созданные «по собственному почину» или «самостоятельно»¹¹. Аналогичным образом во Франции появился термин

⁸ Dekker R. Egodocuments in the Netherlands from the Sixteenth to the Nineteenth Century // Dutch Crossing: Journal of Low Countries Studies. Vol. 23. No. 2. London, 1999. P. 256.

⁹ Burke P. Representations of the Self from Petrarch to Descartes // Rewriting the Self. Histories from the Middle Ages to the Present. London, 1997. P. 21-24.

¹⁰ Schulze W. Ego-Dokumente: Annäherung an den Menschen in der Geschichte. Berlin: Akad.-Verl., 1996. S. 28.

¹¹ Krusenstern von B. Was sind Selbstzeugnisse? Begriffskritische und quellenkundliche Überlegungen anhand von Beispielen aus dem 17. Jahrhundert // Historische Anthropologie. Kultur. Gesellschaft. Alltag, 2. 1994. S. 470.

«литература личного характера» (*litterature intime*), введенный французским историком и социологом Филиппом Лежёном (Phillip Lejeune) в 1970-е гг. в процессе его исследования автобиографического и дневникового жанров. В свое понятие он включает мемуары, автобиографии, дневники, личные заметки, эссе, автопортреты. Основываясь на созданном им же «автобиографическом пакте» (*The autobiographical contract*), в соответствии с которым «реальный человек берет на себя обязательство правдиво и достоверно рассказать о себе»¹², Ф. Лежён предлагает подразделить литературные произведения на «романные» (реальная личность автора не совпадает с личностью главного героя, а события повествования были вымышлены) и «автобиографические» (где автор выступает одновременно и как повествователь, и как главный герой, и, соответственно, изложенное в них достоверно). Об этом же пишут отечественные исследователи Д. М. Галиуллина¹³ и И. А. Бондарь¹⁴. Так по мнению Галиуллиной, опирающейся в своих суждениях на работы Л. Н. Деревиной¹⁵ и В. Г. Безрогова¹⁶, «в современном источниковедении частную переписку, дневники и мемуары относят к одной группе: к источникам личного происхождения. Это наиболее правильный подход, так как дневники и воспоминания по-разному отражают события. Дневник пишется по личной инициативе автора. И в дневнике повествование ведется с позиции того же времени. При составлении воспоминаний не всегда инициатива исходит от автора. Воспоминания пишутся о прошлом с позиции настоящего. Следует ли

¹² Лежён Ф. От автобиографии к рассказу о себе, от университета к ассоциации любителей: история одного гуманитария // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. М., 2012. № 3. С. 199-217.

¹³ Галиуллина Д.М. Проблема изучения мемуаров в отечественной исторической мысли // Гуманитарные науки. 2006. Том 148, кн. 4. С. 36-45.

¹⁴ Бондарь И. А. Эго-текст и эго-документ в литературном процессе // Известия высших учебных заведений: проблемы полиграфии и издательского дела. М., 2013. № 6. С. 107-115.

¹⁵ Деревина Л.А. О термине «мемуары» и классификация мемуарных источников // Вопросы архивоведения. 1963. № 3–4. С. 32–38.

¹⁶ Безрогов В.Г. Память текста: автобиографии и общий опыт коллективной памяти // Сотворение истории. С. 5.

относить к мемуарам автобиографии? Автобиографии тоже связаны с прошлым. В настоящее время разработаны особые методы работы с этим видом письменных источников. Некоторые исследователи автобиографии рассматривают отдельно от мемуаров, хотя считают, что между ними много общего. Автобиографии обычно создаются не по личной инициативе автора, а связаны с какими-то внешними факторами. Это не всегда обширные повествования о своей личной жизни»¹⁷.

Поскольку понятие «эго-документ» обобщает в себе такие документально-художественные разновидности, как дневники, записные книжки, письма, автобиографии, биографии и мемуары, то прежде всего он получил распространение в 1970-е гг. в одном из разделов западной социологии, а именно в «истории повседневной жизни»¹⁸. Появление нового термина обозначило, с одной стороны, возросший интерес к «пограничным» жанрам, а с другой — назревшую необходимость теоретического их осмысления и всестороннего изучения в качестве самостоятельного предмета. «Сегодня этот термин можно встретить и в работах отечественных ученых <...> Междисциплинарное существование термина “эго-документ” свидетельствует о единовременно наблюдаемом и в литературе, и в живописи, и в кино, и в социологии, и в истории, и в других областях глубинном интересе культуры XX-XXI вв. к истории личной жизни и обыденности как сфере творчества»¹⁹. Ведь, когда к концу XX века произошло изменение коммуникативной ситуации, то органическая связь между культурой и коммуникацией стала более жесткой и категоричной. В этом смысле «практически любой, в какой-либо степени приближенный к художественному текст может рассматриваться как

¹⁷ Галиуллина Д.М. Проблема изучения мемуаров в отечественной исторической мысли // Гуманитарные науки. 2006. Том 148, кн. 4. С. 41.

¹⁸ См.: Местергази Е. Г. Литература нон-фикшн. Экспериментальная энциклопедия. М.: Совпадение, 2007. С. 45.

¹⁹ Там же.

культурный феномен или, по крайней мере, как памятник или образец психологического наблюдения автора»²⁰.

Для структуры эго-документа характерно наличие прямого авторского высказывания, позиция рассказчика соответствует позиции автора, анализ действительности равен художественному образу этой действительности, субъективности мировосприятия соответствует предельная субъективность высказывания, используются подлинные имена, язык – от совершенно «необработанного» до литературного, возможна также интертекстуальность (опосредованная реакция на литературу)²¹. Удачной следует признать формулировку Лежёна, когда он выстраивает систему дискурсов, исходя из жанра автобиографии, и выявляет значимые оппозиции, служащие для ее определения. Он пишет, что «автобиография противопоставляется биографии (различные позиции рассказчика), дневнику (положение во времени), автопортрету (так как это не-повествование), мемуарам (в которых предмет повествования не только отдельная личность), автобиографическому роману и автобиографической поэме»²². Для более точного понимания его системы необходимо начать с определения мемуаров.

Мемуары по своей природе имеют две этимологические основы: память (от лат. *memoria*) и воспоминания (от франц. *mémoires*). Обе они указывают на особое значение личного опыта, личного переживания авторов-мемуаристов, «осмысленного в соответствии с их индивидуальностью и общественно-политическими взглядами времени написания»²³. Согласно Л. Я. Гинзбург, «литература воспоминаний, автобиографий, исповедей и мыслей ведет прямой разговор о человеке. Она подобна поэзии открытым и настойчивым

²⁰ Бронская Л. И. Указ. соч. С. 87.

²¹ Местергази Е. Г. Литература нон-фикшн. Экспериментальная энциклопедия. М.: Совпадение, 2007. С. 49.

²² Интервью с Ф. Лежёном // Иностранная литература. 2001. № 4. С. 257.

²³ Курносое А. А. Мемуары // БСЭ. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2001. С. 432.

присутствием автора»²⁴. Несмотря на понятийную жанровую неустойчивость мы опираемся на определения, введенные в литературоведение А. Г. Тартаковским²⁵: дневники, записные книжки, письма являются первичной, примитивной формой жанра; воспоминания — более сложная, развитая система; мемуары же выступают собирательным понятием всех этих жанровых разновидностей. При этом автобиография является рассказом о себе. Биография — рассказ о другом. И наконец, эго-документ в нашем понимании — это обобщающее понятие мемуаров, автобиографии и биографии как документально-художественных произведений.

История русской мемуаристики начинается в XVIII веке. Она появляется как своеобразный отклик на конкретные исторические и социальные явления, петровские преобразования. Первыми авторами становятся «птенцы гнезда Петрова», свидетели и участники событий, повлиявших на изменения в социальной и духовной жизни общества — И. Желябужский, А. Игнатьев, Б. Курагин, А. Матвеев. Однако первые включения биографического характера встречаются уже в литературе XI века. Подобным памятником, с точки зрения Н. К. Гудзия, является «Поучение Владимира Мономаха» — «с литературной стороны «Поучение» интересно как очень незаурядный образчик популярного в древней и средневековой литературе жанра поучений детям, начиная от поучения Ксенофонта и Марии, вошедшего в Святославов Изборник 1076 г., и как первый на русской почве опыт автобиографического повествования»²⁶. В древнерусской рукописно-книжной традиции можно встретиться с разного рода памятными записями. Даже в таком строго нормативном жанре, как летописи, присутствуют личные оценки пишущего, взгляд на события глазами современников. Правда, подобного рода вставки были, скорее, исключением,

²⁴ Гинзбург Л. Указ. соч. С. 118.

²⁵ Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX вв. От рукописи к книге. М.: Наука, 1991. С. 8.

²⁶ См.: Гудзий Н. К. История древней русской литературы. М.: Аспект Пресс, 2003. С. 34.

чем правилом, их нельзя назвать самостоятельными жанровыми образованиями, где воля автора определяла бы развитие сюжета, расстановку персонажей. Произведения подчинялись определенным, каноническим для той или иной эпохи жанрово-этикетным нормам. В частности, над личностным началом довлел «безличный характер средневекового исторического повествования»²⁷.

Первые образцы произведений, сюжет которых основывался на фактах личной жизни авторов, появляются в России в XVI веке. В основном это были «малые формы» — письма, дневники, записки. Наиболее известна «Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским». Исследователи отмечают, что новизна этого произведения, равно как и «Посланий Ивана Грозного», в том, что в них ярко выраженная личность автор проявляется через стиль, включающий как элементы разговорного языка XVI века, так и публицистические обороты, деловую лексику. В произведениях впервые сделана попытка описать личную жизнь автора, быт, нравы эпохи. Изображение личной жизни начинает соотноситься с историческими событиями. Однако система литературных жанров ни русской, ни западноевропейских литератур вплоть до XVII века не знала автобиографии как самостоятельного жанрового образования.

Особое место в жанровом становлении мемуаров сыграло «Житие протопопа Аввакума», где соединились элементы биографии, жития и бытовой повести. Исследователи XX века определяли его как совершенно новаторское произведение, в котором автобиографическая составляющая обуславливает сюжет, систему художественных средств и приемы выражения авторской позиции, структуру образа главного героя, т. е. основные жанрообразующие факторы²⁸. Открытые Аввакумом принципы построения автобиографического повествования во многом были унаследованы его преемниками.

²⁷ Там же. С. 37.

²⁸ См.: Робинсон А. Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания. М.: Издательство АН СССР, 1963. С.134-135.

Первые воспоминания писателей относятся к рубежу XVIII - XIX веков — таковы, например, «Записки» Г. Державина (1811), «Взгляд на мою жизнь» И. Дмитриева (1866). Интерес авторов к собственной жизни привел к дальнейшему развитию мемуаров как формы. Появление самых разных по жанру произведений позволило будущим исследователям определить XIX век как классический в истории развития русской мемуаристики. В это время мемуары впервые осмысливаются как литературный жанр, хотя сами жанрообразующие признаки еще выделяются недостаточно четко. Тогда же появляются образцы синтетических жанровых форм (произведения С. М. Степняк-Кравчинского, Н. Г. Чернышевского и др.). В конце XIX века в энциклопедии Ф. Брокгауза и И. Эфрона публикуется первая словарная статья, посвященная тенденциям развития жанра, и предлагается деление мемуаров на военные, «мирные», дворцовые, бытовые, писательские.

Но уже в первой половине XX века в русской и западноевропейской литературе происходят процессы, приведшие к тому, что мемуаристика теряет черты относительной определенности, которые были характерны для нее еще в прошлом веке, хотя именно в эту эпоху происходит разрушение классической жанровой системы, что приводит к структурным и содержательным изменениям в жанрах документальной прозы. Происходит их частичное слияние с художественными жанрами²⁹, а также при внесении политически-окрашенных моментов — слияние с публицистикой³⁰. Есть мнение, что документальная проза рубежа XVIII и XIX веков явилась толчком к появлению психологического романа, а тот, в свою очередь оказал влияние на интерес писателей и поэтов рубежа веков к литературе мемуаров, автобиографий,

²⁹ См.: Бронская Л. И. Концепция личности в автобиографической прозе русского зарубежья: И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев, М. А. Осоргин. Дисс. ... докт. филол. наук. Ставрополь, 2001. С. 54.

³⁰ См.: Анисимов К. В. Книга И. А. Бунина «Воспоминания» как цикл: опыт реконструкции автобиографического сюжета // Критика и семиотика. Вып. 15. М. 2011. С. 144.

воспоминаний³¹. Позволим себе несколько усомниться в этом утверждении, поскольку, с одной стороны, русские мемуары указанного периода иные по своей сути, а во-вторых, потому, что первые образцы русского психологического романа, прежде всего, многим обязаны романтической литературе (в том числе, западноевропейской).

В то же время на протяжении последующего XX века мемуаристика становится предметом постоянного внимания исследователей в России и практически каждое значительное произведение рецензируется в периодической печати. В начале 1930-х годов входит в обиход понятие «исповедальности» мемуаров³², а в 1948 году начинает выходить серия «Литературные мемуары». К концу 1970-х годов мемуары писателей выделяются большинством исследователей как самостоятельное жанровое образование. Одновременно обозначаются отдельные этапы развития жанра. Однако исторические обстоятельства обусловили прекращение публикаторской деятельности в области современной мемуаристики на длительный срок.

По мнению видного блоковеда и знатока литературы Д. Е. Максимова, автобиографическая традиция, определившаяся в литературе XIX века, стала приобретать новый рисунок, новое значение в литературе Серебряного века. «Одну из специфических черт мемуарно-автобиографической прозы нового времени Блок определил как ответственность перед последующими поколениями: не просто осмыслить происходящее с отдельной личностью, в мельчайших проявлениях жизни и переживаниях, но определить место, какое занимает эта личность — может самая незначительная и обыкновенная — в мироздании, во времени, возможно, великом и судьбоносном, в человечестве»³³.

³¹ См.: Бронская Л. И. Указ. соч. С. 58.

³² См.: Яковлева Н. «Человеческий документ»: история одного понятия. Хельсинки, 2012. С. 131-132.

³³ Максимов Д. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1975. С. 17-18. Цит. по: Бронская Л. И. Указ. соч. С. 61.

Ключевой фактор любого рода мемуаристики – степень ее субъективности. Отсюда проистекает основная задача источниковедческого анализа мемуарной литературы – установление достоверности фактов, которые могут быть использованы в исторических исследованиях. Для литературоведа же субъективность – один из признаков, свойств жанра мемуарной литературы, придающих ему особую ценность. Через субъективность понимается авторское отношение к эпохе, характеризуется дух времени, передаваемый мемуаристом. Факты, изложенные на страницах воспоминаний, не всегда возможно сопоставить с историческими документами, поэтому они сами по себе уникальны и проверяемы только степенью правдоподобия. В случае, когда сопоставить факты невозможно, на историческое событие нужно смотреть «глазами документа» и «глазами мемуариста». Ведь «...субъективное показание не значит показание, лишенное объективной информации»³⁴.

В свою очередь, историк В. С. Голубцов доказывает, что субъективность и пристрастность мемуариста может проявляться двояко: как первоначальные наблюдения участника или современника событий, ограниченные во времени и пространстве и осмысленные не до конца, и как более длительное и всестороннее осмысление фактов по прошествии определённого времени³⁵. В то же время Л. Левицкий, не полемизируя с мнением, что с фактами «надо обращаться честно и бережно, в мемуарах они должны выглядеть точно так же, как они выглядели в действительности»³⁶, всё же утверждает, что «природа и функция факта в мемуарах и – даже шире – в литературе представляются одной из самых сложных проблем»³⁷. Исследователь С. С. Минц полагает, что

³⁴ Обязанности свидетеля, права художника (Обсуждаем проблемы мемуарной литературы) // Вопросы литературы. 1974. № 4. С. 110.

³⁵ См.: Голубцов В. С. К вопросу о научных принципах переиздания мемуарной литературы // Источниковедение истории советского общества. М., 1968. Вып. 2. С. 367-388.

³⁶ Обязанности свидетеля, права художника (Обсуждаем проблемы мемуарной литературы) // Вопросы литературы. 1974. № 4. С. 102-103.

³⁷ Там же.

действительность отражается в источниках мемуарного характера через призму восприятия мемуариста, а система индивидуального восприятия обусловлена всей системой общественных отношений, особенностями культуры в широком смысле этого понятия и индивидуальными особенностями индивида, добавим мы от себя. И таким образом, «мемуарные источники всегда отображают с большей или меньшей степенью адекватности те межличностные отношения, участником которых является автор, показывают степень осознанности общественных отношений отдельным индивидом и обществом в целом»³⁸. Литературовед И. О. Шайтанов защищает мемуаристов, обосновывая это тем, что «мемуарист ручается только за то, что именно так вспомнилось. И полагает, что так было. В такой впечатлительности есть своя угроза если не прямого искажения фактов, то как бы ухода от событий, которые память не возрождает, а заслоняет независимым или слабо зависимым от них впечатлением»³⁹. С ним соглашается Н. Н. Кознова, отмечая, что «борьба мемуариста за точность воспроизведения — это борьба с собственной памятью, а вернее, с забвением»⁴⁰.

А. Г. Тартаковский полагал, что право автора на субъективность (авторское видение и осмысление событий) является типологическим признаком любых мемуаров⁴¹. В этом он близок тому, как предполагается изучать мемуары в настоящем исследовании, т. е. привлекая весь корпус мемуарных текстов, а не только лишь писательских воспоминаний. По его же мнению, авторская субъективность предстает неотъемлемой чертой любых мемуаров, единственно доступным им средством постижения объективной

³⁸ Минц С. С. Об особенностях эволюции источников мемуарного характера. К постановке проблемы // История СССР. 1979. № 6. С. 60.

³⁹ Шайтанов И. «Непроявленный жанр», или Заметки о мемуарной форме // Вопросы литературы. 1979. № 2. С. 67.

⁴⁰ Кознова Н. Н. Мемуары русс. писателей-эмигрантов первой волны: концепции истории и типология форм повествования. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2011. С. 388.

⁴¹ Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX вв. От рукописи к книге. М.: Наука, 1991. С. 3.

картины прошлого⁴². При этом, по мнению Н. Н. Козновой, «один и тот же факт рассматривается мемуаристами-современниками с разных мировоззренческих и идеологических позиций, но при этом не перестает оставаться достоверным фактом действительности»⁴³. Ведь «спорное и недостоверное в мемуарах — результат не столько умышленного искажения, сколько итог несовершенной работы памяти»⁴⁴. О том же пишет Л. Я. Гинзбург, объясняя недостоверное особенностями человеческого восприятия⁴⁵.

Для мемуаров характерно смешение художественного и документального, а впоследствии, в XX веке, и смещение от художественного к документальному полюсу. Об этом совершенно точно пишет исследовательница Е. Г. Местергази, когда утверждает, что, едва вступив в свои права, XX век «исторгнул человека из круга всего ему привычного, устойчивого и как бы само собой разумеющегося и одновременно вверг его в пучину доселе немислимых страданий, лишений и бед, сами меры человеческого подвига и падения оказались вдруг за гранью всех возможных представлений о них. Так действительность неожиданно оказалась фантастичнее вымысла, а факты — красноречивее слов <...> (хотелось бы обратить на это высказывание особое внимание. — А. К.). Реальность XX века оказалась такова, что сказать правду о ней стало сверхзадачей писателя (и не только профессионального писателя, добавили бы мы. — А. К.), решить ее только привычными художественными средствами дано на поверку немногим, большинству же на помощь приходит именно документ»⁴⁶. О том же рассуждал еще в 1957 году историк литературы М. Л. Гофман, указывая на оформившуюся новую манеру отталкиваться от беллетристики, от законченного обрамленного сюжета рассказа и переходить к

⁴² Тартаковский А. Мемуаристика как феномен культуры // Вопросы литературы. 1999. № 1. С. 37.

⁴³ Кознова Н. Н. Указ. соч. С. 394.

⁴⁴ Бушканец Е. Г. Мемуарные источники: Учебное пособие к спецкурсу. Казань: Казанский пед. ин-тут, 1975, 98 с.

⁴⁵ См.: Гинзбург Л. Указ. соч. С. 7-8.

⁴⁶ Местергази Е. Документальное начало в литературе XX века. М.: Флинта, Наука, 2006. С. 8-9.

свободному высказыванию о самом себе⁴⁷. А, по мнению Максимова, «сама жизнь выдвинула ярко выраженную потребность заглянуть буквально в *каждую душу*, кому бы она ни принадлежала... Не далее как два-три года тому назад, перед войной, в литературе нашей самым интересным и «захватывающим» чтением оказались разные мемуары, воспоминания, биографии, автобиографии, подлинные исповеди и дневники, словом, подлинные *документы* человеческих опытов»⁴⁸. Современная исследовательница Н. И. Великая уточняет, что популярность мемуаристики, как и ее развитие, всегда были обусловлены спецификой времени — крутые повороты в истории приводили к активизации национального и индивидуального сознания личности. Происходил неизбежный жанровый сдвиг в искусстве, когда повышается интерес к документалистике как к открытому, прямому разговору о времени и о себе. Документальные жанры, по ее мнению, неизбежно являются спутниками катастроф и исторических перемен крупного масштаба⁴⁹. Суждения, высказанные литературоведами, получают отклик у поэтессы И. Астру, непосредственного участника катастроф века минувшего: «Нам, кому выпало на долю жить в этом кипящем событиями двадцатом веке, уж никак нельзя пожаловаться на однообразие и отсутствие впечатлений»,⁵⁰ — сообщает она в своих воспоминаниях.

Все вышеизложенное свидетельствует о невероятном разнообразии жанров в мемуаристике. Сложность классификации мемуаров обусловлена рядом причин: продолжающейся эволюцией жанра, подвижностью внутренней структуры, использованием авторами элементов других форм. В данной работе будет осуществлена попытка дифференцировать мемуарное повествование,

⁴⁷ См.: Гофман М. Русская литература в эмиграции // Возрождение. 1957. № 70. С. 19.

⁴⁸ Максимов Д. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1975. С. 17-18. Цит. по: Бронская Л.И. Указ. соч. С. 58.

⁴⁹ Великая Н. И. Мемуаристика эмиграции. Наталья Ильина. «Дороги и судьбы» // Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сотрудничество на рубеже веков. Книга вторая. Владивосток, 1999. С. 296.

⁵⁰ Астру И. От Армавира до Севастополя // Возрождение. 1968. № 204. С. 24.

отделив его от других разновидностей повествовательной прозы, каковыми являются путевые очерки, лирическая повесть, «мысли о творчестве». Указанный жанр в широком плане включает в себя мемуары, автобиографии, исповеди, и «это уже почти всегда литература, предполагающая читателей в будущем или в настоящем, своего рода сюжетное построение образа действительности и образа человека»⁵¹. И этим он отличается от письма или дневников, которые «закрепляют еще не предрешенный процесс жизни с еще неизвестной развязкой»⁵². В литературоведении получила признание следующая классификация⁵³.

1. Собственно мемуарные жанры: автобиографии, записки, дневники, дневниковые книги, путешествия, исповеди. Как переходные формы рассматриваются анекдот и письмо.

2. Жанры, сложившиеся на основе общелитературных аналогов: мемуарно-биографические рассказы, повести, романы, цикловые образования, мемуарные эпопеи, стихотворные мемуары.

3. Смешанные жанры мемуарной литературы: мемуары-исследования, мемуарно-биографические повествования об исторических лицах, «повесть о детстве».

Принято воспоминания писателей относить к самостоятельной разновидности мемуаристики.

Очевидно, что автобиографическая составляющая является необходимым компонентом мемуарного повествования, в котором «события личной жизни мемуариста выстраиваются подобно кирпичикам»⁵⁴. Естественно, что происходит усиление авторского начала в произведениях мемуарного характера,

⁵¹ Гинзбург Л. Указ. соч. С. 10.

⁵² Там же.

⁵³ См.: Бельчиков Н. Ф., Дынник В. Мемуарная литература // Литературная энциклопедия. Том 7. М: Советская энциклопедия, 1934. С. 131-149; Курносов А. А. Мемуары // БСЭ. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2001. С.432.

⁵⁴ Колядич Т. М. Воспоминания писателей. Проблемы поэтики жанра. М.: Мегатрон, 1998. С. 16.

проявляясь в виде обращения к внутренней, интимной стороне жизни автора. Так выделился совершенно новый жанр – автобиография, которую теперь воспринимают как самостоятельную разновидность мемуарной прозы. Между тем, автобиографичность следует рассматривать и как жанрообразующий признак всей мемуарной литературы. Однако жанровая чистота не является обязательной, некоторые произведения носят явно переходный характер. На это обращает внимание Т. М. Колядич: «Часто исследователи рассматривают мемуары как пограничный или контаминационный жанр, в котором находят черты разных стилевых систем. Мемуары определяются как сложная структура, в которой соединяются элементы лирической повести, биографического повествования, литературного портрета или некоторые другие»⁵⁵. Тут следует напомнить, что еще В. Г. Белинский обнаружил пограничное местоположение мемуаров⁵⁶. Продолжая свою мысль, Колядич вводит понятие «метажанра». В то же время И. О. Шайтанов вообще подвергает сомнению жанровую трактовку мемуаристики, «где не ясно, что перевесит: литературное мастерство, грозящее обернуться «беллетристическим приемом поднаторелого мемуариста» или же литературная неискренность непредвзятого свидетеля»⁵⁷. Идея, высказанная Шайтановым, нам наиболее близка, поскольку сама трактовка понятия «жанр» менялась в ту или иную историческую эпоху, и при определении специфики мемуаров необходимо учитывать изменение содержания и формы самого жанра, а также подхода к нему авторов на протяжении истории его развития. Так Ю. Н. Тынянов замечал, что «давать статическое определение жанра, которое покрывало бы все его проявления, невозможно: жанр смещается; перед нами ломаная линия, а не прямая его эволюции...»⁵⁸.

⁵⁵ Там же. С. 8.

⁵⁶ Белинский В. Полное собрание сочинений. Т. 10. М.: Академия Наук СССР, 1956. С. 316.

⁵⁷ Шайтанов И. Указ. соч. С. 52-53.

⁵⁸ Тынянов Ю. Литературный факт // Тынянов, Ю. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 256.

Основным в данном исследовании будет стремление выделить разновидность мемуарной формы по доминанте того или иного повествовательного начала. Ведь, скажем, биография как частный случай мемуаров, в качестве объекта изучения в истории и литературоведении, с одной стороны, и как жанр историко-филологических разысканий, с другой, зачастую «обрекает исследователя на трудно поддающуюся ограничению широту охвата актуальных для темы фактов»⁵⁹. Вместе с тем, применительно к жанровой классификации спасает положение термин «эго-документ», в котором обобщена эта широта.

Степень изученности проблемы. Хотя уже в XX веке мемуаристика становится предметом постоянного внимания исследователей, а к концу 1970-х годов мемуары писателей выделяются большинством исследователей как самостоятельное жанровое образование. Вместе с тем, как уже отмечалось, тотальное ограничение исторической памяти советского общества способствовало почти полному прекращению публикаций мемуаров. «С точки зрения внутренней логики своего развития она снова оказалась в застойном состоянии «скрытой эволюции», будучи отброшена на архаичную и давно преодоленную стадию своего существования»⁶⁰. Потому обобщающие исследования, посвященные как общим особенностям мемуарного жанра, так и эволюции развития данной формы, были столь немногочисленны.

Однако в последние годы начали появляться исследовательские работы, основанные на материале мемуарно-автобиографической литературы. Их авторами рассматриваются различные аспекты данного жанра. А поскольку, «антропоцентризм является одним из ведущих принципов современного языкознания и предполагает исследование языковых явлений в связи с

⁵⁹ Винокур Г. О. Биография и культура. М.: URSS, 2007. С. IV.

⁶⁰ Тартаковский А. Мемуаристика как феномен культуры // Вопросы литературы. 1999. № 1. С. 53.

человеком»⁶¹, то языковые особенности организации мемуарно-автобиографических текстов освоены в работах Н. А. Николиной⁶², Е. Г. Новиковой⁶³. Лингвостилистические приемы текста анализируются Е. А. Ковановой⁶⁴, а Е. И. Голубева⁶⁵ исследует способы выявления объективного и субъективного факторов в жанре автобиографии. В качестве предмета изучения также берутся лексические особенности мемуарного текста, что наблюдается в работах И. В. Белобородовой⁶⁶ и Т. А. Ивановой⁶⁷. При этом сугубо лингвистических работ монографического характера, посвященных описанию мемуарно-автобиографического жанра в наследии отдельного автора, не так много.

Изучение мемуарно-автобиографических текстов осуществляется в философии, философской антропологии, социологии, психологии, педагогике, истории, этнографии, социологии, литературоведении и других науках. Исследование мемуарно-автобиографической проблематики является приоритетным направлением. При этом сохраняется недостаток теоретических работ, отмечается малая изученность жанра в творчестве отдельных авторов — об этом пишет И. В. Пьянзина⁶⁸. В работах А. В. Антюхова⁶⁹ и

⁶¹ Волошина С. В. Автобиографический рассказ как объект лингвистического исследования // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 308. С. 11.

⁶² Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы: Учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2002. 424 с.

⁶³ Новикова Е. Г. Языковые особенности организации текстов классического и сетевого дневников: Дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005. 255 с.

⁶⁴ Кованова Е. А. Риторика автобиографического дискурса (на материале автобиографий американских деятелей политики и искусства): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 19 с.

⁶⁵ Голубева Е. И. Лингвостилистические средства выражения объективного и субъективного факторов в жанре автобиографии: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1987. 24 с.

⁶⁶ Белобородова И. В. Концепт «цвет» в лингвокогнитивном аспекте (на материале автобиографической прозы): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2000. 26 с.

⁶⁷ Иванова Т. А. Лексические особенности жизнеописаний новопрославленных святых Русской Православной церкви: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004. 201 с.

⁶⁸ Пьянзина И. В. Жанровое своеобразие мемуарно-автобиографической прозы А.А. Ахматовой: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саранск, 2005. 19 с.

⁶⁹ Антюхов А. В. Русская мемуарно-автобиографическая литература XVIII в.: Генезис, жанрово-видовое многообразие, поэтика. Дисс. ... докт. филол. наук. Брянск, 2003. 451 с.

Ю. П. Зарецкого⁷⁰ в то же время отмечается недостаточное изучение мемуарно-автобиографических текстов, возникших в определенную эпоху. Подобным образом обойдена и мемуаристика русского зарубежья XX века — до сих пор не составлена летопись публикаций произведений, отсутствует единый полный библиографический указатель.

Одна из подобных попыток была предпринята при выпуске четырехтомного аннотированного указателя «Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках»⁷¹. Стоит заметить, что основная работа составителей этого указателя была проведена в библиотеках, фондах и архивах США, а также в собраниях российских библиотек и фондах ГАРФ, что, конечно же, не могло полностью охватить весь пласт эго-документов русского зарубежья. Так, работы проживавших в Австралии авторов, по большей части в этот сборник не вошли, были пропущены составителями ввиду их недоступности за пределами австралийского континента. Назовем, к примеру, некоторые из таких “пропущенных” произведений — Назаренко П. Е. «В гостях у Сталина: 14 лет в советских концлагерях» (Мельбурн, 1969, 160 с.), Софонова О. «Пути неведомые» (Мюнхен, 1980, 302 с.), Гинце М. А. «Русская семья дома и в Маньчжурии: Воспоминания» (Сидней, 1986, 428 с.).

Несмотря на указанное разделение литературного процесса в метрополии и эмиграции, настоящее исследование опирается на предложенную А. И. Чагиным «формулу» — «одна литература и два литературных процесса»⁷², т. к. она отражает трагический смысл разделения, рассечения национальной литературы со всеми последствиями такого разделения, дает возможность

⁷⁰ Зарецкий Ю. П. Индивид в европейских автобиографиях: от Средних веков к Новому времени: Источниковедческий аспект проблемы. Дисс. ... докт. ист. наук. М., 2005. 393 с.

⁷¹ Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках = Russia and the Russian emigration in memoirs and diaries : Аннот. указ. кн., журн. и газ. публ., издан. за рубежом в 1917-1991 гг. : В 4 томах / Гос. публ. ист. б-ка России, Стэнфорд. ун-т ; Науч. рук., ред. и введ. А. Г. Тартаковского [и др.]. М.: РОССПЭН, 2003-2006.

⁷² Чагин А. И. Расколота лира. Россия и зарубежье: судьбы русской поэзии в 1920-1930-е годы. М., 1998. С. 23.

выявить характер соотношения двух «потоков» в 1920-1930-е годы. И именно такая литература — мемуарная проза писателей-эмигрантов — была выбрана в качестве объекта данного исследования.

Что же касается периодики русского зарубежья XX века, то интерес к ней в отечественной научной мысли начал проявляться с конца 1990-х годов. В связи с этим стоит отметить такие работы, как диссертации О. А. Бузуева⁷³, И. В. Пименова⁷⁴, Ю. А. Азарова⁷⁵, Н. М. Михалева⁷⁶ и др. Институтом мировой литературы им. А. М. Горького РАН подготовлены и опубликованы пять монографических выпусков из серии «Литература русского зарубежья. 1920-1940»⁷⁷, где в выпуске III содержится характеристика именно эмигрантской периодики.

В 1990-е и 2000-е годы начинают появляться диссертационные исследования, посвященные как творчеству писателей русского зарубежья с включением анализа их мемуарного наследия, так и собственно работы, анализирующие мемуаристику в среде русского зарубежья. В этой связи стоит назвать работы И. Л. Сиротиной⁷⁸, О. Р. Демидовой⁷⁹, Т. Н. Стояновой⁸⁰, Е. Л. Кирилловой⁸¹, А. А. Кузнецовой⁸², Е. В. Вороновой⁸³, А. В. Громовой⁸⁴,

⁷³ Бузуев О. А. Литература русского зарубежья Дальнего Востока, 1917 - 1945 гг.: Проблематика и художественное своеобразие. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2001. 353 с.

⁷⁴ Пименов И. В. Отражение общественно-политической жизни России в печати Русского Зарубежья, 20-30-е гг. XX века. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2002. 143 с.

⁷⁵ Азаров Ю. А. Литературные центры первой русской эмиграции : история, развитие и взаимодействие. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2006. 452 с.

⁷⁶ Михалев Н. М. Журналистика русского зарубежья и становление советской контрпропаганды : 1920-30-е годы. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009. 250 с.

⁷⁷ Литература русского зарубежья, 1920-1940 / Рос. акад. наук. Институт мировой лит-ры им. А. М. Горького; сост. и отв. ред. О. Н. Михайлов. М.: Наследие, Наука, 1993-2013.

⁷⁸ Сиротина И. Л. Мемуаристика как источник осмысления менталитета русской интеллигенции. Дисс. ... канд. социол. наук. Саранск, 1995. 149 с.

⁷⁹ Демидова О. Р. Эстетика литературного быта русского зарубежья (на документальном материале русской эмиграции 1920 - 1960 гг.) Дисс. ... докт. филол. наук. СПб., 2001. 355 с.

⁸⁰ Стоянова Т. Н. Книга А. М. Ремизова «Взвихренная Русь»: формирование поэтики. Дисс... канд. филол. наук. СПб., 2003. 180 с.

⁸¹ Кириллова Е. Л. Мемуаристика как метажанр и ее жанровые модификации. На материале мемуарной прозы русс. заруб. первой волны. Дисс. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2004. 221 с.

Н. Н. Козновой⁸⁵. Особое место в истории отечественного литературоведения занимают работы В. М. Пискунова, который начал разрабатывать поэтику мемуаров писателей русского зарубежья раньше других⁸⁶.

В то же время стоит отметить, что несмотря на серьезный научный интерес зарубежной филологической школы к русской литературе, включая литературу русского зарубежья, проявленный в годы сосуществования двух литератур, разделенных «железным занавесом», литературной периодике также уделялось недостаточно внимания. Нами обнаружена лишь одна научная работа, выполненная в XX веке, в которой предпринята попытка источниковедческого анализа журнала «Возрождение» — в Университете Вандербильт (штат Теннесси, США) в 1974 г. защищена диссертация (PhD) на тему «"Возрождение": русское периодическое издание и его сотрудники»⁸⁷. В своей работе американский исследователь Я. Томашиевский (J. Tomaszewski) также указывает на недостаточную изученность публикаций, печатавшихся в русской периодической печати за границей⁸⁸. И это при том, что сам по себе этот журнал в полной мере служит прекрасным источником анализа филологических изысканий русского зарубежья. Ведь наряду с историческими, документальными и публицистическими работами в нем появилось немало художественных материалов — прозы, поэзии, критики, что отмечается и в

⁸² Кузнецова А. А. Идейное и художественное своеобразие мемуарной прозы второстепенных писателей русской литературной эмиграции: Н. Берберова, И. Одоевцева, В. Яновский. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005. 241 с.

⁸³ Воронова Е. В. Мифология повседневности в культуре русской эмиграции 1917-1939 гг.: на материале мемуаристики. Дисс. ... канд. культ. Киров, 2007. 171 с.

⁸⁴ Громова А. В. Жанровая система творчества Б.К. Зайцева: литературно-критические и художественно-документальные произведения. Дисс. ... докт. филол. наук. Орел, 2009. 522 с.

⁸⁵ Кознова Н. Н. Мемуары русс. писателей-эмигрантов первой волны: концепции истории и типология форм повествования. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2011. 492 с.

⁸⁶ См.: Пискунов В. М. Чистый ритм Мнемозины: О мемуарах и мемуаристах русского зарубежья // Литературное обозрение. 1990. № 10. С. 21-31; Пискунов В. М. Чистый ритм Мнемозины. М.: Альфа-М, 2005. 608 с.

⁸⁷ См.: Tomaszewski J. *Vozrozhdenie : a Russian periodical abroad and its contributors*. Nashville, 1974. 272 pp. Thesis (Ph.D. in Russian) — Vanderbilt University, 1974.

⁸⁸ См.: Tomaszewski J. *Ibid.* P. 11.

упомянутой диссертации американского ученого, поместившего в своей работе также библиографический тематический перечень публикаций. К сожалению, его работа недоступна в России, и нам удалось с ней работать лишь за границей. Обзор материалов и редакционной политики журнала рассмотрен также в работе Н. Бирхлер⁸⁹, которая отмечает, что «далеко еще не все стороны его истории исследованы сегодня <...> Перед исследователем нашего времени стоит трудная и захватывающая задача: собрать материал о журнале, сделав тем самым свой вклад в работу над историей русской эмиграции»⁹⁰.

В отечественном литературоведении необходимо отметить статью Т. Г. Петровой «"Первая волна" русской литературной эмиграции на страницах журнала "Возрождение"»⁹¹, в которой российская исследовательница касается мемуаристики, опубликованной в анализируемом нами издании, правда, ограничиваясь авторами «первой волны». Вместе с тем эта работа ставит вопросы и задачи, сходные с теми, что рассматриваются только применительно к иному историческому отрезку в нашем исследовании, — явилось ли творчество «первой волны» продолжением многовековой традиции русской литературы, и каким образом встреча двух волн русской эмиграции повлияла на литературный процесс русского зарубежья.

В настоящее время обсуждение указанной проблематики имеет место также на многочисленных конференциях, круглых столах и симпозиумах, посвященных литературе русского зарубежья и новым литературоведческим тенденциям. В числе прочих можно отметить IV Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 28-29 марта 2011 г.), конференцию

⁸⁹ Бирхлер Н. Литературная политика парижского журнала «Возрождение», 1949-1974 // Schweizerische Beiträge zum XII. Internationalen Slavistenkongress in Krakau, August 1998 / Herausgegeben von Jan Peter Locher. Bern, 1998. S.7-20.

⁹⁰ Ibid. S. 20.

⁹¹ Петрова Т. Г. «Первая волна» русской литературной эмиграции на страницах журнала «Возрождение» // Реферативный журнал. Серия 7. Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература: Литературоведение. № 4. М.: РАН, 1997. С. 138-152.

проекта «Эго-документ и литература» (Варшава, 3-4 июня 2011 г.), научный форум «Гуманитарные чтения РГГУ-2013» (Воскресенск, 14-15 марта 2013 г.), конференцию «Румянцевские чтения - 2013» (Москва, 16-17 апреля 2013), международную конференцию «Автобиографические свидетельства в европейской традиции: междисциплинарные перспективы исследований» (НИУ-ВШЭ, Москва, 26-27 сентября 2013 г.) и др.

Актуальность исследования. Интерес к литературе русской эмиграции XX века можно вполне считать неизменным и все возрастающим. По мнению американского литературоведа М. Раева исследовательская работа по изучению и выявлению наследия русского зарубежья необходима, прежде всего, чтобы «определить место и значение этого уникального явления русской истории нашего века: массовая эмиграция за пределы царской и советской империй и его роль в судьбе России»⁹². То же самое относится и к эго-документалистике, созданной многочисленными волнами русского рассеяния. Это понятие включает в себя гораздо более широкий корпус текстов «литературы факта». В литературном процессе XX века наметилась тенденция к увеличению количества произведений, которые в современной литературоведческой науке подпадают лишь частично под понятие «мемуарной» или «мемуарно-автобиографической прозы». Новые подходы к ее созданию привели к тому, что, с одной стороны, оказались размыты жанровые формы внутри такого вида литературы. Фактически исчезла жаровая форма «воспоминания», которая в настоящее время чаще всего рассматривается как синоним мемуаров. Этот и другие похожие вопросы, по которым мнения литературоведов пока еще расходятся, привели, в частности, к появлению вышеназванного термина. С другой стороны, возникают определенные сложности и в разграничении мемуарно-автобиографической и художественной прозы. В то же время

⁹² Раев М. В помощь исследованию Зарубежной России // Новый журнал. 1995. Номер 196. С. 358.

зачастую исследователями не берется в качестве материала изучения разнообразный в своем охвате спектр мемуаров разной природы, т. е. принадлежащих перу людей разных профессий. Тем более почти нет исследований, рассматривающих мемуары в ситуации «прикрепления» к определенному печатному органу. В настоящем же исследовании нами выбраны публикации парижского журнала «Возрождение», предоставлявшего свои страницы, как правило, либо малоизвестным авторам, либо достаточно известным и авторитетным в эмиграции лицам, но пишущим нерегулярно, а иногда и спорадически. Их взгляд на описываемые ими события интересен, прежде всего, как исповедальный текст на уровне повседневной жизни⁹³. В подтверждение верности выбора материала приведем слова К. Я. Ваншенкина, отметившего, что, на его взгляд, главная особенность литературных мемуаров как жанра состоит в том, что их пишут не только литераторы, а замечательные образцы оставляют артисты, художники, ученые, военные, то есть люди, которым не приходит в голову сочинять романы или рассказы⁹⁴. Это замечание напрямую соотносится с наблюдением Н. Н. Козновой о том, что «каждый день из жизни «обычного» человека мог много рассказать и о военной действительности, и о моральной, духовной атмосфере, создавшейся как в отдельно взятом местечке (под Парижем), так и во всей Европе»⁹⁵. Следует напомнить также то, что М. Осоргин в основу своей мемуарной книги «Письма о незначительном, 1940-1942 гг.» положил обычную жизнь рядовых людей.

Указанный аспект взят нами в качестве принципиальной основы предполагаемого исследования. Ведь, по мнению Г. П. Струве, «едва ли не самым ценным вкладом в общую сокровищницу русской литературы должны

⁹³ Местергази Е. Г. Литература нон-фикшн. Экспериментальная энциклопедия. М.: Совпадение, 2007. С. 49-50.

⁹⁴ См.: Ваншенкин К. Рассказать о своей жизни // Вопросы литературы. 1999. № 1. С. 12-13.

⁹⁵ Кознова Н. Н. Указ. соч. С. 391.

будут признаны формы нехудожественной литературы – критика, эссеистика, философская проза, высокая публицистика и мемуарная литература»⁹⁶.

Если еще в начале 1990-х гг., по мнению Раева, работа по выявлению материалов, исследование русского зарубежья велось без достаточной систематичности и координации; учреждения и лица, разрабатывающие эту тематику, не знали друг о друге, не обменивались публикациями, не говоря о том, что заграничные работы и исследователи им часто были недоступны⁹⁷, то к концу XX века ситуация стала меняться. Вот почему в этом вопросе как никогда важно сотрудничество на международном уровне. Особенно в век цифровых технологий, когда любые печатные издания могут с успехом сканироваться и тем самым сохраняться если не в печатном виде, то хотя бы в виде электронном. Так с недавнего времени происходит взаимодействие между различными библиотеками мира. Успешными в этом отношении можно назвать проекты Internet Archive (<https://archive.org/>) и Hathi Trust Digital Library (<http://www.hathitrust.org/>). А по вопросу <http://www.hathitrust.org/> составления библиографии русского зарубежья уже давно известен проект «Россия вне России» (<http://dc.lib.unc.edu/cdm/browse/collection/rbr/>) Университета штата Северная Каролина (США). Предполагается подобный цифровой “книгообмен” и между Российской государственной библиотекой и Библиотекой-Фондом Дома Русского Зарубежья им. А. И. Солженицына. К слову, в последнем книгохранилище также реализуется несколько проектов по оцифровке периодики («Иллюстрированная Россия», «Рубеж», «Современные записки» и др.) В Музее В. В. Набокова в Санкт-Петербурге также проводилась работа по оцифровке одного из главных литературных журналов русского зарубежья — «Современные записки» (<http://www.nabokvmuseum.org/digitalbooks1.html#>).

⁹⁶ Струве Г. П. Русская литература в изгнании. М.: Русский путь, 1996. С. 248.

⁹⁷ См.: Раев М. Указ. соч. С. 350.

Правда, оцифровка была не полная. Выборка журналов сделана исключительно по представленным в нем публикациям писателя В. В. Набокова.

Есть интересные проекты по переизданию в виде репринтов старых раритетных книг (проект магазина «Чтець», Salamandra P.V.V. и др.). Новая технология «Печать под заказ» (Print On Demand) позволяет осуществлять это сравнительно быстро и минуя бюрократические препоны, зачастую связанные с изданием любой книги массовым тиражом. Некоторые библиотеки мира собрали тематическую коллекцию изданий, мало доступных в других частях мира. Так, в Hamilton Library при Университете штата Гавайи (США) имеется крупная пополняемая коллекция русских печатных изданий, вышедших в Тихоокеанском регионе — преимущественно, в Китае, Южной Америке и Австралии. А в Национальной Австралийской Библиотеке собрана коллекция австралийских изданий на русском языке. В то же время, недостаток таковых остро ощутим в самой России, препятствуя плодотворной работе отечественной науки. В советское время при Государственной библиотеке им. Ленина существовал спецхран, в который, так или иначе, собирался фонд книг и периодики, издаваемой в русском зарубежье. В постсоветское время вместе с новым названием библиотеки получил новое название и этот фонд. Нынче он — Отдел Русского Зарубежья при Российской государственной библиотеке. Изменилась и сущность фонда, он перестал быть секретным отделом, а стал хранилищем русской зарубежной мысли. Работа по пополнению коллекции продолжается активно и поныне. Однако, к сожалению, еще далеко не все собрано. И возможно ли собрать все или почти все? Ведь в XX веке с его войнами и миграциями многое, без сомнения, было утрачено. А что-то остается неизвестным даже узкому кругу специалистов.

Научная новизна исследования обусловлена комплексным, многосторонним подходом к изучению мемуаристики, публиковавшейся на

страницах журнала «Возрождение». В нем предпринята попытка дать максимально широкий срез литературных работ разнообразных по своей тематике, по своим подходам, по стилям изложения и характеру авторского подхода.

Наряду с этим в задачи и цели исследования входило стремление показать единство мемуарной литературы зарубежья, представить его литературную жизнь как сложное явление и одновременно, руководствуясь принципом сравнительного рассмотрения, передать ее своеобразие на примере каждой из изучаемых публикаций. Как отмечает Азаров, «эмигрантская периодика представляет собой очень важную сферу литературной деятельности зарубежья, ее изучение позволяет проследить тенденции в духовной жизни, культуре и литературе, их отдельные проявления»⁹⁸.

Объектом исследования выбрана мемуарная проза эмигрантов. Специфика данной работы состоит также в разработке малоизученного до сих пор аспекта эго-документалистики второй волны русского рассеяния и публикаций послевоенного периода (после Второй мировой войны) на основе ретроспективной выборки авторов ведущего общественно-политического и литературного журнала эмиграции «Возрождение» (Париж, 1949-1974), ставшего **материалом** диссертационной работы. Ведь мемуаристика русского зарубежья — сложное полифоническое единство, где каждый голос имеет свое звучание, ведет свою мелодию, а вместе с тем все голоса сливаются, создавая симфонию времени, сложную неповторимую картину индивидуальных человеческих судеб. Диапазон самосознания личности определяет глубину проникновения в тайны не только внутреннего, но и внешнего бытия⁹⁹, т.е. дает представление о духовной жизни, культуре своего времени. Данное издание — не редкость в коллекциях библиотек мира. В частности, в России полная

⁹⁸ Азаров Ю. А. Указ. соч. С. 7.

⁹⁹ См.: Великая Н. И. Указ. соч. С. 297.

коллекция журнала имеется в Российской Государственной Библиотеке и в Библиотеке-Фонде Русского Зарубежья им. А. И. Солженицына. Вышеприведенный аннотированный указатель («Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках») также явился подспорьем в нашей работе, т. к. несмотря на имеющиеся пропуски, все же старался охватить все эго-документы, опубликованные в эмиграции.

Для литературоведческого анализа нами был привлечен весь корпус эго-документальных текстов, опубликованных в журнале «Возрождение», количеством более 150 отдельных публикаций и общим объемом около 500 авт. л. В большинстве своем они незначительны по размеру (от 0,1 до 1 авт. л.) и не дают возможности полноценного исследования. Вместе с тем имеется ряд крупных работ, среди которых были выбраны мемуары последнего министра финансов Императорской России П. Л. Барка, воспоминания различных авторов (объединенных общей тематикой публикаций о Династии Романовых), роман-мемуар поэтессы М. Н. Веги «Бронзовые часы» (и его продолжение — роман «Бродячий ангел»), а также автобиографический очерк М. Боброва «По долинам и по взгорьям». Помимо того, что данные произведения ранее не анализировались с литературоведческой точки зрения, они также не переиздавались и потому почти неизвестны широкому кругу исследователей (в отличие, например, от опубликованных там же в «Возрождении», дневников З. Гиппиус или воспоминаний А. Тырковой-Вильямс). Не менее важным явилось то, что отобранные для исследования тексты различны по биографическим особенностям их авторов и в жанровом отношении представляют разнородные явления. А роман-мемуар М. Веги хотя является по жанровой классификации автобиографическим романом, построенным на почти что вымышленной сюжетике семейной хроники, в то же время, явление переходного типа — от художественного к документальному.

Методологическую базу исследования составляют следующие основные подходы к изучению мемуаров — это историко-культурный, сравнительно-типологический, биографический, историко-источниковедческий, историко-литературный и контекстуально-жанровый. Данная методология предполагает выявление теоретических аспектов взаимосвязи частного и всеобщего (субъективного и объективного) как онтологической основы любого эго-документа. Исследование в своих основах опирается на комплексный подход к анализу литературного произведения, обращая при этом особое внимание на выводы исследователей о таких особенностях эмигрантского сознания, как маргинальность, тяга к мифотворчеству, иллюзорность, проявление экзистенциального одиночества и заброшенности, стремление сохранить родную культуру, мистицизм и иррационализм (интерес к снам, видениям, мистическому опыту, религии).

Теоретические принципы указанных подходов были сформулированы Л. Я. Гинзбург, М. М. Бахтиным, Ю. М. Лотманом, Ю. Н. Тыняновым, А. Г. Тартаковским и др. Теоретические основы, заложенные Л. Я. Гинзбург, позволили рассмотреть произведения в контексте творчества поэтессы М. Н. Веги (биографический метод), в социальном контексте и с учётом принципов историзма и психологизма. Кроме того, особо ценным представляется её внимание к символическому значению деталей в целом, к «прописыванию» сюжета и композиции, выражающих авторскую позицию, отношение к «промежуточным» литературным жанрам с документальной основой как к «человеческим документам». При работе с художественно-публицистическими и автодокументальными текстами использовались также теоретические разработки Ф. Лежёна, С. С. Минца, И. О. Шайтанова, Н. Н. Козновой, Н. К. Гудзия и др.

По мнению А. Г. Тартаковского, «мемуаристика (в широком смысле слова) суть овеществленная историческая память, одно из средств духовной преемственности поколений и один из показателей уровня цивилизованности общества, его сознательного отношения к своему прошлому, а следовательно, к своему бытию вообще»¹⁰⁰. В то же время мемуаристика может рассматриваться как раздел словесности уже потому, что психологически «романист и мемуарист как бы начинают с разных концов и где-то по дороге встречаются в единстве события и смысла»¹⁰¹. Об этом же писал Ю. М. Лотман, указывая, что в определенных типах культуры «граница между художественным и нехудожественным текстами может проводиться столь непривычным для нашего современного восприятия образом, что мы будем склонны ее вообще не улавливать. <...> Так, искусство XX в. принципиально разрешает включать газетный текст в поэзию или иными способами использовать нехудожественные тексты в функции художественных»¹⁰². Т. М. Колядич полагала указанные подходы равнозначными¹⁰³.

Первый подход предполагает изучение особенностей мемуарного жанра как самостоятельной разновидности литературы. Основным материалом становятся, прежде всего, мемуары писателей, хотя иногда исследователями привлекаются воспоминания непрофессиональных авторов. Ведь известны случаи, когда они входили в историю литературы исключительно как создатели мемуарных произведений (А. Болотов, Е. Дашкова).

Историко-источниковедческий подход является наиболее распространенным. В данном случае воспоминания рассматриваются как свод фактов, указывающих на языковые особенности, быт и нравы определенной

¹⁰⁰ Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX вв. От рукописи к книге. М.: Наука, 1991. С. 3.

¹⁰¹ Гинзбург Л. Указ. соч. С. 8.

¹⁰² Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПб, 1998. С. 273.

¹⁰³ Колядич Т. М. Указ. соч. С. 7.

эпохи, помогающих изучению своеобразия общественных, социальных и культурных взаимоотношений.

Кроме того возможно исследование не только самих памятников и содержащихся в них сведений, но и изучение мемуаров в плане их собственной истории, как «остатков» породившей их социально-психологической среды, как памятников идейного движения и общественно-исторической мысли эпохи своего создания, вне которых сама эта эпоха не может быть правильно понята. Иными словами, речь идет о мемуаристике как самостоятельном явлении духовной культуры. А нередко при изучении мемуаров первостепенное значение имеет все, связанное с происхождением самих мемуаров — их датировка, атрибуция, обстоятельства создания, степень причастности автора к событиям, о которых он повествует, его биография, социальный статус, воззрения, житейские отношения и т. д.¹⁰⁴

Историко-культурологический подход предполагает рассмотрение лично пережитого как типичного, характерного для целого поколения. Именно так, — как «человек своего поколения» (такое название носят его мемуары), — приступал к своему повествованию К. Симонов, ведь его жизнь — «пусть бесконечно малая, но все-таки частица жизни этого общества»¹⁰⁵.

Следует напомнить при этом, что развитие русской мемуаристики шло по линии ухода от фактографичности и усиления «художественности» изображения увиденного автором. В то же время стоит отметить, что писательский мемуарный текст неизбежно сближается с жанрами художественной прозы (рассказом, повестью, романом), включая свойственные им элементы поэтики, и обычно несет в себе своеобразие авторского стиля. На это обращает внимание Кознова: «Непременными составляющими такого текста являются четко выстроенный сюжет, хорошо организованная система

¹⁰⁴ Тартаковский А. Мемуаристика как феномен культуры // Вопросы литературы. 1999. № 1. С. 54.

¹⁰⁵ См.: Колядич Т. М. Указ. соч. С. 7.

образов, многообразие языковых художественных средств: тропов и фигур, портретных и пейзажных зарисовок, лирических отступлений и авторских характеристик»¹⁰⁶. Но, как будет показано в дальнейшем, отдельные элементы «поэтики» могут быть обнаружены и в текстах «профессионалов».

С другой стороны, в мемуарное текстовое пространство активно вовлекаются дневниковые, эпистолярные, публицистические тексты, автобиографии, записки, определяющиеся в литературоведении как «автодокументальный текст» (А. А. Урбан¹⁰⁷) или «эго-документ» (Л. Луцевич и др.¹⁰⁸), как «эго-текст» (М. Ю. Михеев¹⁰⁹). Широкий диапазон произведений, включенных в понятие «эго-текст», соответственно, потребовал и выработки новых подходов к их изучению, которые были применены ко всем анализируемым произведениям и которые позволили раскрыть вне зависимости от жанровой принадлежности общие механизмы конструирования авторской позиции и авторской личности в эго-документе. И в данном случае перспективным оказалось обращение к разработанным в социологии и психологии методам изучения различных видов памяти.

Цель работы. В данной работе будет осуществлена попытка дифференцировать мемуарное повествование, отделив его от других разновидностей повествовательной прозы, каковыми являются путевые очерки, лирическая повесть, «мысли о творчестве».

В связи с этим предполагается решение ряда **задач**:

- передать своеобразие литературной жизни русского зарубежья на примере изучаемых публикаций эмигрантской периодики;
- выявить грань между фактом и вымыслом в рассматриваемых автобиографических произведениях;

¹⁰⁶ Кознова Н. Н. Указ. соч. С. 388.

¹⁰⁷ См.: Урбан А. А. Автодокументальная проза // Звезда. 1970. № 10. С. 193-204.

¹⁰⁸ См.: Луцевич Л. Русские дневники в Варшаве // Новое литературное обозрение. № 3. М., 2005. С. 441-444.

¹⁰⁹ См.: Михеев М. Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX-XX). М.: Водолей Publishers, 2007. С. 6-7.

- классифицировать мемуарные тексты по внутреннему жанрообразующему признаку;
- структурировать корпус мемуарных текстов;
- выявить единство мемуарной литературы русского зарубежья.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что содержащийся в ней материал, выводы и обобщения могут быть применены при разработке проблем теории литературы, при создании более полной, выверенной истории русской литературы XX века, в исследованиях поэтико-мировоззренческой специфики мемуарно-автобиографической прозы, в спецкурсах, посвященных преподаванию истории мемуаристики русского зарубежья, а также раскрывающих творческую индивидуальность представителей русского зарубежья.

Практическая значимость состоит в том, что результаты данного исследования могут использоваться при дальнейшем научном изучении творчества писателей русского зарубежья, при составлении учебных пособий для высшей и средней школы, в практике вузовского и школьного преподавания.

Структура работы. Диссертация состоит из вступления, в котором представлен краткий обзор развития отечественной документальной литературы (мемуаристики) в метрополии и эмиграции, а также сформулированы основные теоретические принципы, обоснована теоретическая и практическая значимость исследования, рассмотрены степень разработанности проблемы, цели и задачи, научная новизна и актуальность, даны сведения об апробации работы на научных конференциях и в публикациях.

В первой главе представлен обзор основных теоретических принципов, положенных в основу построения литературоведческого анализа эго-

документалистики в ее соприкосновении с философскими категориями памяти и «утраченного», а также уделяется внимание значимости периодики, и в частности, роли журнала «Возрождение» в общественно-культурной жизни русского рассеяния.

Вторая глава посвящена рассмотрению типологии мемуарных текстов, опубликованных в «Возрождении». Выявляется основополагающая бинарная оппозиция «документальное / художественное», служащая классифицирующим признаком для построения типологии. Уделено особое место мифологическому в мемуаристике, а также представлен анализ влияния автобиографического и биографического на художественный контекст.

Третья глава включает в себя анализ автобиографической парадигмы как типологической основы женского романа русского зарубежья с присущими таковому атрибутами гендерности на примере эго-документального наследия поэтессы М. Н. Веге. Наиболее сильными семантическими составляющими в ее текстах (романах «Бронзовые часы» и «Бродячий ангел») выступают образ Дома и категория детства, также являющиеся основополагающими в воспоминаниях представителей эмиграции.

Завершают исследование заключение, библиография и приложение.

В связи с работой над данной диссертацией была составлена полная библиография эго-документальных публикаций в журнале «Возрождение», представленная в качестве приложения. Помимо уже обнаруженных текстов, здесь учитываются и вводятся в научный оборот ещё не зафиксированные в указателях публикации (не только «чисто» мемуарного характера, но и находящиеся на стыке художественно-документального).

Апробация исследования. Основные положения и результаты исследования были прочитаны в виде научных докладов на шести конференциях и круглых столах: Междисциплинарной конференции

«Автобиографические свидетельства в европейской традиции: междисциплинарные перспективы исследований» (Москва, 2013), Круглом столе «Династия Романовых и русская литература» (Москва, 2013), Городском конкурсе научно-исследовательских работ «Русский язык и литература в исследованиях молодых ученых» (Москва, 2014), Всероссийской научной конференции «Филологические исследования – 2014. Источники, их анализ и интерпретация в филологических науках» (Сыктывкар, 2014), IV Международной научной конференции «Русская литература XX-XXI веков как единый процесс (Проблемы теории и методологии изучения)» (Москва, 2014), X международной научно-практической конференции «Передовые научные разработки — 2014» (Прага, 2014), Международной конференции «Издательская деятельность российского зарубежья» (Москва, 2015).

Основные положения диссертационного исследования отражены автором в шестнадцати публикациях, пять из которых размещены в изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура диссертации мотивирована её задачами и спецификой объекта исследования. Работа включает 199 страниц основного текста (введение, три главы, заключение), 32 страницы библиографии (337 наименований) и 37 страниц приложения.

При цитировании — там, где это представлялось необходимым, были внесены изменения в соответствии с современными нормами русского языка, исправлены явные опечатки, но в некоторых случаях сохранены особенности авторской орфографии и пунктуации, даже если это противоречит принятым в настоящее время правилам.

Глава 1. Эго-документы русского зарубежья

Если в отечественной мемуаристике, как в любой мемуаристике, пишущейся в метрополии, присутствует принцип успокоения, выверенности, то в мемуарах, создаваемых в эмиграции, есть определенный элемент оправдания, даже самооправдания, «выгораживания» себя и ощутимой борьбы между историческими реалиями и их объяснением. Самообман отягощается нарочитой подтасовкой исторических обстоятельств, которые в мемуаристике XX века становятся не только некоей метафизической величиной, но самостоятельным участником художественного повествования, что подтверждается даже названиями воспоминаний писателей русского зарубежья — «Лето Господне» И. С. Шмелева, «Свидетель истории» и «Времена» М. А. Осоргина, «Древо жизни» Б. К. Зайцева, «Другие берега» В. В. Набокова и т. д.¹¹⁰ В этом случае важнее становится осмысление, а не домысливание. Возникают напряженные отношения между объективностью исторических реалий и субъективностью вспоминающего. Значение мемуаров, «субъективного самого по себе источника познания прошлого <...> бесконечно преуменьшается не только привнесением последующих настроений, весьма отличных от подлинных авторских настроений [вспоминаемого им времени] <...>, но и тем, что пелена тумана бессознательно для мемуариста застилает его память...»¹¹¹, — полагал С. Мельгунов. Ведь, как уже отмечалось, для историка важна объективность событий и их изложения, в то время как для литературоведа — важнее субъективная составляющая мемуаров. Найти эту грань и объяснить, каким образом субъективность способна перевести текст на иной художественный уровень — задача исследователя мемуарной литературы. Дополнительно к указанным обстоятельствам в задачи исследователя мемуаристики русского

¹¹⁰ См.: Бронская Л.И. Указ. соч. С. 53.

¹¹¹ Мельгунов С. Мартовские дни 1917 г. // Возрождение. 1950. № 12. С. 142.

зарубежья входит выявление фактологической стороны жизни автора, документальное подтверждение изложенного им или рассказанного о нем другими. Ведь зачастую факты из его биографии могут разниться с свидетельствами современников. К тому же многое не было вовремя зафиксировано, что-то бесследно пропало, поэтому исследователям произведений, создаваемых в жанре документального повествования, очень часто приходится удовлетворяться непроверенными слухами и сообщениями на основе все той же ненадежной человеческой памяти. Биографические и библиографические справки нередко расходятся между собой, особенно когда это касается авторов, ученых и деятелей эмиграции, которые не достигли мирового признания¹¹².

¹¹² См.: Раев М. В помощь исследованию Зарубежной России // Новый журнал. 1995. № 196. С. 354.

1.1. Категория памяти в эго-документах «первой волны» (1920-30 гг.)

По утверждению Т. М. Колядич, субъективное начало является в мемуарах доминирующим. И вместе с тем, мемуарам в гораздо большей степени свойственно стремление к обобщениям, восприятие своей судьбы как части биографии поколения, эпизация описываемого¹¹³. В эмиграции первых послереволюционных лет воспоминания пишут почти все представители старшего поколения литераторов: И. А. Бунин, Б. К. Зайцев, А. И. Куприн, И. С. Шмелев, Е. Н. Чириков и др. По утверждению М. В. Вишняка, писатель и философ Ф. А. Степун полагал, что «эмиграция или презренная “эмигрантщина”, это даже не Россия № 2, а — люди прошлого, для которых часы истории остановились на 1917-ом году и которые живут, поскольку они духовно еще не умерли, исключительно воспоминаниями»¹¹⁴. Конечно, при этом они пишут о прошлом, и, разумеется, всегда полагаются на свою память, что, по мнению С. П. Мельгунова, как историка, недопустимо — в пылу критики он обрушивается на одного из авторов тех лет с такими упреками: «...следуя установившимся плохим традициям многих мемуаристов, не потрудился навести соответствующие справки и повествует исключительно по памяти»¹¹⁵. Для поэта же память — инструмент восхищения. «Воспоминания... разве это не изумительный подарок памяти?..»¹¹⁶, — восклицает Ирина Астру.

Проблема памяти занимает одно из центральных мест в философии¹¹⁷. Нельзя изменить фактическую вещную сторону прошлого. Но смысловая, выразительная, говорящая сторона может быть изменена, ибо она незавершима

¹¹³ См.: Колядич Т. М. Указ. соч. С. 6-7.

¹¹⁴ Вишняк М. В. «Современные записки». Воспоминания редактора. США: Indiana University Publications, 1957. С. 229.

¹¹⁵ Мельгунов С. Указ. соч. // Возрождение. 1950. № 12. С. 143.

¹¹⁶ Астру И. Подарок памяти // Возрождение. 1965. № 168. С. 29.

¹¹⁷ См.: Бахтин М.М. К философским основам гуманитарных наук // Бахтин М.М. Собрание сочинений. М.: Русские словари, 1996. Т. 5. С. 7-10.

и не совпадает сама с собой, т. е. свободна. Принципиальна роль памяти в этом вечном преображении прошлого. На эту особенность указывает Д. М. Галиуллина, когда говорит, что «память способна уловить и сохранить такие стороны исторических событий, которые не могут найти отражение в других видах источников. Память способна запоминать одно и забывать другое, более важное. Иногда это делается умышленно. Забывчивость заставляет использовать и данные других источников — архивных документов, материалов периодической печати, устных рассказов очевидцев и др. Сведения из других источников тоже должны пройти проверку на достоверность»¹¹⁸. Опосредованная же и завуалированная форма саморефлексии при этом позволяет достичь очень высокой степени откровенности. Такой формой может служить нарративная маска и иные защитные механизмы¹¹⁹. На проникновение за пределы нарративной маски претендует психобиографический подход. Он, действительно, многое может дать при обращении к текстам, созданным в эмиграции, хотя эмигранты по большей своей части считали себя не находящимися в эмиграции. И более того, «многие авторы, особенно в первые послереволюционные годы, искренне полагали, что век советской власти будет недолог, и их знания и опыт потребуются в “освобожденной” России»¹²⁰. Вспомним здесь ставшую хрестоматийной фразу Н. Н. Берберовой: «Мы не в изгнании — мы в послании»¹²¹. Все их помыслы были обращены не к сегодняшней “ненастоящей” жизни, а к будущему — “когда мы в Россию вернемся”, и к прошлому, недоступному вторжениям враждебной и равнодушной чужбины, как светлый нетленный Китеж, за стенами которого “я”

¹¹⁸ Галиуллина Д.М. Указ. соч. С. 43.

¹¹⁹ Большев А. О. Шедевры русской прозы в свете психобиографического подхода. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. С. 5.

¹²⁰ Коршунов Э. Л., Жарский А. П., Михайлов А. А. Крушение Русской Императорской Армии в 1917 году // *Emigrantica*: периодические издания русского зарубежья, вопросы источниковедческой критики. СПб.: Издательство СПбГУ, 2012. С. 200.

¹²¹ Цит. по: Демидова О. Р. Эстетика литературного быта русского зарубежья (на документальном материале русской эмиграции 1920 - 1960 гг.) Дисс. ... док. фил. наук. СПб., 2001. С. 281.

эмигранта обретало свое значение и достоинство. И чем горше была беженская доля, тем ярче воскресали в памяти видения отчего дома, детства, юности, всей славы и счастья прежней жизни на родине. Эти воспоминания позволяли измученным, все потерявшим людям забывать тоску эмигрантщины и сердцем жить в соединении со всем тем святым, великим, добрым, прекрасным и вечным, чем была в их сознании Россия. «Они были вышиблены из России, не успев прочесть нужных книг, продумать себя, организовать. Они вышли из катастрофы голыми»¹²². Понятно, что и книги им нужны были главным образом такие, в которых бы рассказывалось о потерянном рае русской жизни до революции. Степень художественности литературного произведения не имела при этом решающего значения¹²³. А некоторые видели в таком решении деистическое начало — «...вероятно, добрый Бог и устроил так, что все плохое из памяти автоматически стирается, и питается она, по преимуществу, только хорошими воспоминаниями...»¹²⁴. Также нельзя подходить с одинаковыми приемами анализа к воспоминаниям, написанным в разное время, в различной обстановке. Так, по мнению Галиуллиной, у авторов-эмигрантов были определенные сложности при работе над текстами: «Прежде всего, это трудности с использованием необходимых источников. Специфическая особенность этих источников — попытка смириться “с вынужденным изгнанием, пристрастное отношение авторов к недавно произошедшим грандиозным историческим событиям”¹²⁵. Поэтому многие мемуары российских эмигрантов написаны только по памяти и по устным рассказам

¹²² Берберова Н. Курсив мой. М., 1996. С. 525; Ср.: Варшавский В. Незамеченное поколение. Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1956. С. 172.

¹²³ См.: Варшавский В. Указ. соч. С. 172-173.

¹²⁴ Астрау И. Подарок памяти // Возрождение. 1965. № 168. С. 26.

¹²⁵ Сальникова А.А. Современное зарубежное источниковедение: теория и метод. Казань, 1999. С. 36. Цит. по: Галиуллина Д. М. Указ. соч. С. 43.

очевидцев. Исследователю важно оценить мемуарный источник не с позиции современности, а с позиции той эпохи, которой он принадлежит»¹²⁶.

Несмотря на это, разумеется, авторы воспоминаний не могли не учитывать читательский опыт и читательские притязания русского зарубежья, однако главным своим читателем они мыслили человека будущего, русского из вновь воскресшей России. Подчас такой будущий читатель был для них фигурой более значимой, чем читатель современный¹²⁷. Для него, читателя из туманного будущего оценка современников далекой эпохи была не менее важна, чем его собственная оценка спустя десятилетия. Ведь по мнению Е. Ефимовского, в личных воспоминаниях образы минувшего незаметно переходят в оценку, а оценка переходит в своего рода «самосуд» и над другими, и над самим собой. «Пока они устанавливают факты, отвечая на вопрос: “Что мои глаза видели?”», они служат элементами для научного исследования; но для отыскания истины остается решить вопрос не только о том, «что они видели», но и «что проглядели». Соотношение того и другого, по мнению Е. Ефимовского, определяет ценность мемуаров и либо сделает из них настольную книгу для изучения представленной в них эпохи, либо станет образчиком «написания истории»¹²⁸.

Вместе с тем, как отмечают некоторые авторы, эмиграция в метафизическом понимании, не есть лишь смена места, страны проживания. Она не определяется географическим переселением или изгнанием. Эмиграцией в широком смысле можно считать смену эпох, форм существования, смену жизненных принципов и устоев, на что повлияли революция, война и т. п. Можно говорить об интеллектуальной эмиграции, т. е.

¹²⁶ Галиуллина Д. М. Указ. соч. С. 43.

¹²⁷ См.: Демидова О. Р. Указ. соч. С. 289.

¹²⁸ Ефимовский Е. Перед судом истории // Возрождение. 1956. № 51. С. 138.

эмиграции интеллекта, мысли, взгляда на происходящее¹²⁹. Это и есть внутренняя эмиграция. О том же пишет Э. Р. Резник, когда утверждает, что важно не столько «положение в пространстве», сколько «особый характер духовных отношений с отчизной», заключающий в себе стремление вовне, «столь же неукротимое, неутолимое, как желание вернуться»¹³⁰.

Исходя из этого, следует осознать, что как ни старались авторы русской эмиграции продолжать существовать в прежних рамках метрополии, прежней среде, прежнем миропонимании, они все-таки там не существовали, т. к. оказались в ином духовном пространстве. И творили как эмигранты. Если поначалу, сразу после отъезда для людей старшего поколения «любовь к родине от неутоленности сделалась манией»¹³¹, поглощала почти все внимание писателей и становилась главным героем повествования¹³², то позднее эти мотивы были уже не столь явными. Появлялось чувство меланхолии, вызванное потерей любимого объекта, в качестве которого может выступать такое масштабное явление, как например, родная страна¹³³. Такой образ утраченного, потерянного рая, встречается у писателей-прозаиков — Г. Газданова, В. Набокова и др. У авторов нон-фикшн тот же образ принимает характер исследуемого, неотстраненного, но соучастия, предстает как явление, к которому чувствуешь сопричастность. Но и там и здесь имеет место «травма эмиграции, слома жизненных устоев, желание высвобождения»¹³⁴. Оттого мемуары «можно назвать одним из самых эмоциональных жанров в мировом

¹²⁹ Бугаева Л. Д. Литература и rite de passage. СПб.: ИД «Петрополис», 2010. С. 190.

¹³⁰ См.: Резник Э. Р. «Поля Елисейские» В. С. Яновского как феномен русской мемуарной прозы XX века: художественная специфика хронотопа памяти. Дисс. ... к. филол. н. Омск, 2006. С. 106.

¹³¹ Архипов Ю. Энергия ностальгии // Москва. М., 1994. № 3. С. 141.

¹³² Кириллова Е. Л. Мемуаристика как метажанр и ее жанровые модификации. На материале мемуарной прозы русского зарубежья первой волны. Дисс. ... к. филол. н. Владивосток, 2004. С. 28.

¹³³ Фрейд З. Печаль и меланхолия // Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа: Сборник. СПб.: Алетейя, 1998. С. 214.

¹³⁴ Большев А. О. Указ. соч. С. 5.

литературном процессе»¹³⁵. В наибольшей степени это имеет отношение к текстам мемуаров, созданных в эмиграции. Ведь с годами все слабее становились надежды на скорое возвращение в Россию, на походы, на возобновление борьбы. Усталость и сознание напрасности понесенных жертв и совершенных усилий давили все тяжелее и вели все к большому обеднению чувств и идей. Надежды уже не было, будущее казалось закрытым¹³⁶. И оставался лишь взгляд в прошлое, откуда только и можно было черпать силы для жизни. Как пишет мемуаристка О. Софронова, «заглянули мы в прозрачные воды памяти, увидели наш затонувший Град Китеж — нечто мучительно красивое и утраченное нами»¹³⁷. Историк литературы русского рассеяния М. Л. Слоним даже полагает, что создался «особый род литературного штампа — рассказ-воспоминание, непременно о старой России, с лирическими березками — совершенно в стиле тех романсов, которые исторгают слезы у посетителей русских ресторанов»¹³⁸. Но быть может это было данью литературной традиции, порывом к продолжению дела русской культуры на иной почве? Именно в этом ключе писал в «Возрождении» В. Абданк-Коссовский, манифестируя: «Ни одна эмиграция <...> не получала столь повелительного наказа продолжать и развивать дело родной культуры, как зарубежная Русь»¹³⁹.

В то же время в мемуаристике имело место продолжение традиции психологической прозы рубежа веков, традиции познания человека, и прежде всего, познания самого себя. Так, по мнению Н. С. Степановой, автобиографические произведения писателей «первой волны» эмиграции стали

¹³⁵ Мельников А. Мнемозина в башне из слоновой кости: (О мемуарной эссеистике серебряного века) // Филология = Philologica. Краснодар, 1998. № 14. С. 73.

¹³⁶ См.: Варшавский В. Указ. соч. С. 30.

¹³⁷ Софронова О. Пути неведомые. Мюнхен, 1980. С. 165.

¹³⁸ Слоним М. Л. Заметки об эмигрантской литературе // Критика русского зарубежья. М., 2002. С. 121. Цит. по: Азаров Ю.А. Указ. соч. С. 48-49.

¹³⁹ Абданк-Коссовский В. Русская эмиграция: итоги за тридцать лет // Возрождение. № 52. 1956. С. 128.

«формой самосознания и самопознания», и в то же время «воплотили идею выстраивания собственного мифологического образа, стали способом объяснить себя другому, внести ясность о себе там, где это было необходимо»¹⁴⁰. Однако одновременно с опровержением существующих мифов, авторы вольно или невольно создавали новые, соответствующие выстраиваемой ими модели действительности. «Сосуществуя в едином пространстве эмигрантских автодокументов, притягиваясь друг к другу и отталкиваясь друг от друга, опровергая или дополняя одна другую, эти модели в совокупности способствуют формированию единого культурного мифа — Мифа русской эмиграции»¹⁴¹. Сосредоточенность авторов на осмыслении собственной жизни, на описании становления своей души в ее взаимоотношениях с миром, на стремлении осознать пройденный путь как целое, придать эмпирическому существованию оформленность и связность, зачастую прибегая к вымыслу, «дописывая» и «переписывая» свою жизнь, делая ее логичнее, целенаправленнее, особенно остро чувствуется в художественных воспоминаниях Бунина, Зайцева, Набокова, Осоргина, Шмелева. Они как бы смогли «осуществить переход в инобытие художественного и автобиографического текста»¹⁴². Их произведения – своего рода монолог, произносимый от лица героя, в котором явственно слышится пророческий, провидческий тон. Исследователь Н. И. Великая называет мемуары «авторской прозой», вбирающей в себя множество жанровых разновидностей¹⁴³. Ведь опора на память не всегда возможна. Как признается

¹⁴⁰ Степанова Н. С. Проблема духовного становления творческой личности в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2013. С. 19.

¹⁴¹ Демидова О. Р. Указ. соч. С. 290.

¹⁴² См.: Степанова Н. С. Указ. соч. С. 19.

¹⁴³ Великая Н. И. Указ. соч. С. 297.

поэт В. Смоленский: «Пытаюсь вспоминать. Но в памяти есть провалы, и многого уже не восстановить»¹⁴⁴.

Одновременно с этим лирико-автобиографические и философские повествования писателей русской эмиграции отражали весь художественный опыт постижения экзистенциальных вопросов: в чем смысл прихода человека в мир — смысл жизни и смысл смерти, что становится определяющим в человеческой судьбе, что ее формирует, какова роль человека в познании себя и мира, что есть память, любовь, творчество, свобода¹⁴⁵. Рассматривая «Поля Елисейские» В. С. Яновского, Э. Р. Резник уверена, что художественная система данного произведения «настраивается на мифопоэтический лад, мемуарный герой стремится к духовному истоку бытия, а художник, фиксируя идиомы его судьбы, открывает в себе сопричастность общим коллизиям человеческого существования»¹⁴⁶.

При этом первоначально М. Л. Слоним, а вслед за ним и Ю. А. Азаров, отмечают одну из важных особенностей мировосприятия писателей, что старшего, что младшего поколений, — настроение обреченности, гибели, лишь иногда смягчаемое ностальгической меланхолией. У молодежи это в значительной степени выражалось в воспевании дня уходящего, бессилии, неудаче, поражении, обиде, что уводило их естественным образом от мыслей о прошлом и парадигмы воспоминаний к обращению к настоящему, к действительности, к зарубежному их окружению¹⁴⁷. Так, по мнению Азарова, среди множества русских зарубежных писателей лишь Набоков смог найти свои сюжеты в окружающей иностранной жизни. И именно это, в первую очередь, отличало его от тех, кто хранил верность жанру воспоминаний, отказываясь от описания всего того, что «каждодневно преподносит беженская

¹⁴⁴ Смоленский В. Воспоминания // Возрождение. 1960. № 98. С. 104.

¹⁴⁵ См.: Степанова Н. С. Указ. соч. С. 19.

¹⁴⁶ Резник Э. Р. Указ. соч. С. 62.

¹⁴⁷ См.: Азаров Ю. А. Указ. соч. С. 50.

жизнь». Подобное тяготение к окружающему западному миру наблюдалось и у Газданова, который начинал свой творческий путь с рассказов о Гражданской войне, но которого постепенно все больше и больше стала привлекать «фантастичность действительности»¹⁴⁸. Обращенность к настоящему, по мнению Резник, возникала естественным образом, «ибо прошлое является замкнутым, завершенным, идеальным, и необходимо присутствие настоящего, чтобы разрушить эту замкнутость, придать оппозиции прошлого-настоящего сложный, подвижный характер»¹⁴⁹. Ведь для каждого русского писателя-эмигранта за кордоном осталась “своя” Россия. Для кого-то — это радужные воспоминания детства, юности, пережитой любви. Для других — красота необъятных просторов, родной природы. Но для каждого из них обращение к ностальгическим чувствам «оборачивалось рефлексивным анализом собственных духовных качеств и невыразимой тоской по загадочной и необыкновенно близкой русской душе»¹⁵⁰, что выражалось в их книгах. При всем имеющемся различии жанровых модификаций, почти вся мемуаристика русского зарубежья, по мнению Великой, пронизана трагическими мотивами потери Родины, и вслед за тем ощущением дисгармонии жизни, жаждой возвращения домой¹⁵¹. У Бунина переживания подобного рода трансформировались в книгу «Жизнь Арсеньева» (1927-1938), у Шмелева — в дилогию «Богомолье» (1931) и «Лето Господне» (1948). По мнению С. В. Полторацкой, «предмет художественного изображения в них максимально приближен к реальным событиям, пережитым и творчески осмысленным

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Резник Э. Р. Указ. соч. С. 64.

¹⁵⁰ Полторацкая С. В. Мотив «потерянной» России в эмигрантском творчестве И. А. Бунина и И. С. Шмелева. Дисс. ... канд. филол. наук. Белгород, 2006. С. 16.

¹⁵¹ Великая Н. И. Указ. соч. С. 297.

авторами, поэтому автобиографический жанр особенно интересен в историко-литературном аспекте»¹⁵².

В то же время специалистами отмечается, что русское зарубежье в вопросе изобразительных вольностей было скромнее, традиционнее, классичнее, «интеллигентнее» в старом смысле слова, чем ранняя советская литература. «Но в чувственной представимости изображаемого мало кто мог соперничать с Иваном Буниным и Иваном Шмелевым. Потеряв свою Россию, они стремились запечатлеть на бумаге ее незабвенный образ с мельчайшими штрихами, только Бунин не скрывал, что пишет о невозвратимом прошлом, а Шмелев буквально жил иллюзией присутствия в той России»¹⁵³.

Утрата «былой» Родины обусловила появление в художественной картине мира особого рода пространственно-временных отношений, строящихся по двум осям: горизонтальной и вертикальной. При этом для организации горизонтальной плоскости, вобравшей в себя прошлое, настоящее и будущее персонажей, важнейшим оказывается образ «старой» России как «своего пространства» в целом. В частности, это касается образов Дома и Семьи, которым противостоит образ «новой» Родины, нередко сопряженный с мотивами «бездомья», «бесприютности», «безвременья», что отождествляется с образами «чужбины», «заграницы», Европы, Америки и т. п. Это отчетливо проявлено в автобиографическом романе М. Н. Веги, рассматриваемом нами подробно в главе 3 настоящего исследования. Схожим образом выстроено и биографическое повествование Натальи Ильиной в ее книге «Дороги и судьбы», что отмечается исследовательницей Великой: «Основную линию раздумий Ильиной составляла тема родины. Описание дома, квартиры, углов, в которых приходилось пребывать семье и самой Наталье, занимает в произведении

¹⁵² Полторацкая С. В. Указ. соч. С. 16.

¹⁵³ История русской литературы XX века: 20-90-е годы: основные имена / С. И. Кормилов (отв. ред.). М.: Изд-во Московского ун-та, 2008. С. 20.

большое место <...> И из всей этой детализации в описании дома вырастает мотив катастрофичности, бездомности. Нет своего пристанища, своего угла, нет дома... Мотив дома с самого начала сопрягается с мотивом родины»¹⁵⁴. Вертикальную же ось образует противопоставление «верх» (небо, гора, свет, вечная жизнь, рай, Бог) — «низ» (темнота, провал, бездна, ад, яма, трюм)¹⁵⁵.

Имеет смысл упомянуть, что вынужденное бездомье порождало неоправданные страхи. Как свидетельствуют воспоминания, литературу «незамеченного поколения» пронизывает тотальный экзистенциальный «страх вообще», страх «человека без дома», страх как реакция на стресс от бездомья. В связи с этим возникает мотив вокзала, путешествия, временности пребывания за границей, что очень ярко показано у Газданова в его «Истории одного путешествия». Потребность эмигрантского сознания преодолеть болезненное состояние и приобрести желаемое чувство домашней защищенности привела к актуализации за границей в повседневной жизни всевозможных сюжетов «врачевания», спасающих от навязчивой идеи страха моделей «Дома-ковчег», «Дома-крепости». Одним из таких вариантов замещения фобий в обыденной жизни эмиграции, по мнению некоторых исследователей, стало художественное творчество. Ю. Кристева полагает, что воспоминания о прошлом зачастую вводят писателя в особый мир меланхолии, а его литературное творчество создает такую жизнь, что уже не страшны никакие невзгоды в мире реального¹⁵⁶.

С другой стороны, бегство от реальности в мир надуманный, сконструированный, созданный собственными руками возможно не только в мире творческих идей и художественного вымысла. Таковым может быть и замкнутость в мире своего дома. Вообще же символ Дома как замкнутого

¹⁵⁴ Великая Н. И. Указ. соч. С. 302.

¹⁵⁵ См.: Полторацкая С. В. Указ. соч. С. 16.

¹⁵⁶ См.: Кристева Ю. Черное солнце: Депрессия и меланхолия. М., 2010. С. 72-77.

собственного мира, своей вселенной, космического центра имеет давнюю традицию еще в племенных религиях¹⁵⁷. И в этом он очень близко соприкасается с символом и образом Семьи. Ведь в ряде индоевропейских языков слово «дом» (domos, domus) означает не жилое строение, а общественную организацию. Очаг и печь традиционно служили организующим и связующим местом для домочадцев. У лексемы «дом» отмечается значение «семья, люди, живущие вместе»¹⁵⁸. Причем в основу подобного толкования положен принцип «соборности»: совместное проживание и ведение хозяйства. Однако в эмиграции произошла деформация традиционно понимаемого дома-семьи как «проживающих вместе людей». При этом попытки приблизить утраченный реальный дом оборачивались стремлением эмиграции обрести родовое гнездо, в большинстве случаев путем включения в пространство семьи лиц русской культуры, не имеющих родственных отношений. В результате произошло расширения рамок семьи: в понятие семьи слились воедино вместе проживающие родственники и родственные души, многочисленные родственные сообщества и диаспоры, оставшиеся за рубежом верными России. Родственниками в эмиграции стали люди, близкие не по «крови», а по интересам – дружеским, профессиональным и т. д. Г. Иванов и И. Одоевцева не представляли своей семейной жизни без Г. Адамовича. В. Ходасевич и Н. Берберова – без М. Горького. З. Гиппиус и Д. Мережковский – без своего секретаря В. Злобина.

В мемуарах эмиграции востребованным стало представление о доме-семье как России, Церкви, родовом гнезде. Вынужденное беженство и переживания, вызванные этим, воскресили в эмигрантском сознании знаковую функцию дома как биологического рода, в котором человек рождается и умирает. «Есть великое очарование в древнейшей греко-римской религии,

¹⁵⁷ Энциклопедия символов / Сост. В. М. Рошаль. М.: АСТ; СПб.: Сова, 2006. С. 214.

¹⁵⁸ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1960. С. 168.

которая велит хранить алтарь домашних богов, алтарь предков, и никогда не угашать его пламень, ибо в нем живет душа наших отцов, которая нас любит и охраняет, если мы ее не забываем и питаем своею любовью и не жалеем «жертвовать» ей силы нашей души, что-то отдавать от себя, подобно красному яичку на могилу...»¹⁵⁹, — признавался в эмиграции Б. Вышеславцев, высланный из советской России на знаменитом «философском пароходе». Также появился повышенный интерес художников к ассоциативным конструкциям типа «дом – семья», «отечество – биологический род – гнездо, улей, муравейник». Например, В. Варшавский сравнивает себя с «пчелой от родного улья»¹⁶⁰. Дом на Монпарнассе, где жили русские художники, назывался «ульем» — пчелиным домом, в котором бурлит единая в своем разнообразии творческая, интеллектуальная, культурная жизнь. Именно такие, возникшие в эмиграции, «культурные гнезда, улья, муравейники» (дома крупных писателей, общественных деятелей и пр.), в которых регулярно собиралась русская интеллигенция, воспринимались самими эмигрантами как дома эмиграции в целом, как единый род. Среди них — дом М. Горького, квартира З. Гиппиус и Д. Мережковского, снимаемое жилье И. Бунина. Соответственно менялась и “стилистика” поведения. Так, деятельность, ранее традиционно осуществляемая вне домашнего пространства, стала характерной для дома. Иными словами, в рамках семьи сфера приватной жизни была потеснена элементами жизни общественной, главным образом профессиональной. Изоляция творческой интеллигенции от ценностного пространственного континуума способствовала значимости для эмигрантов традиционного представления о доме как семье – братстве – церкви – храме. Дом для христианина всегда созвучен Храму и Церкви – Дому Божьему на земле. Дом – это сакральный центр духовной сферы, создавшийся среди

¹⁵⁹ Вышеславцев Б. Тайна детства // Возрождение. 1955. № 46. С. 54.

¹⁶⁰ Варшавский В. Указ. соч. С. 186.

обыденности, с Богом и Сыном его Иисусом Христом во главе. Церковь – это братство. Священнослужитель – отец, прихожане – его дети. Многочисленные источники свидетельствуют об усилившейся православности и воцерковленности веры русской диаспоры.

Стремление компенсировать бездомность для значительной части творческой интеллигенции в изгнании выражалось в потребности в воспоминаниях о детстве. «И чем горше была беженская доля, тем ярче воскрешались в памяти видения отчего дома, детства, юности, всей славы и счастья прежней жизни на родине»¹⁶¹, — вспоминал В. Варшавский. Поэтому так много возникло в русском зарубежье автобиографической литературы с темой детства в центре: «Детство: повесть об отце» В. Андреева, «Страдные годы: Моя юность в России» С. Лифаря, «Детство» М. Осоргина, «Мое детство» С. Прегель и др. Ведь в культурном сознании русского человека Россия традиционно ассоциируется с Матерью и любимой Женщиной. В данном смысловом контексте отъезд из России был воспринят многими как разрыв со святой святых, с Матерью, с Женой, а некоторыми художниками – и как Её проклятье¹⁶². Образ России – Матери и Жены как порождающей, плодородной, питательной сырой земли, в мемуаристке эмигрантов был переосмыслен как зима и пустыня. Такие ассоциации между образами России как Матери и пустыни возникают, скажем, в воспоминаниях Ремизова, на что обращает внимание исследователь Е. Е. Вахренко¹⁶³. С одной стороны, в русле христианской традиции пустыня уподобляется месту желанной встречи страждущих с высшей реальностью – Богом, беседы с Ним и Откровения. С другой стороны – она иллюстрирует негативный аспект архетипа Матери:

¹⁶¹ Варшавский В. Указ. соч. С. 172-173.

¹⁶² См.: Поплавский Б. Вокруг «Чисел» // Числа. № 10. С. 206.

¹⁶³ Вахренко Е. Е. Концепция времени и пространства в автобиографической прозе А. М. Ремизова 1920 - 1950-х гг.: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2007. 24 с.

подчеркивает не Её порождающую и защищающую семантику, а, напротив – бесплодность.

Стало быть, в культурном сознании русской эмиграции обобщается общекультурный смысл основного понятия повседневности – дома. Это понятие мифологизируется, вводится в новый контекст и само становится текстом, артефактом и мифом о Доме.

Обращение же к пространственной вертикали помогает осмыслить духовную позицию художников. Утрата Родины для многих из них оказалась неожиданным бесконечным мучением, которое преломляется в их творчестве в образе “ада” (Бунин, Шмелев), а любое воспоминание о былой России символически приближается к “воспоминанию о рае и мечте о рае” (Бердяев). По мнению Полторацкой, «в литературе эмиграции, как и в любой другой, тема “рай — ад” становится одной из таинственных, и у каждого автора (Бунина и Шмелева. — А. К.) она рассматривается по-своему, так до конца и оставаясь неразрешимой. Вечный вопрос (“Что с нашими душами будет после смерти?”) никого не оставил равнодушным даже в эту эпоху скептицизма и открытой циничности»¹⁶⁴. Такое же отождествление былой, потерянной России с утраченным раем особенно заметно в мифологизации последнего российского Императора Николая II. Этот вопрос нами подробнее рассмотрен в главе 2 на примере многочисленных публикаций в журнале «Возрождение».

Возвращение к утраченной России имело особое преломление при изображении писателями такой картины мира, где главным компонентом является образ окружающего мира. Так, о взаимосвязи родины и рождения религиозный философ С. Н. Булгаков размышлял в 1938 году: «Родина есть священная тайна каждого человека, так же как и его рождение. Теми же таинственными и неизгладимыми синаями, которыми соединяется он через

¹⁶⁴ Полторацкая С. В. Указ. соч. С. 16.

лоно матери со своими предками и прикрепляется ко всему человеческому древу, он связан через родину и с материю-землею и со всем Божьим творением. Человек существует в человечестве и в природе. И образ его существования дается в его рождении и родине <...> Чем я становлюсь старше, тем долее расширяется для меня значение родины. Там я не только родился, но и зародился в зерне, в самом существе, так что вся дальнейшая моя такая ломанная и сложная жизнь есть только ряд побегов на этом корне. Все, все мое — оттуда. И умирая, возвращусь — туда»¹⁶⁵. Полторацкая также обращает внимание, что в созданных в эмиграции воспоминаниях очень заметна тенденция обращения к России «державной, необъятной, сильной своею соборной народностью и духовной стойкостью, религиозностью, с одной стороны, и известным бунтарством и непокорностью — с другой <...> подобного рода восприятие родной земли и своего народа слишком диссонировало с революционными преобразованиями семнадцатого года»¹⁶⁶. В результате таких переживаний, основанных на невозможности как-то реально повлиять на происходящее, некоторые из авторов приносят особое осмысление исторического времени в свои произведения — в ткани повествования появляется несколько временных пластов, происходит погружение в более удаленное прошлое (в собственное детское мироощущение — у Веги), обращение к духовным категориям “рая и ада”, новое освоение художественного пространства и времени, которое «распространяется не только вовне, но и уходит в глубину сознания героев, воплощаясь в спиральный виток годового круга или же линейно протекая вне вековых преград»¹⁶⁷. Зачастую особенный временной мир произведения стирает границы между прошлым, настоящим и будущим, синтезируя их в единое темпоральное

¹⁶⁵ Булгаков С. Н. Моя Родина // Русская идея. М., 1992. С. 364.

¹⁶⁶ Полторацкая С. В. Указ. соч. С. 16.

¹⁶⁷ Там же.

Вечное¹⁶⁸. Так, у Веги исчезает “понятие о времени” через наступление петербургских белых ночей¹⁶⁹. Даже семантика значений слов подчас служит поддержкой такого отношения к действительности.

Таким образом, память в XX веке становится равной творческому методу, в рамках которого художник освобождается от власти Хроноса. Память по-разному воплощает события, а художник по-разному реализует память, потому что одинаково вспоминать невозможно. Индивидуальность воспоминания обеспечивается неповторимостью состава человеческой души, художественного мировоззрения, а вслед за этим способом воплощения созерцаемого и ощущаемого¹⁷⁰.

¹⁶⁸ Там же. С. 35.

¹⁶⁹ Вега М. Бронзовые часы // Возрождение. 1958. № 75. С. 82. Далее указ. номер журнала и стр. в тексте в скобках — (Вега, БЧ, 75: 82).

¹⁷⁰ См.: Резник Э. Р. Указ. соч. С. 75.

1.2. Топос утраченного в эго-документах «второй волны» (1940-60 гг.)

Хорошо известно, что Вторая мировая война приостановила литературную жизнь “первой волны” эмиграции. Газеты «Последние новости» и «Возрождение» закрылись, когда немцы оккупировали Париж в 1940 году. Ранее в том же году прекратили свое существование и «Современные записки» — главный толстый журнал русской эмиграции¹⁷¹. Как отмечает историк литературы Г. П. Струве, «толстых» журналов русского зарубежья к этому времени уже не существовало: последний номер «Современных записок» вышел в начале 1940 года, «Русские записки» прекратились еще раньше с началом войны. Половине редакции «Современных записок» и многим политическим сотрудникам журнала удалось не только покинуть Париж, но и выехать в Америку. Среди них за океаном оказались Н. Д. Авксентьев, М. В. Вишняк, В. М. Зензинов, А. Ф. Керенский, Г. П. Федотов, Ст. Иванович, М. А. Алданов, М. О. Цетлин и В. В. Набоков¹⁷².

С новой силой литература русского рассеяния реализовалась по окончании войны, когда новая волна эмиграции прибыла в Европу и США. Хотя в этой, “второй волне”, было немало представителей интеллигенции, в целом она не обладала той «критической массой», которая была необходима для сохранения культурной традиции вне метрополии. В 1950-х и начале 1960-х годов представители “первой волны” по-прежнему играли ведущую роль в литературной жизни эмиграции. Однако, по мнению Слонима, они как бы «“доживают” свой литературный век <...> не только тематически, но и формально их произведения связаны с прошлым. В эмиграции раздается

¹⁷¹ Глэд Дж. Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье. М.: Кн. палата, 1991. С. 11.

¹⁷² См.: Струве Г.П. Указ. соч. С. 253.

лебединая песня русского искусства начала 900-х годов»¹⁷³. С этим утверждением сложно согласиться, если взглянуть на созданные в эмиграции произведения таких мастеров, как Газданов, Набоков, Алданов. Те же из молодых писателей, которые выдвинулись в эмиграции, и не пошли по стопам отцов в попытке поддерживать “традицию”, по мнению Слонима, «не сумели создать ничего, кроме бледных повторений, все в том же роде “лирики воспоминаний”»¹⁷⁴. О том же упоминает Глеб Струве, сообщая, что послевоенные годы “открыли” несколько новых поэтов, но это была не настоящая молодая поросль. Еще менее был замечен приток свежей крови в прозе зарубежья: «Единственным послевоенным новобранцем в ней, заслуживающим внимания, следует, пожалуй, счесть Е. М. Яконовского, обнаружившего несомненный талант в рассказе «Серая курочка» (один из очень немногих в эмиграции ретроспективных рассказов о гражданской войне) и в романе, который начало, но не кончило, печатать «Возрождение». Но он тоже принадлежит не к молодым, а к тем же «подстаркам». Это лишь случай позднего появления в литературе»¹⁷⁵. Хотелось бы согласиться со Струве и также отметить несомненный талант Яконовского как беллетриста, автора нескольких романов о русских эмигрантах («Водяные лилии», «Солнце задворок» и др.). К сожалению, рамки нашего исследования не позволяют рассмотреть его фигуру как мемуариста, т. к. в «Возрождении» публиковалась исключительно его художественная проза, а воспоминания о Гражданской войне и учебе в кадетском корпусе были изданы в «Военной были», другом периодическом издании русского Парижа. Вместе с тем, есть возможность отметить его в настоящем исследовании как редактора «Возрождения» в 1954-55 гг.

¹⁷³ Слоним М. Л. Заметки об эмигрантской литературе // Критика русского зарубежья. М., 2002. С. 121. Цит. по: Азаров Ю. А. Указ. соч. С. 48-49.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Струве Г. П. Указ. соч. С. 260-261.

С мнением Слонима и Струве не соглашается Варшавский, который полагает, что молодому поколению именно засилье мэтров не дало возможность проявить себя на литературном горизонте русского изгнания, выведя их за скобки литературной жизни, создав своего рода “незамеченное” поколение. Касаясь творчества молодых русских писателей, он пишет: «Иностранцы не интересовались молодой эмигрантской литературой, так как она никого не представляла и никакого социально значимого явления не “отображала”. Но так же относилась к “молодым” и эмиграция: эмигрантскому читателю они не были нужны, печататься было негде, а, главное, для серьезной литературной работы не оставалось ни времени, ни сил. Надо было зарабатывать на жизнь»¹⁷⁶. Об этом же сообщает Л. Ливак (Leonid Livak) со ссылкой на С. Карлинского (S. Karlinsky), который полагал литературную активность молодого поколения эмиграции как «невероятный и героический феномен»¹⁷⁷. Заметим, что именно журнал «Возрождение» широко предоставлял свои страницы молодым, неизвестным авторам эмиграции, о чем с отрадой сообщала газета «Новое русское слово» в 1953-54 гг. В этой газете с определенного времени стали регулярно помещать литературную критику публикуемой «Возрождением» прозы. Современник “незамеченного” поколения Т. Алексинская также призывала не забывать, что «материальный вопрос играл очень важную роль в жизни литературной эмиграции и житейская обстановка писателей-эмигрантов не очень походила на “обстановку литературного салона маркизы де Рамбуйэ” <...> Парижские молодые поэты, поэтессы и писатели жили обычно не литературой, а каким-либо, часто тяжелым и черным трудом...»¹⁷⁸. Через такие перипетии, скажем, прошел один

¹⁷⁶ Варшавский В. Указ. соч. С. 170.

¹⁷⁷ См.: How it was done in Paris: Russian émigré literature and French modernism / by Leonid Livak. The University of Wisconsin Press, 2003. P. 11; Karlinsky S. In Search of Poplavsky: A Collage // The Bitter Air of Exile: Russian Writers in the West 1922-1972. University of California Press, 1977. P. 311-333.

¹⁷⁸ Алексинская Т. Эмигрантская печать и писатели-эмигранты // Возрождение. 1957. № 70. С. 35-36.

из ярчайших представителей “незамеченного поколения” (если можно так выразиться), поэт В. А. Смоленский. После эвакуации из Крыма в 1920 г. он жил в Тунисе, потом во Франции, где два года работал на металлургических и автомобильных заводах. Получив стипендию, окончил гимназию, после чего поступил в Высшую коммерческую академию. По окончании академии работал бухгалтером. Его поэтическое наследие было сохранено во многом благодаря многочисленным публикациям в журнале «Возрождение». Причем, его поэма «Баллада» была опубликована уже в самом первом номере издания, бок о бок со стихами Г. Иванова, Одоевцевой и Тэффи. В 1960 г., за год до его кончины в Париже, здесь же появились его «Воспоминания», в которых он пишет: «Помню Монпарнас, где мы тогда, изгнанные из России поэты, встречались, спасая себя от одиночества и пытаясь еще стихами что-то спасти»¹⁷⁹. Ему вторит Б. Поплавский, описывая в 1934 г. «засидевшихся в молодых» как «стадо наэлектризованных одиночеством, лопающихся от темперамента, сходящих с ума жеребцов», а эмиграцию называет «несчастьем холостой жизни»¹⁸⁰. Но не всем поэтам было невмозможу от парижского одиночества. Скажем, Берберова страдала от обратного: «Страх (а иногда и ужас) одиночества относится к тому же ряду ложных суеверий — из него сделали пугало. Между тем, ничего еще не подозревая, я с самых ранних лет стремилась к тому, чтобы быть одной, и ничего не могло быть страшнее для меня, как целый день, с утра до вечера, быть с кем-нибудь, не быть со своими мыслями, не отдавая никому отчета в своих действиях, иногда даже ведя сама с собой диалог и читая все, что ни попадется...»¹⁸¹. В её восприятии одиночество тесно связано с ощущением полноты жизни, а осознание собственного одиночества является словно индикатором того, что в жизни всё идёт по правилам, как надо.

¹⁷⁹ Смоленский В. Воспоминания // Возрождение. 1960. № 98. С. 103.

¹⁸⁰ Поплавский Б. Вокруг «Чисел» // Числа. 1934. № 10. С. 205.

¹⁸¹ Берберова Н. Курсив мой. М., 2009. С. 5.

Но вопрос одиночества как следующий за вопросом бездомья волновал в эмиграции многих. Ответа на него искали повсюду — в своей и чужой душе, хотя, как известно, «чужая душа — потемки». «У меня есть такое чувство, что демократия делает людей одинокими», — утверждал публицист М. Коряков. И продолжал: «Так, в Америке особенно одиноки люди. Такого одиночества нет там, где у народа есть «отец» и «мать», царь-батюшка или королева-матушка»¹⁸². Бегство от одиночества на чужбине находили и в совместных посиделках, в воспоминаниях не на бумаге, а в разговоре: «Но как мы преображались потом, когда после обеда начинались воспоминания! Собирались люди, все зрелые годы прошедшие в различных местах России и Запада, — и вдруг, по волшебству памяти, создавалась прочная родная семья. Молодели лица, искрились глаза, среди печальных морщин весело бродили улыбки...»¹⁸³.

Но качественно иной уровень, скажем, эго-документалистики, создаваемой более старшим поколением, выросшим до эмиграции и прошедшим через горнило слома прежней России, не оставлял шансов младшему поколению. Как утверждает Варшавский, «молодые таких книг писать не могли — старого русского быта они не знали. Только от старших они слышали рассказы о прежней, вечной, воображаемой, разрушенной революцией родимой Трое, гибель которой они видели детьми. В этом отличие их эмигрантского опыта от опыта отцов. Они не участвовали в круговой поруке священных обще-эмигрантских воспоминаний»¹⁸⁴. С другой стороны, воспоминания отцов зачастую несли в себе мифологему «утраченного рая», что не могло разделяться выросшим в эмиграции поколением, хотя оно и подвергалось воздействию эмигрантского быта, несшего в себе это свойство на

¹⁸² Коряков М. Из дневника публициста // Возрождение. 1960. № 105. С. 89.

¹⁸³ Ренников А. Рыцарь правды (Юлий Федорович Семенов) // Возрождение. 1955. № 42. С. 101.

¹⁸⁴ Варшавский В. Указ. соч. С. 173.

метафизическом уровне. По мнению Н. В. Летаевой, при таком метафизическом общении с Россией «ностальгическая память об утраченной родине жила в душе каждого, кто помнил ее до революции. Эти воспоминания позволяли жить в единении со всем тем святым, великим, прекрасным и вечным, чем была в сознании изгнанников Россия. И такое общение было важным для русских беженцев»¹⁸⁵. В то же время писатель Р. Гуль полагает, что русские люди в эмиграции жили более-менее благополучно только потому, что у них как-то не было времени «задуматься о том, как страшно это наше безвоздушное существование, как страшна всегда всякая эмиграция, а затянувшаяся на полвека — в особенности <...> Нас спасает — как это ни банально звучит — только духовная связь с Россией <...> с той вечной Россией, которой мы — сами того не сознавая — ежедневно живем, которая непрестанно живет в нас и с нами — в нашей крови, в нашей психике, в нашем душевном складе, в нашем взгляде на мир»¹⁸⁶.

Поэтому можно предположить, что преобразующая душу творческая память заполняет собой художественное пространство писателей русского литературного зарубежья, признанных и малоизвестных. «Нахождение вне родины, в свою очередь, стимулирует воспоминания, которое обожествляет бывшее как утраченное»¹⁸⁷, что уже отмечалось ранее. При этом ощущение отчуждения в душе эмигранта, а тем более художника, оказывается квинтэссенцией переживаемой им горечи одиночества. «Именно поэтому неприкаянность оборачивается сподвижничеством, а таковое редко востребуется социумом, даже литературным»¹⁸⁸, — уточняет Резник.

При этом, верно подмечает Полторацкая, читатель должен был ощущать невыразимую тоску по покинутой (без сомнения, навсегда) Родине, когда читал,

¹⁸⁵ Летаева Н. В. Указ. соч. С. 15.

¹⁸⁶ Гуль Р. Одвуконь: Советская и эмигрантская литература. Нью-Йорк: Мост, 1973. С. 170.

¹⁸⁷ Резник Э.Р. Указ. соч. С. 72.

¹⁸⁸ Там же. С. 108.

скажем, такие строки: «...России — конец. Да и всему, всей моей прежней жизни тоже конец. Даже если и случится чудо и мы не погибнем в этой злой и ледяной пучине! Только как же это я не понимал, не понял этого раньше?»¹⁸⁹ Этот рассказ (Бунин И.А. «Конец») написан Буниным сразу после отъезда из России в 1921 г., а к эго-документам «второй волны» относятся произведения, увидевшие свет в послевоенные годы. Хотя ими могут считаться и «запоздалые» работы авторов «первой волны», появившиеся в послевоенные годы, прежде всего потому, что пришло время воспоминаниям, итогам жизни того поколения, что уехало из страны в первые пореволюционные годы. Именно на закате жизни и творческого пути создавались такие мемуары. И именно они переполнялись мотивом теперь уже безвозвратно утраченного. По меньшей мере, безвозвратно для того, уходящего на покой, поколения. В качестве примера можно привести «Воспоминания» Бунина, опубликованные в издательстве «Возрождение» (Париж, 1950). Правда, предрекалось (Ст. Иванович), что «через некоторое время заряд истощится, и они вынуждены будут замолчать. Молодые авторы, России не знающие, не смогут прийти им на смену, и тогда эмигрантская литература прекратит существование»¹⁹⁰. И, как видим на примере послевоенных издательств («Издательство имени Чехова», «Посев», Умса-Press и др.) и литературной периодики («Возрождение», «Новый журнал», «Новоселье», «Мосты» и др.) подобное произошло, но далеко не в тех масштабах, о которых писал Ст.Иванович. И по сей день появляются неопубликованные ранее мемуары, добытые из запыленных кладовых, забытые среди вороха бесчисленных бумаг потомками тех, кто, понимая и чувствуя безвозвратную утрату Родины, пытался хотя бы на бумаге воссоздать ее облик и тем самым дать себе успокоение. Так, после войны 1939-1945 гг. становятся доступными книги, которые писались для узкого круга, для себя, для своих

¹⁸⁹ См.: Полторацкая С.В. Указ. соч. С. 44.

¹⁹⁰ Цит. по: Демидова О. Р. Указ. соч. С. 206.

близких, семьи, но по разного рода причинам, в том числе, по причине исчерпанности темы и материалов, нашедшие свое место у издателей лишь позднее, в конце 1940-х и в 1950-е гг. В качестве такого примера можно назвать «Воспоминания» П. Л. Барка, написанные в 1930-е гг., но изданные в журнале «Возрождение» лишь в 1955-67 гг. Верно выразился об этом философ Б. Вышеславцев: «И вот на склоне жизни, на далекой чужбине, “пришедше на запад солнца, видевшие свет вечерний”, хочу вспомнить свет утренний, хочу согреть золу на алтаре отцов»¹⁹¹.

Как таковая “вторая волна” вспоминала зачастую годы Второй мировой войны, совсем недавнее прошлое. К таким произведениям относятся очерки рассматриваемого в настоящем исследовании М. Боброва, эмигранта военных лет, а также мемуары Л. Норд о маршале Тухачевском. Были и воспоминания молодых, «подстарков» (как их именует Г. Струве) — авторов, до того никогда не писавших, выросших в эмиграции, а то и родившихся за границей. Некоторые из них еще помнили Россию, но даже если и не помнили, то, в любом случае, на чужбине чувствовали себя изгнанниками: «В этом их отличие от последующих эмигрантских поколений. Но воспоминаний о России у них слишком мало, чтобы ими можно было жить. В этом их отличие от поколений старших»¹⁹². К таковым можно отнести уже упоминавшиеся мемуары-очерки Яконовского, а из опубликованного в «Возрождении» — заметки А. Думбадзе. Хотя, по мнению Варшавского, «апологетическая белогвардейская публицистика, журналы и газеты вроде “Возрождения” и “Часового”, дают только поверхностное, условное и несколько лубочное представление о душе эмигранта-белогвардейца»¹⁹³. Однако это как раз с литературоведческой точки зрения наиболее интересно и занимательно, так как позволяет выявить синтез

¹⁹¹ Вышеславцев Б. Тайна детства // Возрождение. 1955. № 46. С. 56.

¹⁹² Варшавский В. Указ. соч. С. 17.

¹⁹³ Там же. С. 27.

художественного и документального. Пусть это будет хотя бы «лубочное» представление о душе, но все же метафизическое размышление, в отличие от идеологизированной советской литературы. О том же напоминает О. Р. Демидова, когда говорит, что «предметом эмигрантской литературы является человек, его душа, его внутренний мир; предметом советской — новый коммунистический быт; интерес эмигрантской литературы — преимущественно духовный; советской — сугубо идеологический и этнографический»¹⁹⁴.

¹⁹⁴ Демидова О. Р. Указ. соч. С. 201.

1.3. Место и значение периодики в общественно-культурной жизни русского зарубежья

Необходимо отметить, что хотя русская журналистика вне метрополии зародилась еще задолго до Октябрьских событий 1917 года (из таковых долгожителей достаточно назвать «Новое русское слово», выходящее с 1910 года в Нью-Йорке, и много других эмигрантских изданий), в рамках нашего исследования под периодикой русского зарубежья понимается исключительно та периодическая печать, которая издавалась после первой массовой волны эмиграции из России. А это произошло именно во время и после Гражданской войны. В рамках нашего исследования этот период еще более сужен до публикаций, имевших место после Второй мировой войны. Но в качестве основы, так сказать, зарождения послевоенной печати, нужно рассматривать именно послеоктябрьскую периодику.

Творческая жизнь русского рассеяния отразилась в периодической печати многих европейских городов: ежедневных и еженедельных газетах, разнообразных журналах и бюллетенях. Среди них были издания, удовлетворявшие разные литературные и эстетические вкусы, выражающие различные политические направления, ориентированные на многообразие профессиональных интересов, просто информационные и развлекательные. Именно журналистика наиболее полно отражала общественные запросы диаспоры, служила организующим центром для политических и общественных сил, сформировавшихся в среде русских эмигрантов. Она явилась отражением и хранилищем зарубежной русской литературы, русской культуры. Ведь, по выражению Е. Ефимовского, «пресса — одновременно и зеркало существующего и указатель для лучшего будущего»¹⁹⁵. В каждом органе печати, достаточно продолжительное время выходившем в русском зарубежье,

¹⁹⁵ Ефимовский Е. Сотый номер «Возрождения» // Возрождение. 1960. № 100. С. 27.

оформлялись свои политические идеи, литературные мнения, общественные взгляды. Поэтому систематическое исследование литературной периодики русской эмиграции — одна из наиболее актуальных задач изучения русской культуры.

Уже в начале 1920 года в Париже возникают газеты «Последние новости» и «Общее дело», а также первый толстый журнал «Грядущая Россия», в которых с самого их зарождения приняли участие практически все сколько-нибудь известные писатели, уже находившиеся к тому времени за границей. «В 1920-1922 годах русские газеты вырастали повсюду как грибы. Но и жизнь их была грибная, короткая. В одном 1920 году, по данным, по всей вероятности, не полным, возникло 138 новых русских газет, в 1921 году — 112, в 1922-м — 109. К концу 1923 года из ранее возникших прекратилось 180, но свыше 100 продолжало выходить. В одном Берлине разновременно возникло 58 русских газет и журналов <...> Самыми крупными из выходивших вне Франции ежедневных газет были “Руль” в Берлине и “Сегодня” в Риге»¹⁹⁶. По словам писателя Ренникова, в Китае издавалось настолько много русских газет, что приходилось почти по газете на каждую беженскую семью¹⁹⁷. Несколько русских газет выходило и в Берлине, но все же он был больше известен невероятным количеством русских издательств. Так, берлинский «Вестник русского книжного рынка» в июне 1922 г. информировал о перепроизводстве новых русских книг¹⁹⁸, результатом чего был тот факт, что уже в 1926 г. в Германии русских книг вышло больше, чем немецких¹⁹⁹. А когда в июле 1934 г. в Париже прошла «Неделя дешевой книги», то 3700 посетителей приобрели

¹⁹⁶ Струве Г. П. Указ. соч. С. 30-31.

¹⁹⁷ См.: Алексинская Т. Эмигрантская печать и писатели-эмигранты // Возрождение. 1957. № 70. С. 34.

¹⁹⁸ Перепроизводство // Вестник русского книжного рынка. Берлин. 1922. № 4. С. 1.

¹⁹⁹ Гуль Р. Я унес Россию // Новый журнал. № 134. Нью-Йорк, 1978. С. 104.

свыше 14 тысяч русских книг²⁰⁰. Благодаря этому начинанию, в 1935 г. там же прошла первая выставка русской книги, изданной в зарубежье.

Одной из существенных особенностей печати русского зарубежья тех лет было то, что в ней много места отводилось литературе. В этом проявились традиции русской дореволюционной периодики²⁰¹. Так, практически в любой газете или журнале непременно находилось место для художественных произведений или воспоминаний, а известные литературоведы и писатели имели свои постоянные рубрики — Г. Адамович вел «Литературные беседы» в журнале «Звено», М. Слоним редактировал литературный отдел в «Воле России», В. Ходасевич — в газете «Возрождение», М. Осоргин — в «Днях». Другие ежедневные и еженедельные газеты — «Руль», «Сегодня», «За свободу» — имели хорошо поставленный литературно-критический отдел. Такие издания, как «Новый корабль», «Числа», «Современные записки», были полностью посвящены литературным вопросам. А в один из дней (12 января 1935 г.) в помещении уже упоминавшейся выставки русской книги в Париже прошла встреча с молодыми эмигрантскими поэтами. На ней присутствовали, читали свои стихи и надписывали собственные книги такие авторы, как В. Злобин, Б. Поплавский, Ю. Мандельштам, Д. Кнут, А. Ладинский, В. Смоленский, Ю. Терапиано и др.²⁰²

Во вступительной редакционной заметке в первом номере «Современных записок» указано, что издание это посвящено, в первую очередь, интересам русской культуры: «В самой России свободному, независимому слову нет места, а здесь, на чужбине, сосредоточено большое количество культурных сил, насильственно оторванных от своего народа, от действенного служения ему.

²⁰⁰ См.: Алексинская Т. Эмигрантская печать и писатели-эмигранты // Возрождение. 1957. № 70. С. 35.

²⁰¹ Жирков Г. В. Типологические особенности журналистики русского зарубежья // Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков: Учебное пособие. Под ред. Г.В. Жиркова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. URL: <http://evartist.narod.ru/text5/16.htm> (Дата обращения: 14.09.2014)

²⁰² Алексинская Т. Эмигрантская печать и писатели-эмигранты // Возрождение. 1957. № 70. С. 35.

Это обстоятельство делает особенно ответственным положение единственного сейчас большого русского ежемесячника за границей. «Современные записки» открывают поэтому широко свои страницы — устраняя вопрос о принадлежности авторов к той или иной политической группировке — для всего, что в области ли художественного творчества, научного исследования или искания общественного идеала представляет объективную ценность с точки зрения русской культуры. Редакция полагает, что границы свободы суждения авторов должны быть особенно широки теперь, когда нет ни одной идеологии, которая не нуждалась бы в критической проверке при свете совершающихся грозных мировых событий»²⁰³. В последующие годы «Современные записки», несмотря на вынужденное финансовыми соображениями сокращение числа книжек в год, продолжали расти качественно и расширяться в смысле состава сотрудников. Не потеряв ни одного из действительно ценных прежних авторов в отделе беллетристики (в «Современных записках» увидела свет «Жизнь Арсеньева» Бунина, а также несколько романов Шмелева, Зайцева, Алданова и Осоргина, несколько рассказов Ремизова, интереснейшие воспоминания и литературные портреты Цветаевой, «Державин» Ходасевича), журнал из писателей старшего поколения приобрел с 1936 г. в качестве сотрудников Вяч. Иванова и А. И. Куприна. Но главное расширение литературно-художественного отдела произошло за счет привлечения «молодежи», того поколения, которое, по мнению Г. Струве, «не совсем правильно было названо “незамеченным”»²⁰⁴.

Литературно-художественный отдел издававшейся в Праге «Русской мысли» был разнообразнее, но вместе с тем и случайнее, и разношерстнее, чем в «Современных записках». Беллетристика была представлена приблизительно

²⁰³ Струве Г. П. Указ. соч. С. 48-49.

²⁰⁴ Там же. С. 51.

тем же количеством имен, но в «Современных записках» был больший процент писателей с «именами» и больше крупных вещей²⁰⁵.

Пражский же журнал «Воля России» отличался от вышеупомянутых изданий своим подчеркнутым интересом к советской литературе, за перипетиями которой журнал внимательно следил, давая отзывы о советских книжных новинках и обзоры советских журналов, перепечатывая советских авторов и откликаясь на советскую внутрилитературную полемику²⁰⁶. Любопытен опыт издания менее известных журналов — «Сполохи», «Перезвоны», «Жар-птица» и др., которые еще ждут своих исследователей.

Русские газеты регулярно помещали отчеты о заседаниях литературных объединений русского Парижа. А журнал «Новый корабль» публиковал стенографические отчеты с собраний «Зеленой лампы» — литературного клуба под председательством Гиппиус и Мережковского²⁰⁷. Вместе с тем в отношении «Последних новостей» и «Возрождения» зачастую «раздавались упреки в недостаточном внимании к литературе, а также в том, что ежедневный фельетон на последней странице отводился под переводные полицейские романы. При этом не принималось во внимание, что для перевода часто выбирались хорошие образцы этого рода литературы, особенно английской, к которой на Западе отношение совершенно иное, чем у традиционной русской интеллигенции»²⁰⁸. В ежедневных парижских газетах литературе и литературной критике посвящался отдельный лист по четвергам, а по воскресеньям публиковались художественные произведения (рассказы, стихи и т. д.).

Особо стоит упомянуть о полемике между Адамовичем и Ходасевичем, которая формально проходила на страницах двух ведущих газет русского

²⁰⁵ Струве Г. П. Указ. соч. С. 54.

²⁰⁶ Там же. С. 57.

²⁰⁷ Азаров Ю. А. Указ. соч. С. 56.

²⁰⁸ Струве Г. П. Указ. соч. С. 32.

Парижа — «Последние новости» и «Возрождение», но постепенно в нее была вовлечена вся эмигрантская пресса²⁰⁹. И хотя внешне она как будто не способствовала объединению эмиграции, по мнению исследователя О. Р. Демидовой «совершенно очевидно, что за внешней разделенностью стояло стремление к общности, формировавшейся в процессе осознания характера, задач и судьбы литературы как самосознания эмиграции»²¹⁰.

Так что можно сказать, что с заявленной в редакционных статьях миссией периодика 1920-30-х годов вполне справлялась. После Второй мировой войны, когда некоторые из редакторов «Современных записок» оказались по другую сторону Атлантики, эстафета «служения» была передана за океан, продолжив литературное поприще в виде «Нового журнала» — преемника «Современных записок». В то время там уже выходил (с 1942 г.) другой литературно-художественный журнал «Новоселье».

В Париже удалось возобновить «Возрождение», о чем подробнее будет сказано ниже, во второй главе. В Германии стали выходить «Грани» и «Мосты». К сожалению, не удалось восстановить утраченные позиции на Востоке. До войны в Китае издавались «Русские записки», «Рубеж», «Кстати», уделявшие значительное место литературным публикациям. Хотя два последних журнала были по большей части массово-развлекательными. Но все они закрылись в 1940-е гг. и больше не возобновились по единственной общей для них причине — редакторы, авторы и читатели были вынуждены покинуть Китай и выехать в США, Австралию, Южную Америку.

Ностальгические настроения, старение основной части читателей, обращавшихся к воспоминаниям о прошлом, привели к появлению в 1920-е гг. немалого числа исторических журналов и сборников. Среди них такие, как

²⁰⁹ Коростелев О., Федякин С. Полемика Г. В. Адамовича и В. Ф. Ходасевича (1927-1937) // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 4. С. 207.

²¹⁰ Демидова О. Р. Указ. соч. С. 216.

«Архив русской революции», «Архив гражданской войны», «Белый архив», «Белое дело» и др., сохранившие для потомков огромное число документов и свидетельств тех лет. С другой стороны, как это зачастую и бывает в эмиграции, возможность свободно выражать себя, не оглаживаясь ни на какие директивы и партийные задания, находит немногочисленную аудиторию²¹¹.

Несмотря на обширный корпус опубликованного, уже в эмиграции предпринимались попытки охарактеризовать и систематизировать творческое наследие русского зарубежья — сюда можно отнести книги А. В. Амфитеатрова «Литература в изгнании» (Белград, 1929), И. И. Тхоржевского «Русская литература» (Париж, 1946), Г. П. Струве «Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы» (Нью-Йорк, 1956), Г. В. Адамовича «Одиночество и свобода» (Нью-Йорк, 1955).

Некоторые авторы посвящали подобным исследованиям определенные разделы своих книг — такие материалы можно найти в книгах П. Е. Ковалевского «Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека, 1920-1970» (Париж, 1971), М. Н. Раева «Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции, 1919-1939» (М., 1991).

Позднее эту инициативу подхватили и в России. Так, литература русской эмиграции оказалась представлена в шести томах «Антологии литературы русского зарубежья» (сост. В. Лавров. М., 1990-1991); в четырёх томах антологии «Мы жили тогда на планете другой...» (сост. Е. Витковский. М., 1995); в антологии «Вернуться в Россию стихами...» (сост. В. Крейд. М., 1995); в четырех выпусках «Литература русского зарубежья: 1920-1940» (под ред. О. Н. Михайлова. М., 1993-2008); в двухтомном издании «Культурное наследие российской эмиграции, 1917-1940» (под ред. Е. П. Чельшева,

²¹¹ См.: Терапиано Ю. Встречи. Нью-Йорк, 1953. С. 154.

Д. М. Шаховского. М., 1994); в книге В. В. Агеносова «Литература русского зарубежья: 1918-1996» (М., 1998), в книгах других исследователей.

Следует отметить целый ряд справочников и энциклопедических словарей: «Библиография русской зарубежной литературы, 1918-1968. В 2-х томах» (Бостон, 1970) Л. Фостер; сводный указатель статей «Русская эмиграция: Журналы и сборники на русском языке (1920-1980) / Под ред. Т. Гладковой, Т. Осоргиной» (Париж, 1988); «Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года» (Лондон, 1989) В. Казака; «Литература русского зарубежья» (СПб., 1993) А. Д. Алексеева; «Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни, 1920-1940. Франция. В 4-х томах» (М., 1995); энциклопедический биографический словарь «Русское Зарубежье. Золотая книга эмиграции: Первая треть XX века» (М., 1997); «Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918-1940). В трех томах» (под ред. А. Н. Николюкина. М., 1997-2002) и др.

При этом возникают естественные сложности, связанные с изучением периодических изданий русского зарубежья, именно по причине их малодоступности. Можно согласиться с зарубежным исследователем Раевым в том, что печатное слово русской диаспоры 1920-1950 гг. было разбросано по всему свету, появлялось нерегулярно и не имело эффективной системы распространения, так что оно нигде систематически не собиралось и не сохранялось. В самой России, по понятным причинам, зарубежная русская литература также всегда была представлена фрагментарно²¹². Хотя в 1953 году в Мюнхене вышел «Указатель периодических изданий эмиграции из России и СССР за 1919-1952 гг.», а в настоящее время этой работой занимается Институт мировой литературы и Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, выпустивший «Литературную

²¹² См.: Раев М. В помощь исследованию Зарубежной России // Новый журнал. 1995. № 196. С. 349-350.

энциклопедию русского зарубежья» (1997-2002), второй том которой отведен периодике русского зарубежья. Следует отметить в этой связи и работу, проводимую в Российской государственной библиотеке, издавшей «Материалы к сводному каталогу периодических и продолжающихся изданий русского зарубежья в библиотеках Москвы» (М., 1991), «Библиографический каталог газет русской эмиграции в фондах отдела литературы русского зарубежья в РГБ» (М., 1994), «Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий русского зарубежья в библиотеках Москвы» (М., 1999). Российская национальная библиотека в Санкт-Петербурге также составила в 1993 году «Сводный каталог русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий в библиотеках Санкт-Петербурга» (в 1996 году вышло дополненное и переработанное второе издание этого каталога)²¹³. Однако перечисленных изданий явно недостаточно, и они несколько сократились в последние годы, хотя именно в последнее время появились работы о Русском Берлине, Харбине, Русской Праге и пр.

²¹³ См.: Летаева Н. В. Указ. соч. С. 5-6.

1.4. Роль журнала «Возрождение» в среде русского зарубежья

Как уже отмечалось, с приходом немцев в Париж в 1940 году литературная жизнь русской эмиграции приостановилась. С поражением Франции в начале лета того же года прекратился выход многих изданий, были закрыты издательства и такие крупные издания послереволюционной эмигрантской российской печати, как левоцентристские «Последние новости» (1920-1940 гг.) под редакцией М. Л. Гольдштейна, а затем П. Н. Милюкова и правоцентристское «Возрождение», выходившее первые полтора года под редакцией П. Б. Струве²¹⁴, позже — Ю. Ф. Семенова. Об их роли в среде русской эмиграции пишет сын первого редактора «Возрождения» Г. П. Струве в книге «Русская литература в изгнании» (Нью-Йорк, 1956; М., 1996), отмечая, что до выхода первого номера газеты «Возрождение» в 1925 г. «Последние новости» практически не имели конкурентов среди ежедневных новостных газет русской эмиграции. Появление «Возрождения», не подорвав положения «Последних новостей», доказало емкость эмигрантского читательского рынка и показало, что была потребность во второй газете, более «правого» направления и более близкой к бывшим участникам Белого движения и его заграничному руководству в лице Российского общевоинского союза: «Возрождение» в первый же год достигло внушительного тиража и стало популярной газетой и во Франции, и вне ее. Современный исследователь Азаров дополняет это положение, указывая на то, что среди газет русской эмиграции самыми главными, если так можно сказать, были «Последние новости» (1920-1940) и «Возрождение» (1925-1940), причем они являлись таковыми не только для Парижа, но и для всей русской эмиграции — их знали все и читались они

²¹⁴ Подробнее о нем см.: Франк С. Л. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1956. 236 с.

повсеместно²¹⁵. Стоит также отметить, что вольно или невольно, но газеты заняли позиции противостояния не только общему врагу — большевизму, но и друг к другу. Милюков обладал всеми качествами возможного лидера русской политической эмиграции, но при этом занял одностороннюю позицию²¹⁶.

Из писателей в «Возрождении» принимали активное участие И. А. Бунин, И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев, А. В. Амфитеатров, Тэффи, А. А. Яблоновский и др.²¹⁷ Эти же авторы были приглашены и в “возрожденное” после войны издание. В целом значение этого издания для русской эмиграции подтверждается многочисленными ссылками на него, имеющими место в документальной прозе, воспоминаниях и автобиографиях авторов русского зарубежья. По словам Л. Жигальцовой, «...именно “Возрождение” не только смогло развить традиции русской консервативной мысли, но и сыграло колоссальную роль в сохранении и развитии русской культуры, искусства и просто русского языка»²¹⁸. Первое время в газете сотрудничали И. А. Ильин, С. С. Ольденбург, А. А. Салтыков и др. политически-активные публицисты зарубежья. В частности, там печатались теоретические и проблемные статьи И. А. Ильина, изложенные в которых идеи позже легли в основу его книги «О монархии и республике», к сожалению, неоконченной. «Возрождение» остро полемизировало с милюковскими «Последними новостями» и «Днями» А. Ф. Керенского, отвергая любую возможность компромисса с большевиками. Струве считал, что «политическая эволюция советской власти полицейски невозможна», уступки, которые порой допускаются, преследуют цель

²¹⁵ Азаров Ю. А. Указ. соч. С. 61; Алексинская Т. Эмигрантская печать и писатели-эмигранты // Возрождение. 1957. № 70. С. 36.

²¹⁶ Франк С. Л. Указ. соч. С. 136-137.

²¹⁷ Струве Г. Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы. Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1956. С. 30.

²¹⁸ Жигальцова Л. «Принадлежность к России должна быть источником гордости...»: Абрам Осипович Гукасов // Родина. 2010. № 10. С. 108-111.

самосохранения большевизма²¹⁹. Столь яркое политическое лицо газета приобрела благодаря тому, что основателем и “донатором” издания являлся промышленник А. О. Гукасов (Гукасянц)²²⁰, в эмиграции занимавшийся политической и общественной деятельностью. Положение крупных предпринимателей, покинувших после Гражданской войны Россию, в том числе и Гукасовых, оказалось не столь плачевным, так как многие из них основные фонды своих предприятий хранили за границей. «Наличие средств позволяло представителям русской буржуазии ощущать себя определённой общественной силой, чей экономический и хозяйственный опыт будет незаменим для освобождённой от большевизма России»²²¹. Именно благодаря финансовым возможностям Гукасова появилась еще одна ежедневная газета русского Парижа, а затем она же продолжила свое существование после перерыва, вызванного Второй мировой войной. Как сообщает Азаров, «издатель придерживался монархических взглядов и стремился пропагандировать в финансируемых им органах дело возрождения России через реставрацию монархии. Одновременно поддерживая и другие периодические издания, он хотел усилить правое политическое крыло эмиграции, противостоящее “революционерам” — эсерам и кадетам, игравшим первые роли в периодической печати зарубежья. Ведь широко известно, что большинство их изданий выходило благодаря финансовой поддержке западных правительств и различных неправительственных фондов»²²². Об этом же упоминает историк литературы И. Н. Толстой, отмечая, что «Гукасов собирался издавать не только “Возрождение”, газету, альтернативную “Последним

²¹⁹ См.: Михайлов О. Н. Литература русского Зарубежья. М., 1995. С. 32–40. URL: <http://evartist.narod.ru/text5/20.htm> (Дата обращения: 14.09.2014).

²²⁰ Гукасов, Абрам Осипович (1872-1969) — российский нефтепромышленник, доктор естественных наук, доктор философских наук, меценат, издатель и общественный деятель.

²²¹ Жигальцова Л. Указ. соч. С. 108-111.

²²² Азаров Ю. А. Указ. соч. С. 66.

новостям”, но и журнал, альтернативный “Современным запискам”»²²³. Эта его настроенность на помощь в русском вопросе вызывала недоумение у многих, в особенности в армянских кругах. Как сообщает В. Нерсисян, «он и среди русских слыл чудачком: богатый армянин занялся делом России (действительно, чудачком!) и посвящал ему свою энергию, свое время и деньги, — рассматривая свои коммерческие дела как средство для главного, т. е. для возрождения — в самом широком смысле этого слова. Ведь немало было, да и есть еще русских “тузов” в эмиграции. Но громадное большинство из них подчинились общему закону: чем богаче, тем меньше “свободных денег” на общественные русские дела»²²⁴.

Как уже упоминалось, при создании газеты «Возрождение» в начале 1920-х гг. на место главного редактора был приглашен П. Б. Струве, в прошлом легальный марксист и член ЦК партии кадетов, придерживавшийся позиции “либерального консерватизма”. Он был известным экономистом, историком, философом, литературным критиком и журналистом и еще во время своей первой эмиграции до революции издавал журнал «Освобождение» (1902-1905 гг.). Вслед за С. Франком исследователь Раев полагает, что серьезные разногласия между издателями обнаружились довольно быстро. Ведь Гукасов и его сторонники отражали настроения Российского торгово-промышленного и финансового союза, неофициальным органом которого и являлось «Возрождение». Их не устраивала политическая линия Струве, в особенности его ориентация на интеллигенцию. «Гукасов считал, что “в газете восторжествовали снобизм и кружковщина, ее высокомерный тон и стиль отпугивают простого читателя-эмигранта”»²²⁵. В 1927 г. из-за конфликта с

²²³ Толстой И. Журнал «Современные записки» и русская эмиграция: Радиопрограмма. Эфир 21.09.2008. URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/465769.html> (Дата обращения: 11.10.2014).

²²⁴ Нерсисян В. А. О. Гукасов и армяне // Возрождение. 1969. № 215. С. 33.

²²⁵ Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939 / Пер. с англ. М., 1994. С. 110; Франк С. Л. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1956. С. 147.

Гукасовым Струве оставил пост главного редактора и на его место был принят Ю. Ф. Семенов. Тем не менее, Струве удалось очень многое сделать для газеты. Именно благодаря его стараниям она приобрела широкую популярность в эмиграции, может быть, даже большую, чем газета «Последние новости»²²⁶. А по мнению журналиста Н. Цурикова, уход из газеты Струве стал настоящей катастрофой для русского зарубежья в целом и для русской эмигрантской прессы, в частности²²⁷.

Характеризуя «Возрождение» 1930-х годов, Раев пишет, что с приходом Семенова газета стала «открыто монархической и “реакционной”, адресованной “малообразованному читателю”»²²⁸. С его мнением не соглашается исследователь О. О. Баскаков, парируя тем, что «безусловно, в подобном заявлении содержится не объективное мнение, а ничем неподтвержденные эмоции <...> подобная оценка явно тенденциозна и только демонстрирует неприязнь отдельной части современного общества к национально-патриотической идее и ее носителям <...> нужно учитывать, что на страницах эмигрантской прессы велась политическая борьба, и газеты не были лишены тенденциозности в подборе материалов и их интерпретации. Ведущую эмигрантскую периодику нельзя было заподозрить в симпатиях к правому флангу»²²⁹. Поддерживая мнение Раева, к монархическому флангу относит это издание и ученый Г. Жирков²³⁰. При этом он ссылается на то, что газета активно пропагандировала идеи Российского общевоинского союза (РОВС), нацеленного на самую активную борьбу с советской властью и требовавшего боевой готовности к ней, а сам Гукасов ежемесячно ассигновал РОВС восемь

²²⁶ См.: Азаров Ю. А. Указ. соч. С. 66.

²²⁷ Цуриков Н. А. Петр Бернгардович Струве: Воспоминания // Возрождение. 1953. № 28. С. 89.

²²⁸ Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939 / Пер. с англ. М., 1994. С. 108.

²²⁹ Баскаков О. О. Идеология русской монархической эмиграции 20-х - 30-х годов XX века. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1999. С. 23.

²³⁰ Жирков Г. Между двух войн: Журналистика русского зарубежья (1920-40 гг.). СПб., 1998.

тысяч франков²³¹. Не станем, пожалуй, оспаривать ту или иную точку зрения, т. к. чаще всего любые эмигрантские издания, в том числе и литературные, склонны к политическим распрям. И прежде всего потому, что «одной из отличительных черт журналистики русского зарубежья по сравнению с советской была ее многопартийность»²³². О том же пишет Гуль, вспоминая, что русская политическая периодика в эмиграции шла от монархистов справа до анархистов слева, через эсеров, эсдеков, энесов, кадетов, сменовеховцев и др.²³³ А кроме этого не следует забывать, что революция и гражданская война в России стали причиной того, что многие писатели русского зарубежья сделали еще и политическими публицистами (Бунин, Куприн, Аверченко, Гиппиус). Таким образом, политика вторгалась в художественное слово, размывая грань между изящной словесностью и обвинительной речью²³⁴. Вишняк задается вопросом, а «мог ли вообще быть в эмиграции “журнал русской культуры и литературы”, то есть орган свободной и независимой мысли без того, чтобы он не отталкивался от царящей на родине деспотии? И возможно ли вообще подлинное литературно-культурное творчество в полном отрыве от политики?»²³⁵ Той же проблематикой задавался редактор «Возрождения» П. Б. Струве, когда обращался к читателям: «Нет и не может быть для нас враждебного разделения и расхождения между культурой и политикой. Ибо бессильна, не осолена политика “бескультурная” и столь же бессильна и пресна лишенная государственных мыслей и устремлений “аполитичная” культура. Первая безвкусна; вторая же не живет, а влачит свои дни в рыхлом, безвольном и безмышечном прозябании. В своих вершинах, в

²³¹ Шкаренков Л. К. Конец белой эмиграции // Вопросы истории КПСС. 1979. № 8. С. 88. URL: <http://evartist.narod.ru/text5/20.htm> (Дата обращения: 14.09.2014).

²³² Жирков Г. В. Типологические особенности журналистики русского зарубежья // Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков: Учебное пособие. Под ред. Г. В. Жиркова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. URL: <http://evartist.narod.ru/text5/16.htm> (Дата обращения: 14.09.2014).

²³³ См.: Гуль Р. Я унес Россию // Новый журнал. 1979. № 134. С. 120.

²³⁴ См.: Летаева Н. В. Указ. соч. С. 40.

²³⁵ Вишняк М. В. Указ. соч. С. 12.

своих высших и ценнейших напряжениях и заострениях быт и государственность, образованность и державность, культура и политика — едино суть»²³⁶.

Касаясь литературной части публикаций в «Возрождении», редактор «Современных записок» Вишняк вспоминает, что возможность обеспечить литературный отдел высокими гонорарами позволяла редакции привлечь к сотрудничеству известных писателей, поэтов, критиков. По его словам, В. Ходасевич «попал в “Возрождение” поневоле, по тяжелой нужде, выговорив себе “автономию” в своем литературном отделе; тем не менее, он отдал свой труд и талант на поддержку гукасовского предприятия»²³⁷. Один из авторов послевоенного журнала отмечал, что «помимо политической роли «Возрождения», оно выполняет культурную миссию, давая возможность писателю-эмигранту проявить себя и окрепнуть, продолжая славную традицию русской литературы, загнанную в советских условиях в глубины подсознания. Здесь невозможно назвать имена — слишком их много...»²³⁸

По окончании Второй мировой войны, как уже отмечалось ранее, в среде русской эмиграции появилась надежда на “возрождение” культурной жизни на прежнем довоенном уровне. К тому же за границу, в основном, конечно, в Европу, прибыла новая, “вторая волна” эмиграции. Так сложилось, что достаточно большое количество представителей интеллигенции покинуло Советский Союз в годы Второй мировой войны. Но, вместе с тем, по своему воспитанию и образованию, имевшему место в идеологически не свободном советском обществе, они, увы, не были способны сформировать «критическую массу», необходимую для сохранения, а тем более, умножения культурной традиции вне метрополии. Если для “первой волны” смыслом эмиграции

²³⁶ Цит. по: Струве Г. Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы. Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1956. С. 55.

²³⁷ Вишняк М. В. Указ. соч. С. 211.

²³⁸ Станюкович Н. В. Итоги // Возрождение. 1960. № 100. С. 33.

являлось сохранение русской культуры, наследниками которой они себя ощущали, то для последующих волн ведущая идея отъезда была в разрыве с советской культурой, продуктом которой они все равно оставались²³⁹. Потому в 1950-х и начале 1960-х годов представители “первой волны”, как и прежде, занимали ведущие места в культурной и литературной жизни русской эмиграции.

Как пишет соредактор «Возрождения» М. С. Расловлев, поэту и литературоведу И. И. Тхоржевскому удалось провести две встречи с Гукасовым осенью 1948 г., в результате которых тот финансировал возобновление периодического издания под тем же довоенным названием, но уже в виде журнала²⁴⁰. На встречах также присутствовали В. А. Маклаков (последний посол Императорской России в Париже), его супруга М. А. Маклакова, генерал Н. М. Тихменев и профессор В. Б. Ельяшевич, так или иначе участвовавшие в новом издании²⁴¹. «“Возрождение” было поддержано широкими национальными кругами, как сотрудниками, так, что еще важнее, самими читателями»²⁴².

Таким образом, новый журнал выходил с 1949 по 1974 гг., став своеобразной заменой довоенной газеты. Нельзя не согласиться с Жигальцовой, что во все время своего существования журнал играл значительную роль в культурной жизни русской эмиграции, отражая мысли и настроения эпохи, служа делу объединения и воспитания патриотизма. Его издательство, выпустившее беллетристические произведения своих сотрудников (романы Шмелева, Тэффи, Ренникова, Сургучева, Лукаша, собрание стихотворений

²³⁹ См.: Демидова О. Р. Указ. соч. С. 297.

²⁴⁰ См.: Расловлев М. Иван Иванович Тхоржевский и десятилетие тетрадей «Возрождения» // Возрождение. 1959. № 85.

²⁴¹ От редакции к 100-й тетради «Возрождения» // Возрождение. 1960. № 100. С. 1.

²⁴² Ефимовский Е. Сотый номер «Возрождения» // Возрождение. 1960. № 100. С. 27.

Ходасевича), а также множество мемуаров, значительно пополнило сокровищницу русской культуры²⁴³.

Каждый номер нового журнала предваряла справка об издании, сообщавшая, что он был «основан 3 июня 1925 года в виде ежедневной газеты, с 1936 года преобразован в еженедельную газету. 7 июня 1940 года, накануне вступления в Париж германской армии, издание было временно прекращено; с января 1949 года и до декабря 1954 года “Возрождение” выходило шесть раз в год, с января 1955 года — ежемесячно»²⁴⁴. Как указывает С. Нимарочева, «несмотря на скромный подзаголовок — “Литературно-политические тетради” — и объём, не позволяющий претендовать на звание “толстого”, журнал этот быстро приобрёл известность в русском мире <...> Сохраняя на протяжении всего времени своего непростого существования чёткую антикоммунистическую направленность, журнал вместе с тем имел и широкую преобразовательную концепцию, выраженную в его девизах: “Величие и свобода России”, “Достоинства и права человека”, “Ценность культуры”. В литературном разделе “Возрождения” печатались произведения как мастеров русской литературы — И. Бунина, З. Гиппиус, Мережковского, Б. Зайцева, А. Ремизова, И. Шмелёва, — так и новых эмигрантов <...> В разделе литературной критики и литературоведения появлялись не только ёмкие отзывы на книжные новинки, но и серьёзные статьи по истории русской литературы. Квалифицированные, свободные от социологизации творчества истолкования произведений русских классиков выгодно отличались от продукции советских литературоведов — недаром в последнее десятилетие в России перепечатаны многие из литературоведческих статей, увидевших свет в “Возрождении”. Очень представительным был раздел документальных

²⁴³ См.: Жигальцова Л. «Принадлежность к России должна быть источником гордости...»: Абрам Осипович Гукасов // Родина. 2010. № 10; Струве Г. Указ. соч. С. 139.

²⁴⁴ От редакции // Возрождение. 1949. № 1. С. б/н.

свидетельств, где, в частности, были опубликованы (посмертно) дневники Зинаиды Гиппиус, “Моя летопись” Тэффи, ряд ценных воспоминаний о жизни Льва Толстого, письма писателей и деятелей культуры»²⁴⁵. Дополним ее список документалистики на страницах «Возрождения» особо примечательными свидетельствами С. П. Мельгунова «Мартовские дни 1917 года», публиковавшимися на протяжении 1950-54 гг., и позднее вышедшими отдельным книжным изданием (Париж, 1961), а также мемуарами А. В. Тырковой-Вильямс, также вышедшими отдельной книгой (Париж, 1954) после публикации в журнале в 1951-52 гг. В ряду исторических материалов необходимо отметить исследование М. С. Расловлева, в котором он касается истории русских монархических организаций зарубежья с 1917 по конец 1950-х гг.²⁴⁶, к сожалению, появившиеся единожды на страницах журнала и больше никогда не публиковавшихся. Любопытны воспоминания Л. Норд о маршале М. Н. Тухачевском, позднее изданные в книжном варианте. Норд была представительницей второй волны эмиграции, прошедшей через лагеря перемещенных лиц (ди-пи), безусловно, человеком советским и ее апологетика «сталинского маршала», несомненно, заслужила моментальную и стремительную критику в русской прессе зарубежья²⁴⁷, тем более понятную, что до нее о Тухачевском уже выходила книга Р. Гуля²⁴⁸, выдержавшая несколько переводных изданий на многие европейские языки.

Наряду с литературой «Возрождение» уделяло внимание и другим видам искусства. Стоит отметить интересные воспоминания и очерки о театре известного театрального критика и журналиста как дореволюционной России,

²⁴⁵ Нимарочева С. Журналы русского зарубежья // Литература. 2002. № 45. URL: <http://lit.1september.ru/articlef.php?ID=200204509> (Дата обращения: 22.06.2014).

²⁴⁶ Расловлев М. С. Сорок лет тому назад // Возрождение. 1961. №№ 109-118.

²⁴⁷ См.: Норд Л. Маршал Тухачевский: Ответ критикам // Возрождение. 1957. № 71. С. 108-112.

²⁴⁸ Гуль Р. Тухачевский красный маршал. Берлин, 1932.

так и русского Парижа С. В. Яблоновского (Потресова)²⁴⁹, а также заметки писателя И. Сургучева²⁵⁰, хореографа С. Лифаря²⁵¹ и промышленника Л. Рабенека²⁵². Примечательны очерки о встречах Гиппиус с актрисой М. Г. Савиной²⁵³, а к 100-летию со дня рождения М. Н. Ермоловой — воспоминания П. Мельгуновой-Степановой²⁵⁴.

Писали в журнале и о музыке — воспоминания А. Д. Александровича²⁵⁵, вышедшие впоследствии отдельной книгой (США, 1965), очерки о П. И. Чайковском²⁵⁶, А. Н. Вертинском²⁵⁷, А. М. Ян-Рубан²⁵⁸ и др. Очерки о художниках также нашли свое место на страницах издания — мемуары князя С. Щербатова, изданные позднее книгой «Художник в ушедшей России» (США, 1955), а к 25-летию со дня смерти И. Е. Репина — воспоминания о нем²⁵⁹. Касаясь академической области, журнал отводил место и воспоминаниям о деятелях науки.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, можно утверждать, что на протяжении пятидесяти лет своего существования «Возрождение», сначала как газета, а затем в качестве «толстого» журнала непреклонно оставался выразителем идей и настроений национальной России, склоняясь к монархическим кругам, хотя и занимал достаточно нейтральную позицию по отношению к будущему страны. Но это спектр исторических и политологических изысканий. С культурологической и литературоведческой

²⁴⁹ Яблоновский С. Около театра // Возрождение. 1949. № 5. С. 68-79; Яблоновский С. Наброски о Малом театре // Возрождение. 1950. № 8. С. 104-115; Яблоновский С. В. Избранное. В 3 тт. М.: Пальмира, 2010.

²⁵⁰ Сургучев И. Из театральных воспоминаний // Возрождение. 1955. № 40. С. 63-74.

²⁵¹ Лифарь С. Вацлав Нижинский // Возрождение. 1957. № 61. С. 50-65.

²⁵² Рабенек Л. Станиславский и его семья. Из личных воспоминаний // Возрождение. 1963. № 133. С. 71-77.

²⁵³ Гиппиус З. Встречи с М. Г. Савиной // Возрождение. 1950. № 7. С. 97-100.

²⁵⁴ Мельгунова-Степанова П. М. Н. Ермолова // Возрождение. 1953. № 29. С. 84-88.

²⁵⁵ Александрович А. Д. Записки певца // Возрождение. №№ 22-25, 27, 30, 32, 36, 38 и 41.

²⁵⁶ Авьерино Н. К. Мои воспоминания о П. И. Чайковском // Возрождение. 1951. № 16. С. 97-106.

²⁵⁷ Унковский В. Александр Вертинский // Возрождение. 1958. № 74. С. 117-124.

²⁵⁸ Вернадская Н. В. Первая русская камерная певица Анна Михайловна Ян-Рубан: воспоминания ее ученицы // Возрождение. 1965. № 157. С. 98-112.

²⁵⁹ Лидарцева Н. Воспоминания о Репине // Возрождение. 1955. № 47. С. 99-104.

точек зрения ценность «Возрождения» состоит в том, что издание отражало все события, изменения и тенденции, происходившие в жизни русской диаспоры в эмиграции. По словам Н. Бирхлер, «журнал с самого начала пытается привлечь к сотрудничеству как можно больше известных писателей и поэтов, оставшихся в Париже. В первых же его номерах мы встречаем имена Георгия Иванова, Бориса Зайцева, Федора Степуна, Глеба Струве. Однако очень быстро создалась парадоксальная, но довольно типичная для литературных журналов ситуация: с одной стороны, редакция получала массу рукописей, многие из которых не принимались, а с другой — редакторам приходилось уговаривать писателей поместить в “Возрождении” статью или стихотворение, торопить, напоминать об обещанном произведении»²⁶⁰. Вместе с тем, в вопросе публикации литературных работ издание не опиралось только лишь на своих постоянных авторов, завсегдатаев известных литературных журналов, а давало возможность новым именам, при наличии таланта и литературных способностей, помещать свои работы в ежемесячнике. Оно было открыто широчайшим кругам русского зарубежья, поддерживало постоянные контакты с русскими учеными, профессорами, специалистами в той или иной сфере. И те охотно публиковались на страницах издания. Другие периодические издания русской диаспоры часто ссылались на «Возрождение» или помещали отзывы на публикации оттуда. Издание признавалось, таким образом, авторитетным и заслуживающим доверия и внимания со стороны мыслящей части эмиграции.

Исходя из многообразия публикаций, в целом периодика русского зарубежья можно рассматривать и она рассматривается исследователями в различных аспектах — политологическом, социальном, культурном, журналистском, литературном. Спектр охвата расширяется с каждым годом, так что вскрыть глубинные антропокультурные смыслы представляется

²⁶⁰ Бирхлер Н. Ibid. S. 14.

возможным только на пересечении самых разных гуманитарных наук²⁶¹. И журнал «Возрождение», как яркий представитель печатного слова русского рассеяния, должен, несомненно, занять важное место в современных филологических исследованиях. Ведь как справедливо отмечал Ю. К. Терапиано, кроме «Возрождения» в послевоенном литературном Париже других журналов не было²⁶².

²⁶¹ См.: Гребенюк О. С. Автобиография: философско-культурологический анализ. Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 4. Цит. по: Волошина С. В. Автобиографический рассказ как объект лингвистического исследования // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 308. С. 11.

²⁶² Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека 1924-1974). Париж-Нью-Йорк: Альбатрос-Третья волна, 1987. С. 198.

Глава 2. Эго-документы на страницах журнала «Возрождение»

Устойчивый интерес исследователей к мемуарам русской эмиграции XX века, за редким исключением почти не касается авторов «второго плана» и тех публикаций, что появлялись в эмигрантской периодической печати. Как уже отмечалось, увы, далеко не всегда берется широкий спектр мемуаров разной природы, т. е. принадлежащих перу людей разных профессий. Тем более почти нет исследований, которые рассматривают мемуары в ситуации «прикрепления» к определенному печатному органу. Для заданного исследования были выбраны публикации в парижском журнале «Возрождение» (1949-1974). Данное издание не сторонилось малоизвестных в эмиграции авторов, а равно и авторов, уже заслуживших признание, но публикующихся от случая к случаю. Именно взгляд на происходящее с ними, на то, что они пережили на личном опыте, интересен как текст исповедальный, где уровень повседневности превышен и довлеет над текстуальностью²⁶³. В таком тексте автор убедителен в своей непредвзятости уже потому, что описываемые им ситуации носят характер повседневности, обыденности, обычности. Обычный человек в ежедневной жизненной ситуации. Такую убежденность я бы назвал «случаем искреннего заблуждения», когда будничным день из жизни простого человека действительно может многое рассказать и о военной действительности, и о моральной, духовной атмосфере, создавшейся как в отдельно взятом местечке, так и во всей Европе²⁶⁴, но в то же время несет на себе отпечаток личности автора, его представлений о действительности, отражает его мировоззрение, опирается на устойчивые образы, мифы, обнажает «прогрессивность» или «ретроградность» пишущего. Показателен случай писателя Осоргина, который положил обычную жизнь рядовых людей в основу

²⁶³ См.: Местергази Е. Г. Литература нон-фикшн. Экспериментальная энциклопедия. М.: Совпадение, 2007. С. 49-50.

²⁶⁴ Кознова Н. Н. Указ. соч. С. 391.

своей мемуарной книги «Письма о незначительном, 1940-1942 гг.» (Нью-Йорк, 1952). Примечательно указание В. Варшавского со ссылкой на Ходасевича, что многие из эмигрантских авторов «второго плана» были вынуждены писать урывками, в часы, после одуряющей службы в конторе, на заводе, после сидения за рулем, после изнурительного труда, часто недоедая, недосыпая, в полунущете, без материальной возможности организовать себе культурный отдых с книгой или в театре²⁶⁵.

Несомненно, что рост числа произведений эго-документального характера в среде русской эмиграции был вызван чувством меланхолии, потерей любимого родного объекта, в качестве которого выступала родная страна²⁶⁶. К сожалению, для опубликования сочинений такого рода вне периодических изданий условия в зарубежье были особенно неблагоприятные. Бирхлер полагает, что все художественные произведения, публиковавшиеся в «Возрождении» можно условно разделить на воспоминания о жизни в России и описания жизни в эмиграции²⁶⁷. «В воспоминаниях перед нами встает Россия конца XIX-ого — начала XX-ого века, чаще всего усадебная или петербургская. Авторы повествуют об этом периоде своей жизни с ностальгией, как о невозвратно прошедшем. Нередко писатели были лично знакомы с выдающимися культурными, общественными деятелями России, с членами царской семьи и аристократического общества, или принимали участие в политических событиях. Они преподносят свои воспоминания в форме исторических очерков»²⁶⁸. При этом, по мнению Г. Струве, «многое ценное до сих пор погребено в журналах и даже в газетах, так как журналов в Зарубежье было недостаточно»²⁶⁹. С ним соглашается Раев, призывая к каталогизации эго-

²⁶⁵ См.: Варшавский В. Незамеченное поколение. Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1956. С. 166.

²⁶⁶ См.: Фрейд З. Указ. соч. С. 214.

²⁶⁷ Бирхлер Н. Ibid. S. 15.

²⁶⁸ Ibid.

²⁶⁹ Струве Г. П. Указ. соч. С. 248.

документов, публиковавшихся в периодике: «Мемуарная литература по всем странам русского рассеяния очень обширна и разбросана по журналам, сборникам и т.п. Желательно составить ей сводный каталог»²⁷⁰. Данное положение указало нам путь к отбору рассматриваемых публикаций.

²⁷⁰ Раев М. В помощь исследованию Зарубежной России // Новый журнал. 1995. № 196. С. 356.

2.1. Типология эго-документальных текстов

Если в XIX веке было модным сочинять мемуары и дневники для своих потомков, буквально для внуков и правнуков, то в веке XX с его государственными и человеческими катастрофами мемуары стали чуть ли не основным жанром нехудожественной прозы русской эмиграции. Своего рода общественным явлением, общественной исповедью. В прошлом они писались в стол, для прочтения в узком кругу, для назидания своим прямым потомкам. В веке XX писались уже для назидания поколениям и в качестве исповедального текста. Публичность таких документов стала важной их составляющей. Вот почему исследователь русского зарубежья, профессор Мэрилендского университета Джон Глэд полагает, что «одной из главных заслуг “второй волны” русской эмиграции были мемуарный жанр и художественная проза, запечатлевшая опыт недавних событий, поскольку трагедия века не была объективно отражена в советской литературе, а вывезти рукописи из Советского Союза до войны было нелегко»²⁷¹. А по мнению Г. Струве, из всего, что создано в эмиграции «едва ли не самым ценным вкладом в общую сокровищницу русской литературы должны будут признаны формы нехудожественной литературы – критика, эссеистика, философская проза, высокая публицистика и мемуарная литература»²⁷².

В данной главе мы коснемся нескольких частных случаев воспоминаний представителей «первой волны» (П. Барк и С. Буксгевден) и авторов «второй волны» (М. Бобров и М. Вега) русского рассеяния, опубликованных в послевоенном «Возрождении». Во-первых, мы не будем рассматривать приводимые ими факты с исторической точки зрения. Ведь то, что любопытно историку, малоинтересно филологу. Так, мемуары последнего министра

²⁷¹ Глэд Дж. Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье. М.: Кн. палата, 1991. С. 14.

²⁷² Струве Г. П. Указ. соч. С. 248.

финансов Императорской России Петра Львовича Барка и фрейлины российской Императрицы баронессы С. Буксгевден будут нами рассмотрены в контексте литературы и словесности. Это необходимо сделать уже потому, что, по мнению Л. Гинзбург, психологически «романист и мемуарист как бы начинают с разных концов и где-то по дороге встречаются в единстве события и смысла»²⁷³. Автобиографические же заметки М. Веги и М. Боброва, заявленные сами по себе как произведения художественные, при ближайшем рассмотрении оказываются насыщенными сведениями биографического и документального характера, что опять же подтверждает указанную формулировку Л. Гинзбург.

Объединение в общее понятие «эго-документ» произведений как различных с точки зрения жанра, так и выходящих за рамки формальных жанровых обозначений, в том числе существующих на стыке, представляется достаточно продуктивным по следующим соображениям.

Прежде всего, в рамках эго-документа, несмотря на использование в нем различных способов передачи авторских интенций, возможно изучение как традиционной мемуарно-автобиографической прозы, так и произведений, которые могут быть отнесены к понятию «автофикция» или «роман-мемуар». Эта возможность оправдана тем, что, несмотря на кажущуюся разность, все они направлены на достижение одной цели: раскрытие автором эго-документа с той или иной степенью достоверности излагаемого на основе приобретенного жизненного опыта через самоанализ пережитых событий и связанных с ними эмоций.

К тому же, содержание понятия «эго-документ» остается в определенной степени открытым, в связи с чем сохраняется возможность расширения его границ путем включения в эту группу текстов с иным, отличным от

²⁷³ Гинзбург Л. Указ. соч. С. 8.

традиционного, способом передачи документального текста при условии сохранения в таких произведениях установки на подлинность. На этом основании в группу эго-документов, например, был включен очерк М. Боброва «По долинам и по взгорьям», характерными чертами которого являются полифоничность и ограниченное присутствие в тексте авторской самоидентификации.

2.2. Мемуары государственных и политических деятелей:

соотношение субъективного и объективного

(мемуары последнего министра финансов

Императорской России П. Л. Барка)

Чуть больше десятка публикаций в «Возрождении» возможно отнести к эго-документам политических и общественных деятелей «старой» России. Среди работ таких авторов как П. Струве, Ю. Семенов, Б. Татищев, С. Мельгунов, Ф. Степун, Ф. Родичев и др. нами были выбраны для анализа воспоминания последнего министра финансов Императорской России П. Л. Барка. Помимо крупного объема, позволяющего судить о литературных достоинствах произведения, данный текст, насколько нам известно, ранее никогда не подвергался литературоведческому анализу. Он также не переиздавался и потому малоизвестен исследователям.

Как известно, особенность мемуаров политических деятелей вообще состоит в том, что авторы таковых зачастую настаивают на значительности как собственной фигуры, так и того, что выходит из-под их пера. Эта мотивация становится ведущим фактором для их сочинений. Соответственно, и жанровое своеобразие таких мемуаров чаще всего тяготеет к стилистике автобиографии, где наряду с хронологической последовательностью в изложении событий присутствует тождество автора, повествователя и героя (что отмечается исследователями Н. Николиной²⁷⁴, В. Нурковой²⁷⁵ и др.), а соотношение субъективного и объективного дополняется ярко выраженным личностным началом (что замечено учеными Е. Голубевой²⁷⁶, Е. Погодиной²⁷⁷ и др.). В то же

²⁷⁴ Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы: Учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2002. 424 с.

²⁷⁵ Нуркова В. В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во УРАО, 2000. 320 с.

²⁷⁶ Голубева Е. И. Лингвостилистические средства выражения объективного и субъективного факторов в жанре автобиографии: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1987. 24 с.

время всегда имеется «предел субъективности»²⁷⁸, когда «не все можно выставить на суд читателя, не обо всем можно рассказать откровенно»²⁷⁹. Как полагает Галиуллина, «наиболее “правдивы” те мемуары, которые писались “для себя”, а не для печати. Воспоминания, предназначенные для обнародования, преследуют определенные цели. При анализе мемуаров важно учитывать изначальные цели автора»²⁸⁰.

Если обратиться к воспоминаниям политических деятелей Императорской России, то видно, что четверо из пяти российских министров финансов XX века – С. Ю. Витте²⁸¹, В. Н. Коковцов²⁸², Д. Н. Шипов²⁸³ и П. Л. Барк — оставили после себя таковые. Нам доподлинно неизвестно, писал ли их Э. Д. Плеске – пятый министр финансов, но, по-видимому, нет. Являются ли их воспоминания литературно-художественными образцами или носят скорее стиль дневниковых заметок? Являются ли эго-документами, дающими историческую ретроспективу, без шанса на субъективность, столь интересную в любого рода воспоминаниях? Кому интереснее изучать данные воспоминания – историку, жаждущему выяснить историческую правду и фактическую сторону событий, или филологу и лингвисту, изучающим слово и образность автора, особенности языка профессиональных финансистов и их профессионально-речевой диалект? Выявление границы между художественным и документальным — наиболее интересная задача в данном контексте. Ведь, как писал об этом Ю. М. Лотман, в определенных типах культуры «граница между художественным и нехудожественным текстами может проводиться столь

²⁷⁷ Погодина Е. В. Специфика речевого функционирования категорий «пространство» и «время» в автобиографической прозе (на материале произведений М. Осоргина и И. Бунина). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 16 с.

²⁷⁸ Галиуллина Д. М. Указ. соч. С. 43.

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ Там же.

²⁸¹ Витте С. Ю. Воспоминания. В 2 тт. Берлин: Слово, 1922.

²⁸² Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919 гг. В 2 тт. Париж, 1933.

²⁸³ Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 2007.

непривычным для нашего современного восприятия образом, что мы будем склонны ее вообще не улавливать»²⁸⁴.

Из указанных сочинений министров финансов художественность текста проявлена у графа Витте. Наименее — у Барка. Мемуарист Коковцов смешивает литературные отступления с сухим отчетом, а Барк совершенно алитературен и предпочитает лишь факты и аргументы. Тем он и интересен исторически, фактологически. При этом, вероятнее всего, он меньше, чем двое других, приукрашивает свою роль в исторических событиях и «выпячивает» самого себя. И здесь необходимо отметить, что долгое время такого рода автобиографические произведения рассматривались учеными лишь в источниковедческом аспекте. Но современные исследования жанра автобиографии, по мнению С. Волошиной, показывают, «что в большинстве случаев статус автобиографии не меняется, она рассматривается в качестве источника для выявления психологической характеристики личности, изучения процесса социализации человека, изучения гендерных отношений и т. д. Причем каждая из наук по-своему классифицирует автобиографические тексты, дает определение “автобиографии” и выделяет характерные для жанра черты»²⁸⁵.

Форма отчета, дневниковый нарратив — это, на мой взгляд, наиболее характерная классификация мемуаров Барка. Они рассмотрены нами в качестве предмета исследования, как текст, появившийся в журнале «Возрождение». Следует отметить, что мемуары Барка, опубликованные в 1955-67 гг., не были упомянуты в библиографии Л. Фостер (L. Foster)²⁸⁶ и в научной среде к ним всерьез обратились лишь в последнее десятилетие, когда в Санкт-

²⁸⁴ Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПб, 1998. С. 273.

²⁸⁵ Волошина С. В. Автобиографический рассказ как объект лингвистического исследования // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 308. С. 12.

²⁸⁶ Foster L. Bibliography of Russian émigré literature, 1918-1968. G.K. Hall, 1970. 1374 pp.

Петербургском университете была выполнена и защищена докторская диссертация, касающаяся деятельности Барка в составе правительства Российской империи²⁸⁷. По существу, диссертация С. Г. Беляева направлена на анализ финансовой системы страны, и почти что не касается оценки Барка как мемуариста и человека, взявшегося за перо. Мемуары Барка не были опубликованы отдельной книгой, и в распоряжении исследователей по-прежнему находится лишь журнальная версия. Оригинал рукописи был куплен по частям с 1958 по 1976 гг. Отделом рукописей Колумбийского университета (США) и хранится в Бахметьевском архиве. Но, быть может, причина отсутствия исследований по данной теме в том, что мемуары Барка малоинтересны ученым-историкам? Скажем, обычно несдержанный в речах Витте упоминает о Барке в своих мемуарах только единожды — как об управляющем одного из крупнейших в Петербурге Волжско-Камского банка — да и то вскользь: «Когда он был еще совсем молодым человеком, только что окончившим учебное заведение — я его послал за границу в Берлин к Мендельсону — учиться банковскому делу»²⁸⁸. Это неудивительно, что Витте уделил ему всего три строки, ведь Барк смог проявить себя в правительстве лишь тогда, когда Витте уже почил. В отличие от него Барк рассказывает о своем предшественнике, графе Витте с намного большими любезностями: «Я всегда был большим поклонником графа Витте, которого считал наиболее выдающимся государственным деятелем после Столыпина, но опасался его необузданного характера, который ему очень вредил»²⁸⁹. Подобные перекрестные характеристики историк Покровский называл «тоном обычных

²⁸⁷ Беляев С.Г. П.Л. Барк и финансовая политика России. 1914—1917 гг. Дисс. ... док. ист. наук. СПб., 2002. 619 с.

²⁸⁸ Витте С.Ю. Воспоминания. Берлин: Слово, 1922. Том 1. С. 128.

²⁸⁹ Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1965. № 159. С. 82. Далее указ. номер журнала и стр. в тексте в скобках — (Барк, 159: 82).

чиновничьих воспоминаний»²⁹⁰. Однако, нам представляется интересным выяснить, как все-таки через предельно документальный и сухой стиль повествования Барка прорывается субъективность изложения? На мой взгляд, начало такой субъективности положено автором через обожествление роли Императора Николая II. Так, он пишет: «Я знаю, что останусь на посту, пока мой Государь будет доволен мною, и покину его, когда мой Государь признает это своевременным» (Барк, 178: 99). А в другом месте: «личность Монарха должна была находиться вне досягаемости какой бы то ни было критики»²⁹¹.

Чтобы ярче представить личность П. Л. Барка, его роль в правительстве и его образ художественного мышления, необходимо сказать несколько слов об авторе. Окончив с отличием юридический факультет Санкт-Петербургского университета, всю свою жизнь он провел в финансовых учреждениях страны, как частных так и государственных. Банковский и управленческий опыт Барка ко времени занятия им поста министра финансов, надо сказать, был весьма серьезным – от младшего столоначальника в Государственном Банке России до товарища председателя фондового отдела Петербургской биржи, и от председателя правления Учетно-ссудного банка в Персии до директора-распорядителя Волжско-Камского банка. Новая должность министра не была для него лишь почетным титулом в ряду других, но требовала полной самоотдачи. Надо сказать, что Барк не сразу согласился занять пост министра, как ни странно это может выглядеть в наше время. И не столько потому, что он серьезно терял в доходах — в банке, по его собственным словам он зарабатывал по 120 тысяч рублей в месяц, в то время как чиновником Минфина — всего 18 тысяч²⁹². Но прежде всего, из-за огромной ответственности, которая

²⁹⁰ Покровский М.И. Предисловие / Витте С.Ю. Воспоминания. Том I. Л.: Государственное издательство, 1924. С. XIII.

²⁹¹ Барк П. Л. Главы из воспоминаний // Возрождение. 1955. № 43. С. 25.

²⁹² Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802-1917. Библиографический справочник. СПб, 2001. С. 60-62.

ложились на его плечи. Да и ввиду постоянных межведомственных конфликтов внутри Совета министров, участником которых по своему характеру он не собирался быть. Тем не менее после встреч с Николаем II и некоторых раздумий он все же согласился приступить к работе в правительстве. В том же году, к несчастью для Барка как для гражданина своей страны и как для члена правительства Россия была принуждена вступить в Первую мировую войну.

Развернутую характеристику Барка приводит в своих воспоминаниях А. Н. Яхонтов, с которым они вместе работали в Совете министров, а позднее состояли в переписке уже в эмиграции. Яхонтов писал о нем как о человеке «всегда ровном, спокойном и систематичном», который «держал себя весьма сановито, говорил убедительно и уверенно. В прениях Совета министров принимал живое участие. Когда беседа сосредоточивалась на крупных вопросах принципиального свойства, он выступал нередко с большим подъемом и настойчиво защищал ту точку зрения, которую почитал правильной. Но резкостей и обострений он избегал, предпочитая воздействовать благожелательностью и примирительными предложениями, в большинстве случаев он шел в единении с А. В. Кривошеиным, с которым его связывало сходство взглядов и политических настроений <...> Нельзя было не поражаться самообладанием и выдержкою П. Л. Барка. Трудно даже представить себе всю невероятную сложность и ответственность положения министра финансов в военной обстановке. В его руках был “нерв войны”, который надо было непрерывно питать»²⁹³. Эта характеристика, безусловно, находит отражение и в стиле изложения Барком его воспоминаний. Как утверждает М. В. Зайцев, «в начале лета 1911 г. Столыпин и Кривошеин видели в Коковцове лишь преграду в осуществлении своих планов и с этого времени начали добиваться его замены на посту министра финансов “большим другом” Кривошеина П. Л. Барком.

²⁹³ См.: Яхонтов А. Первый год войны (июль 1914 – июль 1915). Записи, заметки и воспоминания бывшего помощника управляющего делами Совета министров // Русское прошлое. 1996. Кн. 7. С. 290.

Смерть Столыпина в сентябре 1911 г. отложила выполнение этого плана»²⁹⁴. В итоге означенную должность он получил лишь в 1914 г.

По мнению С. Г. Беляева, «эти воспоминания в целом традиционны для жанра мемуаров русских бюрократов в эмиграции в смысле возложения вины за революционные события 1917 г. на “интеллигенцию”». Но, по его мнению, автор вместе с тем не следует свойственной мемуарам некоторых крупных бюрократов “разоблачительной” традиции, не пытается сводить личных счетов, наоборот, «налицо его старание сгладить острые углы и избежать резких оценок»²⁹⁵. Можно согласиться с этим мнением и добавить, что именно это явилось причиной того, почему воспоминания Барка не были переизданы в России до настоящего времени. Интерес к скандальному, вызывающему, резкому в оценках свойственен не только современной литературе и прессе, касающихся нынешних событий, но также, увы, в отношении исторических фигур, хотя это как раз и мешает верным оценкам той или иной личности в нашей истории. Об этом же писала в 1965 г. в «Возрождении» поэтесса Ирина Астрау: «Ведь много легче говорить плохое, мало того, люди, как это ни странно, охотнее и слушают плохое, и верят ему. Какая-то скверная извилина человеческой души, но извилина весьма обычная и, к сожалению, многим присущая. Потому, вероятно, так быстро и легко распространяются сплетни и клевета, а попробуйте рассказать что-нибудь хорошее...»²⁹⁶.

Для сравнения необходимо упомянуть, что «весьма ценные»²⁹⁷ мемуары Коковцова были переизданы в начале 1990-х со вступительной статьей и комментарием историка С. С. Волка²⁹⁸. Также заслуживают отдельного

²⁹⁴ Зайцев М. В. Государственная деятельность В.Н. Коковцова (1896-1914 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003. С. 148.

²⁹⁵ См.: Беляев С. Г. Указ. соч. С. 8.

²⁹⁶ Астрау И. Подарок памяти // Возрождение. 1965. № 168. С. 25.

²⁹⁷ Струве Г. П. Указ. соч. С. 250.

²⁹⁸ Волк С.С. Граф В. Н. Коковцов и его воспоминания // Коковцов В. Н. Из моего прошлого: Воспоминания. 1911 - 1919. М.: Современник, 1991. С. 3-32.

упоминания диссертационные работы А. Г. Соловьёвой²⁹⁹ и Ю. А. Векшиной³⁰⁰, где, в частности, указывалось, что до сих пор не существует ни одной монографии, где бы жизненный путь В. Н. Коковцова, а также его государственная и общественно-политическая деятельность рассматривались комплексно, учитывая ее положительные и отрицательные стороны. В советский период отечественной историографии появился целый ряд серьезных работ, в которых предпринимались попытки изучить, дать оценку финансовому положению России перед началом Первой мировой войны. Однако приоритет все же отдавался анализу качественных, преимущественно среднестатистических показателей Российской империи при сравнении их с данными метрополий ведущих европейских держав³⁰¹.

Это касается и воспоминаний Барка. Они по-прежнему не опубликованы целиком, не откомментированы, не исследованы. А ведь уже упомянутый «нерв войны» привел страну к невероятным расходам и, как следствие, к введению «сухого закона», чем, несомненно, Барк заслужил определенную известность. В своих воспоминаниях он много места и внимания отводит данному вопросу, разработанному его предшественниками, но осуществленному именно им. Любопытны и его выводы о причинах гибели Империи: «Трагедия России заключалась в том, что различные круги, искренне убежденные, что они одни — патриоты, одни понимают настоящие цели страны и находятся на правильном пути к достижению процветания России, — с полным недоверием и даже ненавистью относились к инакомыслящим. Нетерпимость к другим вместо содружества во время великой войны, когда требовалось полное единение для победы над грозным врагом, погубила великую Империю» (Барк,

²⁹⁹ Соловьёва А. Г. Горемыкин И. Л. и Коковцов В. Н. — российские премьеры. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2005. 211 с.

³⁰⁰ Векшина Ю. А. Социально-экономическая политика В.Н. Коковцова в контексте российской модернизации. Дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2004. 237 с.

³⁰¹ См.: Соловьёва А. Г. Указ. соч. С. 6-7.

179: 106). А его ремарка о днях Февральской революции передает особый характер времени: «Несмотря на полное запрещение продажи крепких напитков революционные лидеры озаботились достать заблаговременно из казенных складов хранившиеся там запасы спирта и водки и снабжали ими казармы запасных частей для возбуждения революционного духа» (Барк, 183: 94).

В то же время заметно, какой сильный отпечаток на стиль изложения событий Барком наложила его работа в финансовой и банковской сфере. В его мемуарах он изрядно стенографичен. Придерживается, как уже отмечалось, скорее бюрократического, нежели литературного стиля. В подтверждение тому его собственные слова: «Мое выступление (в Государственной Думе. – А. К.) было совершенно иного характера. Это был сухой доклад бюрократа, к коему Дума относилась враждебно, прерывая его объяснение разными замечаниями. Когда я кончил, только со стороны крайних правых раздалось несколько единичных хлопков» (Барк, 175: 70). Иллюстрацией может также служить следующая цитата, подобная докладной записке, из 10-й главы его воспоминаний: «В 1913 г. 13 % наших обыкновенных доходов получались от налогов. В смете бюджета на 1917 год налоги составляют 52,7 % общего дохода. Доход от прямых налогов увеличен. В 1913 году он составлял 7,9 % общего дохода. Предположено, что он будет составлять 14,2 % в 1917 г...» (Барк, 162: 94). Ничего подобного мы не встретим в воспоминаниях Витте и Коковцова. Однако благодаря такому стилю изложения, на мой взгляд, испытываешь больше доверия к словам мемуариста. Его мемуары воспринимаются как подлинный исторический документ, абсолютно достоверный. Сам он также склонен к взвешенным оценкам, когда пишет: «Самые выдающиеся государственные люди часто поддаются желанию всячески критиковать тех, кто заменил их по должности. Человечно думать, что все сделанное благодаря

вашим способностям и качествам — хорошо, и что те, кто получает от вас хорошо устроенное наследство, способны его испортить» (Барк, 159: 72).

Следует также задуматься над тем, насколько важно то обстоятельство, где именно писались мемуары — в эмиграции или в метрополии? Барк писал их, несомненно, уже за границей. Витте также писал, преимущественно, за границей. Но в отличие от Барка Витте опасался, что рукопись его воспоминаний будет изъята по распоряжению Николая II, несмотря на то, что мемуары его носили сугубо личный, без использования документов, характер, о чем он и сам сообщает. Об их существовании русская печать рассказала вскоре после его кончины, в марте 1915 года. Попытки полиции и русского посольства в Париже найти и изъять мемуары оказались безуспешными (обыски были произведены в его особняке на Каменноостровском проспекте и в его заграничной вилле в Биаррице). Рукопись же мемуаров была помещена женой Витте в один из парижских банков на вымышленное имя. Русский политик В. И. Гурко, отмечая крайний субъективизм и сумбурность текста «Воспоминаний» Витте, писал из эмиграции: «Отличительной особенностью воспоминаний является то самовосхваление, которым они дышат, можно сказать, от первой страницы до последней. В результате получается неизгладимое впечатление, что самая цель составления записок состояла исключительно в возвеличении себя и, увы, в принижении всех прочих современных ему русских государственных деятелей»³⁰². Иная характеристика дана Василевским (Не-Буквой): «Чтобы понять этот роман с приключениями, какой представляют из себя два тома «Воспоминаний» С. Ю. Витте, — надо подойти не столько к тому, что он говорит, сколько к тем местам книги, где он проговаривается. Ничего не стоят сознательные, от разума идущие, нарочно

³⁰² Гурко В. Что есть и чего нет в «Воспоминаниях» графа С.Ю. Витте // Русская Летопись. 1922. Книга вторая. С. 61-62.

сказанные речи, по сравнению с нечаянным, против воли вырвавшимся, словом»³⁰³.

С воспоминаниями Барка было много проще. Хотя и здесь не обошлось без казусов. Скажем, почему Барк написал их первоначально на французском и английском, о чем сообщает в журнале «Возрождение» его душеприказчик, а позднее переводчик и публикатор, Н. Д. Семенов-Тянь-Шанский: «Вторая мировая война помешала изданию его “Воспоминаний”. Они содержат очень интересные, основанные на документах, сведения о России до и во время войны 14-го года и о причинах как отдаленных, так и близких, приведших к падению Великую Империю <...> Они написаны по-французски и по-английски, так как автор не имел времени писать их собственноручно и поэтому ему пришлось их диктовать секретарше. Будучи уверен, что русским людям интересно ознакомиться с этими воспоминаниями, я начал перевод их на русский язык»³⁰⁴. На мой взгляд, прекрасно зная и французский, и английский языки, Барк, таким образом хотел избежать перевода с русского, который, несомненно, мог бы исказить его слог, стиль, остроту высказываний, ясность изложения. Он не хотел издаваться переведенным, переложенным. Он хотел самостоятельно донести до иностранного читателя свои идеи и обоснования. А русский вариант держал в голове, чтобы приступить к нему позже, уже после издания иностранных вариантов. Доказательством этому служит то, что Барк в своих мемуарах цитирует, скажем, воспоминания А. Ф. Керенского, которые также были изданы впервые по-французски³⁰⁵. Почему же тогда мемуары Барка не были изданы если не при жизни, то хотя бы впоследствии? Скорее всего, они не были окончены, хотя по их объему и

³⁰³ Василевский И. (Не-Буква). Граф Витте и его мемуары. Берлин, 1922. С. 4.

³⁰⁴ Барк П. Л. Глава из воспоминаний // Возрождение. 1955. № 43. С. 5.

³⁰⁵ Kerensky A. F. La révolution russe 1917. Paris: Payot, 1928. 399 pp.

последовательности изложения, логическое окончание присутствует. Либо он окончил их непосредственно перед своей смертью. По мнению историка из Риги Б. Равдина, высказанному им в частной беседе, Барк не хотел брать в помощники русского секретаря, т. к. боялся инфильтрации советским агентом. Что ж, есть и такая вполне заслуженная версия.

В завершение анализа хотелось бы несколько слов сказать о дальнейшей судьбе автора после оставления им поста министра финансов. С приходом к власти Временного правительства Барк был арестован. Причем ордер на его арест подписал А. Ф. Керенский, который пояснил свои действия позднее тем, что Комитет общественного спасения счел неудобным идти против волеизъявлений восставшего народа³⁰⁶. Спустя несколько дней, сразу после освобождения, Барк спешно собирается и выезжает вместе с семьей из Петрограда на юг России. До октября 1920 г. живет в Крыму, где использует прежние связи с Европой для организации финансирования Белого движения³⁰⁷. Как вспоминает А. Н. Наумов, бывший министром земледелия в 1915-16 гг., после встречи с Барком в те годы: «...несмотря на все ужасы пережитого, Петр Львович казался по-прежнему ровно-спокойным человеком, не терявшим, видимо, надежды на лучшее будущее и на собственные силы. Меж тем положение его было тогда не из легких. Барк лишился всего и сильно бедствовал...»³⁰⁸

Покинув Крым, Барк переехал в Лондон, где опять же благодаря старым связям быстро восстановил свое финансовое положение и выстроил новую карьеру, дойдя до высокопоставленного служащего Банка Англии³⁰⁹. В то же время он, несомненно, не забывал Россию и Царя, которому был верен все годы,

³⁰⁶ Политические деятели России 1917. Биографический словарь. М.: БСЭ, 1993. С. 28.

³⁰⁷ Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802—1917. Библиографический справочник. СПб., 2001. С. 60-62.

³⁰⁸ Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868-1917. Нью-Йорк: изд. А. К. Наумовой и О. А. Кусевицкой, 1954. Кн. II. С. 367-368.

³⁰⁹ См.: Clarke W. The Lost Fortune of the Tsars. London: St. Martin's Griffin, 1995. 336 pp.

явившись одним из учредителей Союза Ревнителей Памяти Императора Николая II. Как специалист, помогавший в прошлом вести финансы Императорской семьи за рубежом, он продолжил примерным образом проводить финансовые и имущественные дела эмигрировавших членов Российского Императорского Дома, за что в 1929 году был награжден английским орденом (известны тесные родственные связи между императорскими династиями России и Великобритании). А позднее в 1935 г. был возведён в рыцарское достоинство, из-за чего должен был принять британское подданство. В следующем, 1936 году, к несчастью, Барк перенес очень тяжелую операцию и находился на лечении в санатории, когда узнал о гибели своего единственного сына Георгия, скончавшегося от менингита в Берлине³¹⁰. Случилась трагедия, от которой П. Л. Барк уже не смог оправиться. Его кончина наступила на юге Франции, куда он приехал к дочери Нине и где скончался 16 января 1937 года в ее доме в Обани близ Марселя. Похороны состоялись на русском кладбище Кокад (CauCade) в Ницце.

В своем письме А. Н. Яхонтову Барк замечал: «Собрание фактов без объяснения мотивов, без описания различных инцидентов, которые могли бы дать полную картину известного исторического периода, не представляет еще полной правды»³¹¹. Увы эти слова как нельзя лучше применимы к его собственным воспоминаниям. Хотя автор и пытается дать свое объяснение, но обилие фактов и их значительность перевешивают те немногочисленные характеристики, которые Барк выдает, как бы с опаской и с оглядкой.

Подобным же образом можно охарактеризовать и другие эго-документы политических и общественных деятелей, публиковавшиеся в «Возрождении». Так, в первом номере журнала была помещена глава из воспоминаний

³¹⁰ Семенов-Тянь-Шанский Н. Д. Светлой памяти Петра Львовича Барка // Возрождение. 1962. № 124. С. 109.

³¹¹ Ганелин Р. Ш., Флоринский М. Ф. А. Н. Яхонтов и его «Тяжелые дни». История текста и издания // Средневековая и новая Россия. СПб., 1996. С. 670-703.

Ю. Ф. Семенова, одно время редактировавшего газету «Возрождение». Он являлся депутатом первого Закавказского сейма в 1918 г., о заседаниях которого и пишет практически со стенографической точностью³¹². А в номере четвертом публиковались воспоминания дипломата Б. А. Татищева, который рассказывает о чиновничьей «чехарде» в министерстве иностранных дел в 1916-1917 гг. Безусловно, сюда же относятся воспоминания С. П. Мельгунова³¹³, хотя написанные от первого лица, но являющиеся анализом исторических событий весны 1917 года, в которые автор был сам вовлечен по роду своей деятельности во Временном правительстве. Пишет он как историк, однако при этом уточняет, что в его распоряжении «нет почти никаких документальных данных»³¹⁴. Это как раз уже упоминавшийся нами случай свидетельства современника, полностью опирающегося на ненадежную человеческую память. Как он сам отмечает, «остаются воспоминания, т. е. показания современников, которые должны помочь историку в данном случае не только в “оценке подробностей” (Маклаков), но и в установке первооснов»³¹⁵. Вместе с тем автор анализирует и сравнивает имеющиеся у него мемуары на предмет их подлинности и объективности, отдавая как историк предпочтение, разумеется, документальному перед художественным. Его воспоминания дополняет Ф. И. Родичев, который написал «не то исповедь, не то автобиографию»³¹⁶ с последовательным хронотопом событий собственной жизни на фоне происходившего краха страны, умело сочетая образность изложения с историческими выкладками. С ними перекликаются заметки члена Государственной Думы графа Э. Беннигсена, который был «скорее зрителем,

³¹² См.: Семенов Ю. Ф. «Закавказская республика»: Глава из воспоминаний // Возрождение. 1949. № 1. С. 121-139.

³¹³ Мельгунов С. Мартовские дни 17 г. // Возрождение. 1950. № 12. С. 141-158; Мельгунов С. П. Воспоминания о В. Л. Бурцеве // Возрождение. 1952. № 24. С. 155-160.

³¹⁴ Мельгунов С. Мартовские дни 17 г. // Возрождение. 1952. № 12. С. 142.

³¹⁵ Мельгунов С. Мартовские дни 17 г. // Возрождение. 1952. № 12. С. 142.

³¹⁶ Родичев Ф. И. Записки о революции 17 года // Возрождение. 1954. № 31. С. 80.

чем активным деятелем» Думы. Он отмечает, что его воспоминания за революционные месяцы 1917 года «мало что представляют нового, такого, что уже не было бы опубликовано в печати. Однако, я отмечал каждый день, где был и что делал, а летом 1917 г. написал и воспоминания о революционных днях»³¹⁷. Дневниковый нарратив Беннигсена, несомненно, прослеживается в его очерках, которые своим канцелярским языком перекликаются с манерой изложения, уже отмеченной нами в работе Барка. Любопытно, что Беннигсен входил одно время в Совет Волжско-Камского Банка, директором которого являлся в те же годы Барк. Используя художественные обороты в своих воспоминаниях («весьма вероятно», «мне не верится», «было впечатление» и др.), Беннигсен отчетливо снижает их документальность. Хотя при этом манера последовательного изложения событий, в чем он также совпадает с Барком, носит форму отчета. Перечисление знаковых имен (министров, депутатов, государственных деятелей) в контексте происходящего без портретных зарисовок и без глубокого вдумчивого разъяснения их места и роли в событиях, анализа их действий, тяготеют к энциклопедическим статьям или учебникам истории. Парадигма магии цифр охватывает чиновников, вовлеченных в финансовые расходы страны. Так, уже приводились цитаты из Барка, в которых он поясняет формирование бюджета в 1913 г. вследствие имеющейся налоговой политики (Барк, 162: 94). Подобным образом действует Беннигсен, пересказывая доклад военного министра Беляева на одном из заседаний, чему он сам был свидетелем: «...не слаба ли будет наша артиллерия даже после осуществления этой программы, ибо в немецкой 9-батальонной дивизии будет 160 орудий, а в нашей 16-батальонной только 108, то Беляев ответил, что нет, ибо все знатоки считают, что на дивизионном участке (он тогда определялся в 6

³¹⁷ Беннигсен Э. Первые дни революции 1917 года // Возрождение. 1954. № 33. С. 115.

верст) использовать 160 орудий невозможно!»³¹⁸ Наиболее ярким примером отмеченного дневникового нарратива у Беннигсена может служить такая фраза: «Утром 1-го пошел в Думу. <...> После 12-ти я пошел домой завтракать <...> Днем 1-го я был в Гл. Упр. Кр. Креста...»³¹⁹ Сравните у Барка: «В пятницу 17 февраля я был у Государя с обычным докладом <...> В понедельник 20 февраля я получил записку от Его Величества <...> На другой день после отъезда Государя, в четверг 23 февраля...» (Барк, 182: 94-95).

При сравнении очерка известного революционера А. Байкалова³²⁰ о его встречах в сибирской ссылке с И. В. Джугашвили (Сталиным) с указанными чиновничьими мемуарами очевидно их различие в создании литературного портрета³²¹. Прежде всего, приятельское отношение Байкалова к описываемой им личности (Осип), а также броские запоминающиеся детали внешности (угрюмые глаза, густые брови, низкий лоб, несколько деформированное туловище) и особые привычки («закуривал, наполняя комнату едким дымом»³²²). Тот факт, что Байкалов много писал и был известен в эмиграции как публицист, несомненно, нашло отражение в его записках, хотя впрочем, судить о его литературном мастерстве на основании этого скромного четырехстраничного очерка, разумеется, довольно сложно. Подобным образом вырисованы портреты Б. В. Савинкова и В. И. Ульянова (Ленина) в воспоминаниях людей, знавших их близко по революционной работе в России³²³. Портрет Савинкова тенденциозен вследствие определенных симпатий автора, известного философа Ф. Степуна, который полагает, что тот

³¹⁸ Беннигсен Э. Первые дни революции 1917 года // Возрождение. 1954. № 33. С. 117.

³¹⁹ Там же. С. 123-125.

³²⁰ Байкалов, Анатолий Васильевич (1882-1964) — революционер, меньшевик. Из казаков. С 1905 г. в РСДРП. Неоднократно арестовывался. После Октября 1917 в эмиграции. Принимал участие в Трудовой Крестьянской партии. Много публиковался.

³²¹ Байкалов А. Мои встречи с Осипом Джугашвили // Возрождение. 1950. № 8. С. 116-119.

³²² Байкалов А. Мои встречи с Осипом Джугашвили // Возрождение. 1950. № 8. С. 118.

³²³ Степун Ф. Б. В. Савинков: Отрывок из воспоминаний // Возрождение. 1950. № 9. С. 95-101; Струве П. Мои встречи и столкновения с Лениным // Возрождение. 1950. № 9. С. 113-121 и № 10. С. 109-127.

был одним «из самых загадочных людей» среди всех тех, с кем ему «пришлось встретиться на своем жизненном пути»³²⁴. И все же очерк отличается глубиной анализа психологии и внутреннего мира героя. Воспоминания о Ленине по своему характеру вполне укладываются в рамки автобиографического повествования. Известный еще до Октября 1917 г. мыслитель и революционер П. Б. Струве рассказывает о формировании своих взглядов, сложившихся, в том числе, под влиянием сначала критики со стороны Ленина, а позднее и личных встреч с ним. Ведь, как он сам сообщает, «в лице Ульянова-Ленина и моем столкнулись две непримиримые концепции...»³²⁵. Среди разъяснений философско-марксистского характера в воспоминаниях Струве можно выделить лишь несколько предложений, напрямую относящихся к эго-документалистике. В целом же его воспоминания скорее любопытны историкам революционного движения в России на заре XX века. Парадигма же чиновничьего стиля при описании других людей состоит, главным образом, в беглом ускользающем взгляде на них, в бесцветных, неприметных деталях, общих фразах, устоявшихся лексемах — «порядочный и хороший человек» (кн. Голицын), «порядочный человек» (военный министр Беляев), «человек фразы» (министр внутренних дел Протопопов), «мягкий и во всех отношениях порядочный человек» (гр. Менгден)³²⁶.

³²⁴ Степун Ф. Указ. соч. С.98.

³²⁵ Струве П. Мои встречи и столкновения с Лениным // Возрождение. 1950. № 10. С. 109.

³²⁶ Беннигсен Э. Первые дни революции 1917 года // Возрождение. 1954. № 33. С. 115-131.

**2.3. Мифологическое в мемуаристике:
идеализация посредством мифологизации
(династия Романовых как образ ушедшей России)**

Степень субъективности любого рода мемуаристики является именно тем свойством жанра, который придает ему особую ценность. Через субъективность открывается авторское отношение к эпохе, воссоздается дух времени, а изложенные на страницах воспоминаний факты уникальны тем, что их зачастую невозможно сопоставить с достоверными источниками. Степень правдоподобия является в этом случае единственным критерием истинности, и тогда на историческое событие нужно смотреть «глазами документа» и «глазами мемуариста».

Что же касается публичных личностей, то, казалось бы, факты их жизни легко проверяемы по тем или иным документальным источникам. В первую очередь, это справедливо по отношению к ключевым фигурам эпохи, таким как государь император Николай II и его семья.

Как уже упоминалось, многие созданные русскими эмигрантами первой волны художественные тексты так или иначе несли в себе образ утраченной России с признаками меланхолии от потери любимого объекта. Оттого мемуары как один из самых эмоциональных жанров уже к середине 1920-х годов наполняются ощущением безвозвратности: той России, которую знали авторы, больше нет. Текст перерастает их собственные воспоминания, перестает быть только личным прошлым.

Подавляющее большинство лиц из окружения царя и двора оказалось после октября 1917 года в эмиграции. Их публикации в зарубежной печати зачастую касались Императора и династии Романовых в целом. Без прикосновения к этой теме было бы очень сложно, а подчас и невозможно показать эпоху, исторический фон, на котором происходили события,

приведшие страну к катастрофе. К тому же только в эмиграции могли увидеть свет воспоминания тех, кто близко знал русского царя и его семью. Только в эмиграции выходили исторические труды, где правда не затмевалась ложью. Трагическая страница русской истории — убийство семьи Николая II — с 1918 года и на протяжении многих последующих лет остается едва ли не основной темой публикаций в отношении династии Романовых.

Разумеется, эта тема была табуирована в советской России. Однако и в целом о правящей последние 300 лет династии советская историография многозначительно умалчивала. Лишь редкие публикации «проверенных» историков — Михаила Покровского, Мориса Палеолога — и многотомный сборник «Падение царского режима» касались данной темы. Редкие мемуары, как, скажем, воспоминания графини Марии Клейнмихель, выходили в сильно сокращенном виде, так что из 300 страниц эмигрантского текста оставалось лишь 87³²⁷.

Зато в эмиграции ежедневные газеты «Возрождение» и «Последние новости» печатали воспоминания о недавнем прошлом едва ли не в каждом выпуске. И конечно немалая их часть в той или иной степени касалась Романовых. Из-за большой востребованности в 1920 — 1930-е гг. поток таких эго-документов к началу 1950-х годов должен был уже изрядно иссякнуть. Все, что хотели вспомнить, вспомнили. О чем не хотели рассказывать, забыли. Между тем возобновившееся в 1949 году периодическое издание «Возрождение» вновь обратилось к мемуарам и к монархической теме³²⁸. Практически ежегодно к дате трагической гибели семьи Николая II журнал

³²⁷ Клейнмихель М. Из потонувшего мира: Мемуары. Берлин: Глагол, 1920. 306 с. Ср.: Клейнмихель М. Из потонувшего мира: Мемуары. Пг.-М.: Петроград, 1923. 87 с.

³²⁸ Бирхлер Н. Ibid. S. 13.

публиковал различные материалы, как литературные так и фотографические³²⁹. Также довольно часто вспоминали празднование 300-летия дома Романовых в том или ином контексте³³⁰.

Помимо публицистических, исторических и поэтизированных сочинений стали появляться документальные материалы, из которых обращают на себя особое внимание следующие три: «Воспоминания фрейлины Императрицы» баронессы С. Буксгевден³³¹, заметки И. В. Степанова «Милосердия двери»³³² и очерк Нео-Сильвестра (Г. Гроссена) «Царь и художники»³³³. Указанные эго-документы открывают для читателя простые житейские моменты из быта царской семьи, их обыденные радости и огорчения, их естественные эмоции и ожившие спустя десятилетия образы наряду с их непростыми канонизированными судьбами. Антропологический подход в данном случае довлеет над текстуальным: царь и его семья отражаются прежде всего как живые люди с их общечеловеческими заботами, нежели как миф, создаваемый в виде текста, сказочный, далекий от реальности, что присутствовало ранее.

Остальные публиковавшиеся в послевоенном «Возрождении» материалы рассказывают прежде всего о трагическом убиении императора и его семьи. Характерны в этом отношении статья Т. Алексинской об однозначной реакции эмигрантской и иностранной прессы на убийство царской семьи как на

³²⁹ См.: Старк М. Ф. Вечная память // Возрождение. 1957. № 67; Семенов-Тянь-Шанский Н. Д. Светлой памяти Е. И. В. Великой Княгини Ольги Александровны // Возрождение. 1961. № 109; Рассветный. Памяти Императрицы Александры Феодоровны // Возрождение. 1962. № 127; Балуева-Арсеньева Н. Великая княгиня Елизавета Феодоровна: Из личных воспоминаний // Возрождение. 1962. № 127; Старк М. Ф. Черная сенсация // Возрождение. 1964. № 156; Рассветный. Светлой памяти Государя Императора Николая Второго // Возрождение. 1968. №№ 197-200; Рассветный. Императрица Мария Феодоровна: К 40-летию кончины // Возрождение. 1968. № 205.

³³⁰ См.: Семенов-Тянь-Шанский В. П. Воспоминания о государе-человеке // Возрождение. 1960. № 103; Рабенок Л. Л. Москва и ее «хозяева» (времени до первой мировой войны 1914 г.) // Возрождение. 1960. № 105; Н. С.-Т.-Ш.К 50-летию празднования трехсотлетия Царствования Дома Романовых // Возрождение. 1963. № 141.

³³¹ Буксгевден С. [Воспоминания] // Возрождение. 1961. № 115. С. 57-66. В публ.: Семенов-Тянь-Шанский Н. Д. Царственные дети.

³³² Степанов И. В. Милосердия двери: Лазарет Ее Величества // Возрождение. 1957. № 67. С. 46-64.

³³³ Нео-Сильвестр Г. Царь и художники: Как художник Н. П. Богданов-Бельский писал портрет Императора Николая Второго // Возрождение. 1957. № 67. С. 76-81.

уголовное преступление³³⁴ и отрывки из книги С. Мельгунова «Революция и царь»³³⁵.

И все же касаясь жизни Николая II и его семьи, публикации, как правило, вводят читателя в мир устоявшихся мифологем, нарочитой мистики, красочных лубочных зарисовок, надуманных моделей поведения (Ср. у Барка, 178, 95-108). Налицо сопряжение образа трагически погибших Императора и Его семьи со священным жертвенным закланием. Оттого мифологемы ритуальной смерти в сочетании с мифологемой “воскрешения” выступают своеобразной нарративной матрицей не только большинства эмигрантских автобиографий, но и составляют как бы ядро их коллективного самосознания³³⁶. Отсюда продолжение мистико-религиозных концептов, положенных в основу всех воспоминаний, касающихся последних представителей правящей династии Романовых. Как полагает Е.В. Никольский, «сверхсакральное отношение к царю (когда тот из человека “превращается” в супермена) является пережитком язычества»³³⁷. По его мнению, еще в XVIII веке «в стремлении ублажить монарха некоторые церковные служители того времени даже впадали в своеобразное культурное неоязычество»³³⁸.

Так, подобным мистически-религиозным характером объясняется происшествие, случившееся во время посещения Николаем II монастыря во время его поездки в Ставку: «Когда кончился молебен, Государь и Императрица приложились ко кресту, потом побеседовали некоторое время с игуменом и затем вышли из храма <...> Там, где кончалась деревянная лестница, стояли два древних старца <...> Когда Государь поравнялся с ними, они оба

³³⁴ Алексинская Т. И. Эмигрантская пресса 1920-39 гг. об убийстве Царской Семьи // Возрождение. 1963. № 139. С. 21-38.

³³⁵ Мельгунов С. Екатеринбургская драма // Возрождение. 1949. №№ 4, 5, 6.

³³⁶ Соливетти К., Паолини М. Парадигмы “изгнания” и “посланничества”: европейский опыт русской эмиграции в 20-е годы // *Europa Orientalis: Studi e ricerche sui paesi e le culture dell'est Europeo*. Салерно, 2003. № 2. С. 164.

³³⁷ Никольский Е.В. Царский путь и святость: Культ правителя в истории. М.: Ленанд, 2016. С. 102.

³³⁸ Там же. С. 103.

молча поклонились Ему в землю. Государь видимо смутился, но ничего не сказал и, медленно склонив голову, им поклонился <...> Меня, как и всегда, поразило Его поистине изумительное спокойствие, и как-то невольно кольнула мысль, что означает этот странный молчаливый поклон в ноги»³³⁹.

Таковы же и дневниковые записи морского офицера В. Молоховеца, когда тот сообщает: «Я смотрел на стены зала и думал, — когда я их увижу в следующий раз, — случилось, что никогда»³⁴⁰. Он же в другом месте: «Царская семья съехала с яхты, как думали — на несколько дней, а в действительности — навсегда»³⁴¹.

Автор одной из публикаций в «Возрождении» цитирует достаточно известные мемуары преподавателя цесаревича П. Жильяра: «Государь и Государыня верили, что умирают мучениками за человечество <...> Они сделались идеальной силой. И в самом своем уничтожении они были поразительным проявлением той удивительной ясности души, против которой бессильны всякое насилие и всякая ярость и которая торжествует в самой смерти»³⁴².

И хотя вместе с тем публикуются обоснованные рассуждения³⁴³ о причинах Октября вслед за Февралем 1917 года, когда отречение императора, являвшегося своего рода стержнем, позвоночником всей системы, вызвало распад всей структуры, но все-таки в целом император остается фигурой умолчания, недостижимым и потому непознанным: «Взоры толпы были обращены вдаль <...> на большой гнедой лошади ехал медленно всадник. Из-за расстояния лица Его никто не мог различить, но все поняли, что это мог быть только Он. Волна непрерывного ура шла перед Ним, окружала Его. Что-то

³³⁹ Шереметев Д. С. Государь на фронте // Возрождение. 1957. № 67. С. 37-42.

³⁴⁰ Молоховец В. К. На яхте «Штандарт» // Возрождение. 1964. № 151. С. 11.

³⁴¹ Там же. С. 12.

³⁴² См.: Рассветный. Светлой памяти Государя Императора Николая Второго // Возрождение. 1968. № 200. С. 65.

³⁴³ Дистерло Ю. Р. Царский смотр: Мысли и воспоминания // Возрождение. 1965. № 163. С. 7-9.

величественное и за душу берущее звучало в этом могучем гуле. Еще несколько мгновений, и всадник промелькнул перед всеми, пронесясь галопом вдоль строя в сопровождении нескольких других всадников <...> Многие оборачивались и смотрели туда, где был Он, непонятный и великий, повелитель сотен тысяч войск. Кто в этот момент мог бы усомниться в Нем? Никто не мог себе тогда представить конец этого величия и распыление этих, так крепко спаянных человеческих масс, называвшихся Российской Императорской Армией»³⁴⁴.

В то же время некоторые осмеливались обвинить императора в действиях, которые привели в итоге его семью и его страну к гибели: «Император Николай II — одна из наиболее злосчастных фигур в истории. Он любил свою родину. Он желал ей величия и процветания. И все же именно он навлек на нее несчастья, доведшие ее до полного краха и гибели»³⁴⁵. Но обвинения эти часто были уклончивы, завуалированы. Подобный анализ развития событий предлагали и другие авторы, принадлежащие к различным политическим движениям, вместе с большевиками участвовавшие в расшатывании политического порядка страны³⁴⁶. Нелестные характеристики можно прочесть и в уже упоминавшихся воспоминаниях графа Витте. Написанные задолго до Октября 1917 года, они впервые были опубликованы именно в эмиграции сразу после Гражданской войны (Берлин, 1922-23). Примечательны и слова Гиппиус, писавшей в пятой главе «Маленького Аниного домика»: «Пора сказать о нем, хотя это очень трудно. Потому трудно, что царя — не было. Отсутствие царя при его как бы существовании — тоже

³⁴⁴ Бабаевский А. Государь // Возрождение. 1963. № 139. С. 39.

³⁴⁵ Бьюкенен Дж. Моя миссия в России: воспоминания английского дипломата, 1910-1918. М.: Центрполиграф, 2006. С. 225.

³⁴⁶ См.: Милуков П. Я. Воспоминания (1859-1917). В 2 тт. Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1955; Родичев Ф. Я. Записки о революции 17-го года // Возрождение. 1954. № 31; Струве П. Б. Родичев и мои встречи с ним // Возрождение. 1949. № 1.

вещь сама по себе очень страшная»³⁴⁷. Но все это — более-менее реалистический взгляд на правление последнего русского государя.

Однако успехом пользовалась именно мифологизаторская точка зрения: Николай II как поруганная святыня, как идеальный правитель, как человекобожество, как символ утраченного.

В чем была причина такой мифологизации? Являлось ли это попыткой прикрыться именем «доброго царя», санкционировать то, чему сами же разрешили свершиться? Попытками самоуспокоения или самооправдания? Последней исповедью перед прошлым? Характерным механизмом памяти, защищающим от произошедших трагедийных неприятностей? Строго говоря, это не было «социальным заказом». Просто умело использованные личные переживания авторы желали передать русскому читателю в надежде на его восприимчивость и нетерпимость к несправедливости. Подобно Георгию Иванову в его «Петербургских зимах», авторы тем самым манифестировали свою причастность к «великим теням» недавнего прошлого, овеванного ностальгическим туманом и на их глазах превращающегося в миф³⁴⁸. К тому же они помещали биографию царской семьи внутрь своей автобиографии — судьба автора, таким образом, напрямую связывалась с судьбой правящей династии. В качестве объекта воспоминаний подчас заявлялась царская семья, а субъектом выступал сам рассказчик. В связи с этим имеет смысл напомнить, что «биография вообще — только внешнее выражение внутреннего»³⁴⁹. Опосредованная и завуалированная форма саморефлексии позволяла в данном случае достичь очень высокой степени откровенности. Такой формой, как правило, выступает нарративная маска и иные подобные ей защитные

³⁴⁷ Гиппиус З. Н. Маленький Анин домик: Распутин и Вырубова // Современные записки. 1923. № 17. С. 206-248.

³⁴⁸ См.: Грякалова Н. Фикциональное поле мемуарных очерков Георгия Иванова (случай А. Блока) // Георгий Владимирович Иванов: Материалы и исследования: 1894—1958 / Сост. и отв. ред. С. Р. Федякин. М.: Литературный институт им. А. М. Горького, 2011. С. 77.

³⁴⁹ Винокур Г. О. Указ. соч. С. 26.

механизмы. Цитируя М. Цветаеву, Гуль пишет: «Мифотворчество: то, что быть могло и быть должно, обратно чеховщине: тому, что есть, а чего, по мне, вовсе и нет. Усиление основных черт в человеке вплоть до видения... В каждом из нас живет мерило правды, только перед коей прегрешив, человек является лжецом. Мистификаторство в иных устах уже начало правды, когда же оно дорастает до мифотворчества, оно — вся правда»³⁵⁰.

Общественно-исторический миф всегда непосредственно ориентирован на коллективную и одновременно индивидуальную историческую память и представляет собой сильнейший регулятор общественного поведения при поисках ориентира для идентификации. Так, Шкаренков отмечает, что «мифы возникают вследствие того, что никакое общество не может существовать, если основная масса его граждан не готова подчиняться его законам, следовать его нормам, традициям и обычаям, если не испытывает удовлетворения от принадлежности к нему, как к своему миру. Эта готовность имеет своим основанием еще более глубокую интенцию — потребность в солидарности общественного коллектива»³⁵¹. Это мы и наблюдаем в неоднородном эмигрантском сообществе, стремящемся к единению через прошлое.

О том же пишет П. Глушаков, полагая, что в литературе русского зарубежья наблюдался весьма живой и пристальный интерес к мифостроению, который в силу идеологических причин совершенно на иной основе был проявлен в литературе советской. Обращение к персонажам «темных страниц» русской истории привело к построению их биографий согласно житийным канонам, библейской и древней мифической литературы. Все это говорило о поиске синтеза в вопросе соотношения «реального» и «беллетристического», «классического» и «неклассического»: «Биографизм стал пониматься как

³⁵⁰ Гуль Р. Одвуконь: Советская и эмигрантская литература. Нью-Йорк: Мост, 1973. С. 39.

³⁵¹ Цит. по: Могильницкий Б. Г., Николаева И.Ю. История, память, мифы // Новая и новейшая история. 2007. № 2. С. 124.

сюжет жизни персонажа вне прямой соотнесенности со “значимостью” этого лица, но с опорой на узнаваемость его имени. То есть биографическая проза русского зарубежья, собственно, и была наиболее близка к сущностным чертам этого жанра, тогда как советская, например, историческая литература тех лет ставила во главу угла роль личности в истории, степень влияния на социальные процессы, “позитивность” личности для современной конъюнктуры»³⁵². Но не забудем указать, что советская личность в свою очередь соотносилась с Адамом, Прометеем, Гераклом – теми мифическими персонажами, которые «перестраивали» историю на свой лад.

Некоторые современные исследователи все же полагают, что и в эмиграции воспоминания о Романовых носили подчас заказной характер. В связи с этим обращается внимание на то, что Цветаевой негде было опубликовать «Поэму о Царской Семье» — вещь, задуманную по вдохновению, никем не заказанную и не оплачиваемую. Вся дальнейшая судьба поэмы (незавершенность текста, утрата рукописи) во многом обусловлена этим заведомым отторжением эмигрантской печати. Кроме того, редакции «консервативных» эмигрантских газет требовали вырезать эпизоды, посвященные Государю в воспоминаниях Марины Цветаевой. Равным образом, в эмиграции оставались неизданными ценные мемуары людей, верных Царской Семье, — например, замечательная рукопись И. Степанова «Лазарет Ее Величества», в то время как Керенский давал вечера воспоминаний и цинично болтал о Государе³⁵³.

Однако принципы, диктующие социальный заказ в советской России, по сути, в данном случае неприменимы. Говоря о том времени, необходимо учитывать, что о социальном заказе в прямом смысле слова речи идти не могло,

³⁵² Глушаков П. С. Проблемы типологии и функционирования историко-библиографического жанра в литературе русского зарубежья // Филология и человек. 2006. № 1. С. 61-75.

³⁵³ Гагина Н. Парижские тайны и русская явь. О книге С.С. Ольденбурга «Царствование Императора Николая II» // URL: <http://www.nashaepoha.ru/?page=obj55917&lang=1&id=2248> (Дата обращения: 12.10.2014)

тем более если мы говорим о подлинных художниках слова. Разумеется, в журналистской среде можно было при желании отыскать «бойкое перо» и заказать ему любую статью, но «купить» Бунина или Цветаеву, подсказав им написать что-то *pro* или *contra*, — дело совершенно немыслимое.

Лишь в последние годы исследователи стали отмечать, что сами личности «обреченных» на царствование представителей династии Романовых — особенности их психологии, образования, воспитания, их ориентация в сложной системе принятия решений, влияние окружения, быт и нравы придворной среды, менталитет общества — остаются менее всего изученными³⁵⁴. Между тем «видеть в царской судьбе — человеческую, а в царе — личность необходимо, иначе многого не понять»³⁵⁵. В итоге перед наукой стоит задача воссоздать облик последнего русского царя так, чтобы в нем смогли увидеть живого человека и реального политика в конкретных обстоятельствах времени и места.

Как уже отмечалось, среди публикаций в «Возрождении» наиболее реалистично семья императора Николая II показана в сочинении баронессы Софьи Буксгевден³⁵⁶. Она была фрейлиной последней русской императрицы Александры Федоровны и потому находилась чуть ли не в ежедневном контакте с царской семьей. Фрейлины составляли свиту Императрицы, посменно дежурили при ней, исполняя те или иные высочайшие поручения и днем и ночью. Буксгевден — одна из немногих преданных царской семье настолько, что последовала за ними в Тобольск после их ареста. Но незадолго до казни она была отделена от семьи императора и впоследствии выехала через Дальний Восток за границу. Указанная публикация была переведена для

³⁵⁴ См.: Карелин А. П. Введение // Российские самодержцы. 1801—1917. М.: Международные отношения, 2004. С. 6-7.

³⁵⁵ Кряжев Ю. Н. Николай II как военно-политический деятель России. Курган-Шадринск: Исеть, 1997. С. 194.

³⁵⁶ Буксгевден С. Император Николай II, каким я его знала. Отрывки воспоминаний // Возрождение. 1957. № 67. С. 28-36; Буксгевден С. [Воспоминания] // Возрождение. 1961. № 115. С. 57-66. В публ.: Семенов-Тянь-Шанский Н.Д. Царственные дети.

«Возрождения» с английского оригинала книги³⁵⁷. Внутри отрывка Буксгевден помещен очерк Н. Семенова-Тян-Шанского «Царственные дети». Зарисовки детей Императора, сделанные как Буксгевден, так и Семеновым-Тян-Шанским, стремятся передать их характер. Царская семья показана обыкновенной русской семьей в обыденной жизни, из-за чего еще сильнее чувствуется ее трагедия. Публикатор замечает, что работы Буксгевден «несомненно заинтересуют русских читателей, поэтому надо надеяться, что они найдут и переводчика, и издателя»³⁵⁸. К сожалению, прошло немало времени, прежде чем осуществилось полное русское издание ее воспоминаний³⁵⁹. Неизданным пока остался ее дневник из 500 листов, находящийся в Канаде в частных руках.

Личность самого Николая II показана в выдержках все из тех же мемуаров четырьмя годами ранее³⁶⁰. Данная публикация рассказывает о распорядке дня и правилах жизни царской семьи. Описываются частные случаи, несомненно иллюстрирующие общее в характере государя и его близких. Здесь же приводится рассказ Барка об одной из его встреч с Государем. Это включение, по всей видимости, было сделано переводчиком, который готовил публикацию к изданию в журнале. И, по-видимому, им явился не кто иной, как Н. Д. Семенов-Тян-Шанский. Ведь именно он в те же годы готовил к публикации в «Возрождении» перевод мемуаров Барка. Сверившись с оригиналом книги Буксгевден³⁶¹, легко обнаружить, что автор в свои мемуары не включала воспоминаний Барка. Это естественно, ведь они впервые были опубликованы лишь в 1955 году. Стало быть, их «добавил» переводчик — Семенов-Тян-Шанский. К тому же его перевод несколько отличается от

³⁵⁷ Buxhoeveden S. Life and Tragedy of Alexandra Feodorovna. London: Longmans, Green & Co., 1928. 360 pp.

³⁵⁸ Буксгевден С. [Воспоминания] // Возрождение. 1961. № 115. С. 57-66. В публ.: Семенов-Тян-Шанский Н. Д. Царственные дети.

³⁵⁹ См.: Буксгевден С. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России. Воспоминания фрейлины в трех книгах. М.: Лепта Книга, Вече, Гриф, 2012. 800 с.

³⁶⁰ Буксгевден С. Император Николай II, каким я его знала. Отрывки воспоминаний // Возрождение. 1957. № 67. С. 28-36.

³⁶¹ Buxhoeveden S. Before the Storm. London: Macmillan & Company, 1938. 331 pp.

современного издания. Сравним текст 1957 года: «Несчастьем Николая II было то, что Его Царствование следовало после периода репрессий Императора Александра III. Зажатое недовольство, сдерживаемое железной рукой Александра III, постепенно увеличивалось, и Николаю II пришлось все это распутывать»³⁶² — и тот же текст 2013 года: «Несчастьем Николая II было то, что его правление следовало за периодом репрессий Императора Александра III. Затаенная ненависть, сдерживаемая железной рукой Александра III, постепенно росла, и Николаю II приходилось с этим справляться»³⁶³. Новый перевод сделан на качественно ином профессиональном уровне. Сказывается работа не одного лишь переводчика, но и редактора, а возможно, что и группы переводчиков и редакторов. На то, что тексты разных лет различались, указывается в комментариях к современному изданию, где читателю предлагается самому сравнить оригинальный текст с последующей «редакционной обработкой», сделанной уже после смерти автора³⁶⁴. Оригинальный английский текст в книге, увы, не приводится, а разыскать его самостоятельно не просто — книга Буксгевден давно стала библиографической редкостью. Это еще одна причина того, почему перевод и издание по-русски не были выполнены ранее. А ведь книга прекрасным образом «разрушает» мифологему эмигрантских публикаций, приближая нас к обыденности, царившей в кругу общения членов императорской фамилии.

Одно из наиболее прямодушных, простоватых и в своей простоте доходчивых воспоминаний о царской семье — «Милосердия двери: Лазарет Ее Величества» И. Степанова. Император здесь упомянут лишь вскользь, зато дано точное и полное описание характеров, поведения, внешности императрицы,

³⁶² Буксгевден С. Император Николай II, каким я его знала. Отрывки воспоминаний// Возрождение. 1957. № 67. С. 34.

³⁶³ Буксгевден С. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России. Воспоминания фрейлины в трех книгах. Кн. 3: Перед бурей. С. 724.

³⁶⁴ Там же. С. 714.

дочерей и наследника. Иван Владимирович Степанов — обычный русский солдат, находившийся после ранения на излечении в Царскосельском госпитале. Именно там несли свою «службу» царственные особы, добровольно помогавшие в качестве сестер милосердия. Ежедневное общение с ними явилось поводом к написанию его воспоминаний, которые после публикации в «Возрождении» были дважды переизданы — в книге «Царственные Мученики в воспоминаниях верноподданных» (М.: Сретенский монастырь; Новая книга; Ковчег, 1999) и в сборнике «Августейшие сестры милосердия» (М.: Вече, 2006).

И, наконец, яркое представление о личности Николая II можно получить при чтении очерка Нео-Сильвестра (Г. Гроссена) «Царь и художники: Как художник Н. П. Богданов-Бельский писал портрет Императора Николая Второго». Рассказана жизненная история о написании портрета государя, о препонах министерства двора, об этюдах и прочих художественных деталях «до-цифровой» эпохи создания визуальных образов. После эмиграции Богданов-Бельский жил в Риге, где сдружился с Генрихом Нео-Сильвестром (Гроссеном) и где были подготовлены указанные воспоминания. Позднее более полная версия также появлялась в других публикациях Гроссена — в «Возрождении»³⁶⁵ и «Новом журнале»³⁶⁶. Автор указывает, что это отрывок из готовящейся к печати книги «Жизнь для искусства». Однако такая книга никогда не была издана. Более того, в архиве Гроссена, в настоящее время хранящемся в Исследовательском Центре Восточной Европы в Бремене (ФРГ), рукопись подобной книги также не обнаружена. Да и историки, занимавшиеся биографией прославленного рижанина — Л. Флейшман, Ю. Абызов и Б. Равдин³⁶⁷, — о такой книге и рукописи не упоминают. По мнению историка

³⁶⁵ Нео-Сильвестр Г. И. В мире русской души // Возрождение. 1964. № 155. С. 92-94.

³⁶⁶ Гроссен Г. Н. П. Богданов-Бельский // Новый журнал. 1974. № 114. С. 142-163.

³⁶⁷ Абызов Ю. О Генрихе Гроссене и его «Записках» // Даугава. 1994. № 1. С. 154-155; Флейшман Л., Абызов Ю., Равдин Б. Русская печать в Риге: из истории газеты Сегодня 1930-х годов: В 5 тт. Т. 5. Stanford, 1997. С. 60-85.

литературы И. Толстого, высказанному в частной беседе, в данном случае это мог быть лишь замысел Гроссена, так, к сожалению, никогда и не осуществившийся.

Мировоззренческие позиции авторов мемуаров, их понимание монархической идеи, отношение к государю как к Удерживающему — и самому феномену Удерживающего в русской истории — сыграли значительную роль в изложении событий. Ведь зачастую образ героя создается по образу и подобию биографа независимо от того, где воспоминания написаны — в эмиграции или метрополии.

Изучение последнего российского царствования, увы, сохраняет свой политизированный характер, ибо государственная деятельность императора Николая II продолжает интересовать исследователей, и прежде всего историков, лишь постольку, поскольку в их глазах она содействовала или препятствовала трагическим событиям исторического процесса в России. При этом демонстрируется совершенно разное понимание направления и сути российского общественного прогресса, но привычка изучать и оценивать деятельность последнего самодержца с точки зрения того, что он сделал и чего не сделал для реализации «предпочтительной» альтернативы развития страны, одна и та же³⁶⁸. Мы же подошли к данному исследованию со стороны литературоведения, со стороны эго-документалистики. И в таком случае учитывается противоречивость свидетельств. На это же указывает протоиерей А. Шаргунов в предисловии к сборнику «Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных»: «Здесь много свидетельств, и они совпадают. И это очень важно, потому что много клевет было на Царя <...> Эта книга как пощёчина клеветникам, потому что такой книги ещё не выходило.

³⁶⁸ См.: Горбунова Ю. Ф. Изучение личности и государственной деятельности Императора Николая II в современной отечественной историографии: реальность и перспективы // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 289. С. 28.

Клеветники должны замолкнуть раз и навсегда. Правда торжествует»³⁶⁹. Как видим, обычная разноречивость человеческих свидетельств им признаётся, но одни из них получают при этом постыдное наименование «клевет», а другие называются «правдой». Почему так происходит? Потому, что во всех этих «голых фактах» объективная информация о реальных действиях Императора невольно совмещена с авторскими представлениями о наиболее выгодных перспективах и возможностях развития страны в годы последнего царствования, о приемлемости последующего этапа её истории и подобных вещах, подверженных периодическим изменениям и пересмотрам³⁷⁰. Для нас же было важно отделить монархическую патетику и попытаться разглядеть сугубо личные антропологические свидетельства среди шаблонных заметок, навеянных общей мифологемой эмигрантского сотворчества.

³⁶⁹ Шаргунов А. Предисловие // Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М.: Сретенский монастырь; Новая книга; Ковчег, 1999. С. 5.

³⁷⁰ См.: Горбунова Ю. Ф. Указ. соч. С. 29.

2.4. Документальное и художественное на страницах журнала:

грань между вымыслом и фактом

в очерке М. Боброва «По долинам и по взгорьям»

В статье «Конец романа» О. Э. Мандельштам полагал, что человеческая биография – это композиционная мера всякого романа. Он писал: «Человеческая жизнь еще не есть биография и не дает позвоночника роману. Человек, действующий во времени старого европейского романа, является как бы стержнем целой системы явлений, группирующихся вокруг него»³⁷¹. Аналогично можно утверждать, что автобиография, являясь, по сути, романом о себе, об авторе, авто-романом, также группирует вокруг себя множество явлений действительности. Таким образом, возникает пограничное состояние, при котором жанровое своеобразие романа, предполагающего определенную дозу вымысла, соединяется в автобиографии с документальной основой, опирающейся на пережитую реальность. Возможно ли в этом случае уловить грань между ними, между романом-человеческой биографией и автобиографией-романом о себе? «Литературная энциклопедия» отличает документальную литературу от художественной в ее стремлении к точному воспроизведению определенного участка действительности, переносе преимущественно познавательной функции без каких-либо специальных художественных установок. При этом все же четкую грань между документальным и художественным текстом иногда провести крайне трудно. Разнообразные и многообразные жанры мемуарной литературы часто, как уже указывалось, переплетаются между собой³⁷², и романский и мемуарный тексты, по словам Л. Гинзбург, «встречаются», т. е. смысл привносится романом, а

³⁷¹ Мандельштам О. Э. Собрание сочинений: В 4 тт. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. Том 2. С. 273–275.

³⁷² См.: Бельчиков Н. Ф., Дынник В. Мемуарная литература // Литературная энциклопедия. Том 7. М.: Советская энциклопедия, 1934. С. 131–149.

события извлекаются из фактов. Но в итоге рождается все-таки «осмысленная событийность».

Именно такая встреча наблюдается в очерке М. Боброва «По долинам и по взгорьям. Отрывок из книги "Марк Суров"», напечатанном в «Возрождении» (№№ 13 и 14 за 1951 г.). Как указано в редакционной сноске к данной публикации, – «предлагаемый читателю очерк автобиографического характера имеет особый интерес: здесь занавесь, отделяющая нас от событий гражданской войны начального периода советской власти, приоткрывается как бы с другого конца. Эмигрантская литература, естественно, почти не касалась психологии тех, кто был в «красном» стане в 20-х годах»³⁷³. И действительно, то, что очерк М. Боброва был напечатан в эмигрантском журнале, не склонном к сантиментам с Советской Россией, говорит об умеренной позиции редакции, возглавлявшейся в то время С. П. Мельгуновым.

В очерке М. Боброва рассказывается о противостоянии между Красной армией и партизанами, называемыми автором «зелеными». События разворачиваются в Даурии сразу после отмены продразверстки 1920-х гг. и замены ее на продналог. В связи с этим обстоятельством Лениным была объявлена амнистия противникам большевиков, что смутило и обрадовало многих «зеленых»: «Вот теперь вроде начинает советская власть на правильную дорогу выходить. Разверстку отменила, амнистию вот объявила...»³⁷⁴. Из большевистского отряда на переговоры с партизанами направлен разведчик Марк Суров, от лица которого и ведется повествование. Ему удастся убедить партизан сдаться на милость советской власти, что и происходит с одним отдельно взятым отрядом, участники которого убеждены, что не должны продолжать борьбу, «когда вся Россия молчит и не борется

³⁷³ Бобров М. По долинам и по взгорьям // Возрождение. 1951. № 13. С. 71.

³⁷⁴ Там же. С. 92.

против советской власти»³⁷⁵. Позицию автора, совпадающую, по-видимому, с восприятием героя-повествователя, можно оценить как вполне дружелюбную по отношению к обеим конфликтовавшим ранее сторонам. Его оценки взвешены, спокойны, доброжелательны, что выражается в появлении юмористических деталей. Напряженный стиль повествования местами смягчен юмором: «Но особенно замечательны его брюки, сшитые из красного бильярдного сукна. Красное галифе – верх шика, о них мечтают все буденновцы, но, к сожалению, претендентов на красные шаровары было больше, чем бильярдных столов, покрытых красным сукном, и поэтому большинству оставалось только мечтать»³⁷⁶. Диалоги противоборствующих сил выписаны подробно, точно передают настроение говорящих, приметливо воспроизводится просторечный стиль и южнорусский говор: «Я думаю, что незачем советской власти обманывать. Надоело всем воевать, и пора за дело браться <...> Дед Ипат говорит, что ни Ленину, ни советской власти верить ни в чем нельзя. Пообещают прощение, а потом, когда вернемся, всех перехватывают и пустят в распыл»³⁷⁷.

В то же время не все разрешается так благостно, как хотелось бы. Есть и другие «зеленые», которые решают продолжать борьбу (видимо, тут дед Ипат является голосом сомневающихся). Для них то, что «проделывают большевики с Лениным во главе, является не освобождением и не революцией, а голым насилием, в некотором роде, разбоем»³⁷⁸. Так что задача, поставленная командиром перед Суровым, не может быть окончательно решена, что наводит на мысль о возможном продолжении повествования, которое могло входить в намерения автора. Публикация была названа «отрывком из книги», однако в № 16 журнала «Возрождение» удалось обнаружить продолжение данной

³⁷⁵ Бобров М. Указ. соч. № 13. С. 93.

³⁷⁶ Бобров М. Указ. соч. № 13. С. 98-99.

³⁷⁷ Бобров М. Указ. соч. № 14. С. 88.

³⁷⁸ Там же. С. 91.

публикации, правда, уже под иным названием: «Ниспровергатели богов» (стр. 107–115). Как удалось выяснить, позднее вышла и книга, включавшая в себя все прежде напечатанное, но уже под новым названием – «Когда Боги молчат». Причем, вначале она была опубликована на иностранных языках (английском, французском, шведском, китайском, норвежском, хинди и других) и лишь спустя 10 лет, на русском³⁷⁹.

Возвращаясь к разбору жанровой специфики данного текста, зададимся вопросом, является ли она автобиографическим очерком, как о том заявлено издателем? В опровержение данного постулата необходимо отметить, что в очерке повествование обычно ведется от третьего лица. Автор лишь наблюдает происходящее. Для автобиографических произведений все же более характерно повествование от первого лица. В то же время схожее с ним повествование от третьего лица – это уже чья-то биография, когда текст основан на воспоминаниях, документах и прочих свидетельствах³⁸⁰, и все это опять-таки обобщает автор.

Так биография ли перед нами? Не совсем. Ведь описываемые события, как и имя героя повествования, не документированы и не поддаются перекрестной проверке по иным источникам. Как мы знаем, первичная и наиболее примитивная форма эго-документов – дневник. Более сложная и частая форма – воспоминания или записки. Третьей формой можно считать автобиографию, для которой обязательно нахождение личности внутри повествования. Часто поэтому автобиография называется исповедью. Разумеется, данная классификация схематична и не охватывает всех жанровых модификаций. Также «следует иметь ввиду, что эти записи нередко

³⁷⁹ Соловьев М. Когда Боги молчат. Нью-Йорк: издание автора, 1963. 725 с. (М. Соловьев, как и М. Бобров — псевдонимы М. С. Голубовского).

³⁸⁰ См.: Соловьева И. В. Анализ автобиографии и биографии с точки зрения субъективной перспективы // Вопросы гуманитарных наук. 2009. № 6. С. 141.

составляются с явной целью самооправдания, самообороны их автора»³⁸¹. Определенный исповедальный дискурс в очерке М. Боброва присутствует. В качестве иллюстрации обратим внимание на сцену, когда главный герой должен был подарить своего верного коня перешедшим на сторону большевиков партизанам: «...Марк никак не мог избавиться от чувства, что Воронок посмотрел на него печальным осуждающим взглядом, словно понял, что Марк изменил ему»³⁸². Также я бы обратил внимание на явную аллюзию с «Конармией» И. Бабеля. Здесь герой – рассказчик Марк Суров. У Бабеля – корреспондент Кирилл Лютов. И Суров и Лютов – от их характеров – суровый и лютый. А еще в очерке «Мой первый гусь» у Бабеля встречаем казака Суровкова. Обращаясь к биографии Бабеля, можно найти сходство с главным героем, так как Бабель сам служил корреспондентом в Первой Конной под фамилией Лютова. И Бабель–Лютов, и Бобров–Суров проходят службу в рядах Первой Конной Буденного. «Армии Буденного было приказано создать 12 отрядов ОББ – отряды по борьбе с бандитизмом <...> Один из таких отрядов был выделен полком Марка. С отрядом уходил и весь взвод разведчиков, в котором находился Марк»³⁸³. «Конармия» отчасти представляет собой обработку дневниковых записей автора, но в основном писатель руководствовался воспоминаниями. Хотя образ Лютова достаточно автобиографичен, автор все же не тождествен ему, он находится на определенной дистанции и от героя, и от изображаемых событий. Именно этот момент в «Конармии» Бабеля, как и в «По долинам и по взгорьям» Боброва, позволяет говорить об использовании авторами приема метапозиции.

Исследователь И. В. Соловьева анализирует соотношение биографии и автобиографии по принципу коммуникативно-грамматических типов текста,

³⁸¹ См.: Бельчиков Н. Ф., Дынник В. Указ. соч. С. 131–149.

³⁸² Бобров М. Указ. соч. № 14. С. 99.

³⁸³ Бобров М. Указ. соч. № 13. С. 79.

выделяя субъектную перспективу и субъектную сферу. В их взаимодействии и подмене скрываются основные характеризующие текст предикаты «достоверности» и «субъективности». Беспристрастное изложение фактов и предполагаемая авторская оценка – еще один ключевой фактор. Вместе с тем, как известно, в современной автобиографии, базирующейся на концепции идентичности и правды, ощущается меньшая связь между опытом и дискурсом, чем между дискурсом и опытом. Нередко возникают типизация и вымышленные образы. «Образ автора является тем основным, что определяет ход повествования и играет ведущую роль в построении композиции текста», поскольку «он является формой сложных и противоречивых отношений между авторской интенцией, между фантазируемой личностью писателя и ликами персонажей. В понимании всех оттенков этой многозначной и многоликой структуры образа автора – ключ к композиции целого...»³⁸⁴.

Исходя из вышесказанного может сложиться впечатление, что в данном очерке образ автора не совпадает с образом описываемого им героя. Это становится еще более очевидным, когда мы узнаем, что автор «очерка автобиографического характера» Михаил Бобров (настоящее имя – Михаил Степанович Голубовский) родился в 1908 г. и на момент описываемых событий ему было 12–13 лет (продразвёрстка была заменена продналогом, что было основной мерой перехода к политике НЭПа, 21 марта 1921 г.)³⁸⁵. Таким образом, мы склонны отнести данное произведение скорее к романистике, художественному произведению исторического характера. К тому же в очерке, как в любой беллетристике присутствует интрига, заявленная в самом начале:

³⁸⁴ Виноградов В. В. Стиль «Пиковой дамы» // Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М., 1980. С. 203. Цит. по: Соловьева И. В. Указ. соч. С. 141.

³⁸⁵ Русское Освободительное Движение 1917-1945 // URL: <http://kaminec.livejournal.com/143018.html> (Дата обращения: 12.10.2014).

«В советском отряде, что бродит в поисках партизан, появился комиссар, который может превращаться в невидимку»³⁸⁶.

Однако обратившись к опубликованным документам находим, что Бобров–Голубовский перед Второй мировой войной работал в газете «Известия», преподавал историю в генеральской группе в Академии им. Фрунзе, участвовал в войне с Финляндией. В 1941 г. лейтенантом Красной армии попал в плен и на оккупированных территориях уже под псевдонимом М. Бобров редактировал газету «Новый путь», выходившую в Бобруйске. Бобруйск – вот откуда и появляется псевдоним Боброва. После окончания войны он переезжает в США и публикуется в журнале «Возрождение», а также пишет несколько книг, одну из которых, «Записки советского военного корреспондента»³⁸⁷ выпускает под псевдонимом. В предисловии к этой книге сообщается, что «Соловьев происходит из семьи, похожей на ту, которую он описал в своей предыдущей книге “Когда Боги молчат”. Среда и некоторые события, изображенные в этом волнующем романе, в значительной степени автобиографичны. Соловьев был назначен в 1932 г. военным корреспондентом “Известий”, главным образом благодаря революционному прошлому своей семьи <...> В 1937-м году ему пришлось переехать в Калинин (бывшая Тверь), потому что, в результате сотрудничества с Бухариным в редакции “Известий”, его право на жительство было ограничено и он получил так называемые “минус шесть”. Соловьев был затем восстановлен в должности корреспондента и принял участие в Малой войне в Финляндии; Большая война застала его в Москве. В группе генерала Рыбалко он был послан на Запад собирать остатки советских армий, разбитых неожиданной германской атакой; в Белоруссии он, по приказу Рыбалко, предпринял поиски генерала Ракитина. В критический момент во время обороны Москвы воинская часть, в которой находился

³⁸⁶ Бобров М. Указ. соч. № 13. С. 71.

³⁸⁷ Соловьев М. Записки советского военного корреспондента. Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1954. 309 с.

Соловьев, оказалась отрезанной, настигнутой пулеметной очередью немцев. В лесах Белоруссии Соловьев пустил свою последнюю пулю не в себя, а в своего раненого коня. В конце концов, он был захвачен в плен немцами»³⁸⁸. О том же вкратце сообщается и в библиографическом справочнике «Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках»³⁸⁹.

Очевидно, что автор упоминаемого предисловия относит книгу «Когда Боги молчат» к автобиографическому роману. Художественная стилистика угадывается в разного рода аллюзиях, метафорах и гротескных отступлениях: «Мерным, спокойным шагом идет немолодой, рыжий конь, и есть в этом всаднике и в его коне что-то мрачное, пугающее, словно встали они оба из могилы, чтобы посмотреть, что происходит в мире, и так едут уже давно, едут неторопливо, безостановочно»³⁹⁰. Это напоминает шествие Коня-Блед, несущего нечто смертоносное и пугающее. Можно найти близкое к этому описание у Булгакова: «И он без сожаления покидает туманы земли, ее болотца и реки, он отдается с легким сердцем в руки смерти, зная, что только она одна «успокоит его». Волшебные черные кони и те утомились и несли своих всадников медленно, и неизбежная ночь стала их догонять <...> Так летели в молчании долго, пока и сама местность внизу не стала меняться. Печальные леса утонули в земном мраке и увлекли за собою и тусклые лезвия рек. Внизу появились и стали отблескивать валуны, а между ними зачернели провалы, в которые не проникал свет луны»³⁹¹. Разумеется, здесь мы имеем дело с мифологемой смерти, которая в чем-то определяет и поэтику повествования М. Соловьева.

³⁸⁸ Там же. С. 8–11.

³⁸⁹ Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках. Аннотированный указатель книг, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917–1991 гг. В 4 тт. Том 2. М.: ГПИБ России, Российская политическая энциклопедия, 2004. С. 335.

³⁹⁰ Бобров М. Указ. соч. № 14. С. 97.

³⁹¹ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита // Булгаков М. А. Собрание сочинений. Анн Арбор: Ардис, 1988. Том 8. С. 375–377.

Таким образом, обнаруживается «просвечивание» автобиографического автора в произведении, созданном, казалось бы, по законам жанра романа, в котором большую нагрузку имеет вымысел. Но следует помнить, что при написании автобиографии и биографии главная цель – это создание образа человека (себя или биографируемого), создание характера на основании прожитой им жизни. «Что же касается автобиографии, то она создается в порядке автоконцепции. В этом случае, наряду с влиянием шаблона, заметно стремление пишущего подчеркнуть уникальность своего жизненного пути. Написание текста автобиографии – это не изложение на бумаге своих воспоминаний, а сам процесс создания автобиографического воспоминания. При написании автобиографии важно, что написано и как написано, что приближает автобиографию к художественным текстам»³⁹². Работы Боброва в достаточной мере «оснащены» художественными приемами, его автобиографический дискурс почти неразличим, но это не значит, что он отсутствует. И это лишний раз доказывает, как сложно провести грань между вымыслом и реальностью как в художественном, так и в автодокументальном текстах. Однако, применительно к автору — Боброву-Соловьеву-Голубовскому — очевидно, что в своих произведениях он опирался на документальность и факты своего военного существования во Второй мировой, перенеся эти свои переживания и ощущения в прошлое. Его опыт в более зрелом возрасте, таким образом, оказал влияние на его воспоминания о молодых годах, проведенных в пожаре Гражданской войны. Осознанно или нет, но именно такое «домысливание» придает его документальным, в общем-то, сюжетам, характер надуманного, художественного. В этом он становится в один ряд с мемуарами писателей, когда столь затруднительно отойти от художественности вымышленных образов к документальности образов реальных. Как автор

³⁹² См.: Соловьева И. В. Указ. соч. С. 144.

нескольких книг, уже написанных к тому времени, и как журналист, обладающий навыками успешной подачи материала, он балансирует на грани беллетристики и мемуаристики между жизненным опытом и устойчивой художественной образностью.

Глава 3. Автобиографическая парадигма в женской мемуаристике (на примере прозы М. Н. Веги)

Как уже отмечалось, для целей нашего исследования был привлечен весь корпус эго-документальных текстов, опубликованных в журнале «Возрождение». Наряду с авторами-мужчинами множество текстов было представлено женщинами-писательницами. Так, несомненно большой читательский интерес проявился к дневникам З. Гиппиус, опубликованным (посмертно) при участии Т. Пахмусс. Воспоминания А. Тырковой-Вильямс позднее дополнялись автором и переиздавались отдельными книгами (Нью-Йорк, 1952; Лондон, 1990; М., 1998; М., 2007). Очерки Тэффи, объединенные общим названием «Моя летопись» также были переизданы позднее (М., 2005). Острую дискуссию среди читателей вызвали мемуары Л. Норд о маршале М. Н. Тухачевском, также позднее вышедшие отдельным книжным изданием (Париж, 1978). Эти и некоторые другие работы были так или иначе проанализированы отечественными или западными литературоведами. Небольшие по объему работы были представлены А. В. Толстой, А. Кашиной-Евреиновой, И. Одоевцевой и др. Особняком к указанным авторам стоит поэтесса М. Н. Вега с ее романом-мемуаром «Бронзовые часы» (и его продолжением — романом «Бродячий ангел»). Помимо того, что данный текст ранее не анализировался с литературоведческой точки зрения, он также не переиздавался, вследствие чего остался неизвестен широкому кругу исследователей. По своей жанровой классификации текст Веги может быть отнесен к автобиографическому роману, построенному на семейной хронике. Между тем, он является прекрасным образцом произведения переходного — от художественного к документальному — типа. Это явилось одной из основных причин выбора данного текста для всестороннего исследования, как с точки зрения гендерного аспекта так и в категориях утраченного дома и воспоминаний о детстве.

Имя Марии Николаевны Веги прежде всего связано с ее поэтическими произведениями, которыми она, однако, известна не очень большому кругу специалистов-литературоведов. И хотя основные ее работы выходили в зарубежье, отдельные публикации и стихотворные сборники появлялись в печати также и в Советском Союзе в 70-е годы (Одолень-трава. М., 1970; Самоцветы. М., 1978; Ночной корабль. М., 1982). Пик ее творчества и наибольшее количество публикаций пришлось на годы эмиграции — 1920-1960. Достаточно сказать, что в анализируемом нами журнале «Возрождение» ее произведения печатались почти в каждом номере. Советские же публикации были связаны с желанием поэтессы вернуться в родной Петербург (в то время еще Ленинград). Ее мечта осуществилась, и в 1975 году она вернулась на родину, чтобы прожить в Ленинграде недолгих пять лет.

К сожалению, до сих пор отечественное литературоведение не может похвастаться вниманием к ее наследию. Появлялись лишь отдельные публикации и упоминания ее имени в связи с текстом, получившим признание в виде романа «Черная моль» (другое название — «Институтка»)³⁹³. Лишь в 2009 г. владелица и хранительница ее архива поэтесса Светлана Соложенкина при посредничестве издательства «Водолей» смогла выпустить наиболее полное собрание поэтических произведений Веги. «Среди поэтов “первой волны” эмиграции — в плеяде Бунина, Ходасевича, Георгия Иванова, Одоевцевой и других — легче всего было “затеряться” тем, кто по каким-либо причинам вернулся в СССР: если эмигранты не могли этого простить Цветаевой, то что говорить о поэтах не столь известных <...> Среди “затерявшихся” — Мария Ланг (1898–1980), урожденная Волынцева, взявшая псевдоним “Мария Вега”, издавшая в эмиграции три сборника стихотворений,

³⁹³ См.: Лопато Л. Волшебное зеркало воспоминаний. М.: Захаров, 2003. 232 с.; Кравчинский М. Драма «Институтки» // Кравчинский М. Песни, запрещенные в СССР. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2008. С. 188-190.

не такой уж малой ценой вернувшаяся на родину и дожившая свой век в городе на Неве», — указывает издательство в анонсе к книге (Вега М. Ночной корабль: Стихотворения и письма. М., 2009. 528 с.)

3.1. Прошлое сквозь призму чужой памяти (роман-мемуар «Бронзовые часы»)

Помимо стихов и писем в упомянутом выше сборнике произведений М. Веги заслуживает внимания послесловие³⁹⁴, в котором исследовательница ее творчества Соложенкина касается особенностей автобиографизма в творчестве поэтессы. Правда, речь идет только о лирике, в которой личностное начало имманентно выражается наиболее определенно. Что происходит в прозаических произведениях Марии Веги – осталось непроясненным. Вместе с тем, ее проза (автодокументальные произведения «Бронзовые часы» и «Бродячий ангел»), впервые опубликованная в периодике русской эмиграции, так и не была воспроизведена отдельным книжным изданием. В России, как уже было отмечено, до сих пор эти тексты не появились — ни в виде отрывков, ни хотя бы в журнальном варианте. Публикатор, тем не менее, упоминает о них в своем послесловии, говоря, что Вега получила также известность как драматург и романист, встретив благосклонный прием читателей и критиков, а в отношении двух вышеупомянутых романов тем более. Также Соложенкина указывает на такую важную деталь: «На одном из публичных чтений (Мария Вега знакомила парижскую литературную публику с отрывками из романа “Бронзовые часы”) оказался сам “Иван Великий” — так почтительно именовали в эмигрантских кругах Ивана Алексеевича Бунина. Дождаться от него комплимента было, как известно, не просто — с таким же успехом можно было выжать из камня воду»³⁹⁵. Но Бунин выразил свое одобрение, что произвело впечатление на многих. Думается, что Бунин оценил в этих романах прежде всего художественное начало, а не документальное, тем более что русский лес в описании Веги носит все признаки бунинской прозы: «Русский

³⁹⁴ Соложенкина С. Жизнь длиною в Млечный путь (Послесловие) // Вега М. Ночной корабль: Стихотворения и письма. М.: Водолей, 2009. С. 380-397.

³⁹⁵ Там же. С. 392.

лес — стихия. Думая о нем, надо отрешиться от всех лесов земли, и страшных, и очаровательных, зажмуриться, забыть Шварцвальд, забыть кудрявые леса Франции, с гротами фей и останками аббатств, забыть о джунглях, об Аляске, о Канаде, и смотреть изо всех сил в то дальнее стеклышко, спрятанное в тайниках памяти, сквозь которое увидишь забытый и незабываемый русский лес. Не думайте ни о чем, что делает его специально русским: почернелая богомолка, мужик с вязанкой хвороста, Нестеровский пастушок с его лаптями, дудкой и пегой телкой; забудьте глубоко врезанную в черную землю колею от расхлябанного колеса, и лошадей выезжающих в ночное, и Хоря с Калинычем, и вурдалака, и Врубелевского Пана, и прослушайтесь (так в тексте! — А. К.) к простым словам: «И смолой, и земляникой пахнет темный бор». Почему они так волнуют? Почему так остро дают почувствовать именно русский бор — тульский, черниговский, костромской, со всей его темной, сочной, жуткой и упоительной глубиной, а не французский лес, и не скандинавский, хотя они также пахнут смолой и земляникой, те же в них корявые пни, курящиеся на закате болотца и свечки подосиновиков в тонкоствольной чаще. В чем же дело? А в том, что и смола, и земляника, и горящий на солнце мухомор, и могучее дыхание земли в России совсем другие. Но какими словами изобразить ту смесь запахов, красок, сказочности, печали, древности, дикости и торжественного покоя, в которую душа погружается, медленно закрывая глаза при воспоминании о лесе своего детства, о русском лесе?» (Вега, БЧ, 75: 98).

Такую длинную цитату привести было необходимо, потому что ее невозможно оборвать на середине, урезать, сократить. Она как цельное, на едином дыхании прочитанное поэтическое произведение. И предположение, что Бунин обратил свое внимание именно на художественное мастерство автора, исходит, прежде всего, из текстуального анализа. Но не менее интересно выявить грань между документальным воспроизведением

реальности и ее творческой переработкой в произведениях Веги. К тому же, учитывая, что мы имеем дело с прозой поэта, важно ответить на вопрос, какую роль играет лиризм в художественном преобразении действительности.

Знакомство с указанными текстами позволяет утверждать, что не эмиграция была причиной того, что из-под пера Веги выходили столь сильные произведения. Однако вместе с тем следует иметь в виду, что именно эмиграция с ее всплеском исповедальной литературы, или, по выражению Местергази, «документального романа»³⁹⁶, распространением «литературы факта» дала толчок к разного рода жанровым модификациям, существующим на грани вымысла и факта. Востребованность такого рода сочинений как со стороны издателей, так и со стороны читателей побуждала писателей исповедоваться, обращаться к собственной биографии. Одновременно с этим некоторыми исследователями отмечается, что основная особенность литературных мемуаров как жанра состояла в том, что их оставили люди самых разных социальных слоев и профессий – артисты, музыканты и др. Но все же мемуары художника – в первую очередь претендуют на то, чтобы к ним подходили с эстетической меркой (что и сделал, очевидно, Бунин). Это — не первый и не единичный пример такого рода³⁹⁷, но все же именно он уникален в том отношении, что, помимо этих двух романов (а по сути одного в двух частях), поэтесса создала лишь несколько мелких рассказов и зарисовок, а также ряд театральных пьес («Великая комбинаторша», «Король трэф», «Суета сует», «Ветер» и др.).

Внутренние же причины обращения многих именно к мемуарному жанру были следующие: изменения окружающего мира вызывали изменения в

³⁹⁶ См.: Местергази Е. Г. О термине «документальная литература» // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». Тамбов. 2007. Выпуск 11 (55). С. 174-177.

³⁹⁷ См.: Набоков В. В. Другие берега. СПб.: Азбука, 2013, 282 с.; Ходасевич В. Ф. Некрополь. М.: Статут, 2012, 173 с.; Иванов Г. В. Петербургские зимы. СПб.: Азбука, 2000, 283 с.; Одоевцева И. В. На берегах Невы. СПб.: Лениздат, 2012, 477 с.; Одоевцева И. В. На берегах Сены. СПб.: Лениздат, 2012, 478 с. и др.

частной жизни, а изменение страны в целом вызывало у эмигрантов приступы меланхолии и ностальгии по утраченному, что уже ранее отмечалось нами. Это являлось традиционной интенцией эмигрантского существования³⁹⁸ и, в свою очередь, приводило к насущной необходимости, даже не к желанию, а именно к необходимости высказаться. Рассказать о том, что, быть может, уже не повторится в том виде, как оно было³⁹⁹. А было обыденным, естественным и, казалось, неизменным на века. Рассказать, находясь на грани крушения всего составлявшего это ранее надежное и основательное.

В замужестве (а она была замужем трижды) М. Н. Вега не имела детей. Возможно, это драматическое ощущение как некое сверхчувство и руководило ею, заставив оставить «сообществу» потомков пережитое. Ведь о чем-то может рассказать только она, больше никому: «История, которую я хочу рассказать, хранится только в моей памяти. После меня она исчезнет с лица земли» (Вега, БЧ, 68: 103). Таким образом Вега воплощает концепцию, согласно которой, «биографии создают историю, человек наполняет время гуманистической личностью, тем содержанием, благодаря которому эпоха и остается в памяти потомков»⁴⁰⁰.

Надо напомнить еще об одном. Помимо запроса на документальную прозу в 1957 г. русская общественность за границей широко отмечала 200-летие русского театра, что и привело к появлению автодокументальных произведений, в т.ч. и текста Веги, а также многочисленных материалов на ту же тему — тогда же появились воспоминания А. Александровича, очерки

³⁹⁸ Фрейд З. Указ. соч. С. 214; Глушаков П. С. Указ. соч. С. 61-75.

³⁹⁹ Схожим образом названы воспоминания другой писательницы русского зарубежья А. Тырковой-Вильямс — «То, чего больше не будет».

⁴⁰⁰ Глушаков П. С. Указ. соч. С. 61-75.

Л. Доминика и С. Лифаря⁴⁰¹ и др. Поэтому обращение к театральному миру, в котором проходило детство поэтессы, приобретало особую значимость.

В итоге талантливая поэтесса смогла создать повествование, которое легко читается, лирически окрашено, наполнено подробностями быта. А из множества мелочей складывается мозаика, воссоздающая облик эпохи. Таким образом, с точки зрения определения жанровой структуры, данный текст явно может быть отнесен к жанру биографии, но определить, что в нем превалирует — опора на документальный материал, фактографическая основа или художественное преобразование фактов — довольно затруднительно.

Документальный ракурс прочтения произведения задан автором в статье, предварявшей публикацию. Именно эта статья в «Возрождении»⁴⁰² и явилась, по сути, биографическим документальным очерком, тогда как «Бронзовые часы» с их вымышленными именами, лиричностью и ритмизованностью, а также с установкой на событийность, гораздо ближе к художественному тексту. В журнальном очерке Вега оперирует своей настоящей фамилией — Волынцева, называет свое прозвище в детстве — Муся. В очерке она рассказывает о «лучах славы» своей бабушки А. К. Брошель, в которых и она сама «купалась» в детстве, мечтая о театральной карьере. В очерке сказано и о «тете Марусе» — актрисе Марии Гавриловне Савиной, которая была дружна с семьей Марии Брошель (двоюродной бабушки Веги) и которая, по имеющимся сведениям, стала крестной Муси Волынцевой. Упоминается и первая поэтическая публикация Веги в «Театральном вестнике» в 1910 году, подписанная «Муся Волынцева, 12 лет». Приведен факт встречи автора с М. Г. Савиной осенью 1916 года — встречи, во время которой Вега получает наставление написать книгу о своей бабушке Брошель.

⁴⁰¹ Александрович А. Д. Записки певца // Возрождение. №№ 22-25, 27, 30, 32, 36, 38 и 41; Лифарь С. Вацлав Нижинский // Возрождение. 1957. № 61; Доминик Л. Русская рампа в зеркале запада // Возрождение. 1957. № 61; Доминик Л. Театр и о театре // Возрождение. 1958. № 73.

⁴⁰² Вега М. Тетя Маруся // Возрождение. 1957. № 67. С. 131-138.

В романе фамилия автора изменена на Ясинцеву, дед Веги-Волынцевой — Адлерберг — становится Штеенбергом. Главная героиня — бабушка Веги — получает фамилию Клодель. Все это легко выявляется и сверяется по иным источникам⁴⁰³. Интересна трактовка Веги о причинах ухода А.К. Брошель со сцены: у бабушки родилось четыре малыша-погодки, один из которых впоследствии стал отцом Марии Веги. Публичные источники (интернет и энциклопедии) указывают причину оставления сцены «по болезни», что и явилось также причиной преждевременной кончины в 1871 г. Однако, судя по роману Веги, — причиной ранней смерти были именно расставание со сценой после волнительного триумфа и последующие события в ее жизни. Здесь автор переживает вместе с героем его жизнь, которая формируется в сюжетной последовательности событий, лишь изредка «выстроенных» в хронологическом порядке данного и перцепционно законченного времени, а по большей части исходят из логики «художественного синтаксиса» (логики психолого-эстетического порядка)⁴⁰⁴.

Благодаря описанию событий, происходящих в Александринском театре, в котором участвует примадонна Александра Карловна, ее ближайшие друзья, их окружение, автор заявляет о таком понимании исторической биографистики, при котором «неклассические» герои обретают равный статусный уровень с «ключевыми». «Зона периферийности» таких персонажей позволяет выявить наиболее «суггестированное» в историческом процессе. Ведь то, что видно из узенького окошка монастырской кельи, не всегда можно разглядеть, сидя на царском троне. Утверждается, таким образом, важный вектор обозрения реальности, новое понимание историчности⁴⁰⁵, узаконивающие «малую

⁴⁰³ См.: Антропов Л.Н. Г-жа Брошель // Библиотека для чтения. № 1. СПб., 1865. С. 115-134; Брошель А. К. // Театральная энциклопедия. В 5 томах. Том 1. М.: Советская энциклопедия, 1961. С. 130; Три века Санкт-Петербурга: Девятнадцатый век. Энциклопедия в трех томах. Книга 1: А-В. СПб., 2006. С. 347.

⁴⁰⁴ См.: Глушаков П. С. Указ. соч. С. 61-75.

⁴⁰⁵ См.: Глушаков П. С. Указ. соч. С. 61-75.

историю». Ход времени расставляет все по своим местам, и в этом динамическом процессе *биография* принимает черты и характеристики *судьбы*.

3.2. Вымышленные и реальные женские персонажи в «Бронзовых часах»: гендерный аспект

Женская проза как явление в русской литературе имеет, несомненно, давнюю традицию. Это в равной мере относится как к художественному, так и документальному творчеству женщин-писательниц. Еще в XVIII веке зазвучали «голоса русских мемуаристок»⁴⁰⁶, примечательность которых — в отражении ими особенностей мировосприятия женщин. Развитие интереса к женской прозе, в особенности в западной культуре, привело к выделению понятия гендерного подхода в литературоведческих исследованиях, при котором социальное различие между мужчинами и женщинами довлеет над различием биологическим. В связи с этим стоит упомянуть работу М. Зирин (M. Zirin) «Частичка нашей души: предреволюционная автобиография русских писательниц-женщин»⁴⁰⁷. По мнению отечественной исследовательницы Е. А. Постниковой, с давних времен в мире происходит отождествление мужского начала как позитивного, значимого и доминирующего, а начала женского — как негативного, вторичного и субординируемого⁴⁰⁸. Ее мнение дополняет Г. А. Пушкарь, полагаящая, что «быть в обществе мужчиной или женщиной означает не просто обладать теми или иными анатомическими особенностями — это означает выполнять те или иные предписанные нам гендерные роли»⁴⁰⁹. Иными словами гендер – это «совокупность социальных и культурных норм, которые в обществе посредством власти и доминирования

⁴⁰⁶ Руднева И. С. Гендерный аспект портретной характеристики в русской мемуарно-автобиографической литературе второй половины XVIII – первой трети XIX вв. // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 2. С. 227-236.

⁴⁰⁷ Zirin M. "A particle of our soul": prerevolutionary autobiography by Russian women writers // A History of Women's Writing in Russia / edited by Adele Marie Barker and Jehanne M Gheith. Cambridge University Press, 2002. P. 100-116.

⁴⁰⁸ Постникова Е. А. Гендерная тематика в современных исследованиях // Альманах современной науки и образования. № 1 (56). Тамбов: Грамота, 2012. С. 160.

⁴⁰⁹ Пушкарь Г. А. Типология и поэтика женской прозы: гендерный аспект : на материале рассказов Т. Толстой, Л. Петрушевской, Л. Улицкой : дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2007. С. 12.

предписывается выполнять людям в зависимости от их пола»⁴¹⁰. Это — своего рода социокультурная конструкция⁴¹¹. И текст, как предмет изучения, рассматривается гендерным литературоведением независимо от половой принадлежности автора. Однако вполне понятно, что авторство не является категорией нейтральной, поэтому любой литературный текст, нарратив, дискурс представляют собой отражение гендерной парадигмы, гендерной субъективности, гендерной рефлексии автора. Гендерные исследования принимают это за аксиому. Остальное зависит от самого исследователя, от его «гендерной чуткости» и от его намерения найти и проанализировать в конкретном литературном, равно как и в любом другом тексте, именно *женские* или именно *мужские* гендерные парадигмы⁴¹². Такой анализ даёт возможность отойти от традиционных литературоведческих и социально-политических трактовок и анализировать произведения с точки зрения представлений о понятиях «мужественное» и «женственное», являющихся конструктами культуры и подвергающихся постоянной эволюции в исторической перспективе. Гендерное измерение способствует формированию нового взгляда на литературное произведение, а интерпретация их с учетом гендерной дифференциации позволяет найти формы, отражающие символы женского опыта, формируя тем самым гендерную поэтику⁴¹³. О том же говорит М. В. Михайлова: «...дело, оказывается, не в природном несоответствии представлений мужчины и женщины друг о друге, не в противоположности их психофизической организации, а в тех социокультурных структурах, в которые они оказались “замурованы”, которые предписывают им твердые “жизненные”

⁴¹⁰ Бем С. Линзы гендера: трансформация взглядов на проблему неравенства полов / Пер. с англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 281.

⁴¹¹ Кулес А. А. Гендерная саморефлексия в женской автобиографической прозе XX века : Переходный возраст как тема и образ; Лу Андреас-Саломе, Маргерит Дюрас, Криста Вольф, Ольга Войнович. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003. С. 3.

⁴¹² Там же. С. 2.

⁴¹³ См.: Охотникова С. Гендерные исследования в литературоведении: проблемы гендерной поэтики // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе. Ч. 2. Иваново, 2002. С. 277-278.

установки, согласно которым – один должен быть молчаливым (даже когда любит) господином, а другая – беспрекословной рабыней, терпеливо ждущей дальнейших указаний (хотя и позволяющей себе втихомолку некоторые вольности)»⁴¹⁴.

Основные трудности, стоящие перед исследователем, — обнаружить в литературном тексте феминное начало и признаки женского дискурса. Продолжая исследование романа-мемуара Веги, обратим внимание на данный аспект произведения. Напомним, что в романе «Бронзовые часы» повествование идет о предках автора, где главный персонаж — бабушка автора, актриса Александринского театра Брошель. Время действия романа — третья четверть XIX века. Прозаическое произведение Веги окрашено и наполнено подробностями быта: из множества мелочей складывается мозаика, воссоздающая облик эпохи. Ведь, по мнению Пушкаревой, «женщины проще и естественнее, чем представители противоположного пола, отягощенные чинами и должностями, говорили о том, что их окружало в повседневности, в семье, в кругу близких. Домашний, семейный быт был для них главной “сферой обитания”»⁴¹⁵. В то же время отчетливо видна заявка автора на женскую эмансипацию, феминизм, устойчивую жизненную позицию и независимость женщин-персонажей. Так устами одной из героинь выдвигается революционный тезис освобождения женщины: «Многое на земле должно измениться <...> Когда открылись акушерские курсы крику было немало. Пора нам проснуться. Кто проснулся — больше не заснет. Я проснулась по-своему: для меньшого брата... После нас придут женщины, которым надо приготовить путь <...> Царствие Небесное должно быть достигнуто здесь и называться равенством и прогрессом» (Вега, БЧ, 69: 77-78). А ведь в этом и состоит

⁴¹⁴ Михайлова М. В. Женщины-драматурги Серебряного века // Гендерная проблематика в современной литературе: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. Литературоведения; Ред.-кол.: Пахсарьян Н.Т. (отв. ред. и сост.), Соколова Е.В. (сост.) и др. М., 2010. С. 24.

⁴¹⁵ Пушкарь Г. А. Указ. соч. С. 62.

противоречие, наблюдаемое в женской прозе – с одной стороны, бросание вызова, нарушение уклада, патриархальности, революционность, а с другой стороны — именно женщина предстает перед нами как хранительница очага, уклада, семьи⁴¹⁶. Именно разрешение данного противоречия, синтез заданных парадоксов в мировоззренческих подходах, выводят отдельные произведения женской прозы в разряд значимых. Подобным образом и судьбы персонажей Веги не укладываются в традиционную схему — они влюбляются, но не имеют семейных уз, рожают, но не воспитывают, имеют дом, но одиноки в нем. Актриса Брошель в 20 лет окончила Петербургское театральное училище, поступила в труппу Александринского театра, но буквально через год была вынуждена оставить сцену. Всего ею было сыграно 18 ролей — среди которых Марья Андреевна, Аннушка («Бедная невеста» и «На бойком месте» А. Н. Островского), Наташа («Русалка» Пушкина), Офелия («Гамлет» Шекспира). Вместе с тем, судьба ее сложилась трагическим образом — она покидает сцену после стремительного взлета, затем не имеет возможности вернуться в театр по семейным обстоятельствам. К тому же любовные интриги, вынужденный отъезд за границу на три года (фактически — ссылка), неустроенность личной жизни. Но все это она переносила стойко, поистине мужественно. Иными словами, Вега выстраивает характер «женщины-героини»⁴¹⁷, близкий к тому, о чем писал Ю. М. Лотман.

В то же время по классификации А. А. Кукес данный текст можно рассматривать и как «феминистский текст», т. е. автор сознательно бросает вызов методам, целям и задачам преобладающего патриархатного дискурса⁴¹⁸. Для русской литературы тех лет (а роман писался скорее всего сразу после

⁴¹⁶ Загурская Н. Между Медузой и Сиреной: к вопросу о женской гениальности // Русский журнал. 2002. 5 марта. Цит. по: Пушкарь Г. А. Типология и поэтика женской прозы: гендерный аспект : на материале рассказов Т.Толстой, Л.Петрушевской, Л.Улицкой. Дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2007. С. 46.

⁴¹⁷ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и trad. русс. дворянства (VIII — начало XIX века) / Ю. М. Лотман. СПб.: Искусство-СПБ, 1994. 398 с. Цит. по: Пушкарь Г.А. Указ. соч. С. 63.

⁴¹⁸ Кукес А. А. Указ. соч. С. 22.

Второй мировой войны) — это, без сомнения, не совсем традиционный подход. Ведь, как известно, лишь около сорока лет назад гендерные исследования смогли предложить «новый взгляд на роль и образ женщины в мировой культуре и истории, который стал сутью своеобразной революции в сфере гуманитарного знания»⁴¹⁹. Хотя, надо признать, именно на литературу русского рассеяния западный феминизм, в силу их геополитического соприкосновения, оказывал в XX веке куда большее влияние, нежели на литературу в метрополии. В качестве сходного примера можно привести биографическую книгу другой писательницы русского зарубежья, к тому же бывшей актрисы все того же Александринского театра, Л. Рындиной — «Фаворитки рока: Нель Гвин, Маркиза Помпадур, Княгиня Дашкова, Леди Гамильтон и др.» (Берлин, 1923). Коснулось это влияние и Веги.

Какой же тип феминности и маскулинности предложен автором? Как правило, в произведениях женской прозы помимо самих женских персонажей, критики зачастую отмечают непривлекательные мужские образы — неудачников, недееспособных и убогих⁴²⁰. Подобное мы наблюдаем и у Веги в «Бронзовых часах», где почти все мужские персонажи — никчемные в своем бытии люди, пьяницы, развратники, обманщики, не готовые на настоящие чувства, на настоящую жизнь, достойную человека. В отличие от них женские персонажи — волевые, self-made, чувственные феминистки: «все знали, что в семье Митавцевых женщины были художницами, писательницами, музыкантшами, мужчины же в сумасшедших домах сидели или в колодцах топились» (Вега, БЧ, 69: 74). И в другом месте: «дочери одна другой краше, все в нее. Сын один всего был, да неладный. Тоже дергался, падучей болел, а восемнадцати лет в колодце утопился, со скуки» (Вега, БЧ, 77: 70). У Веги наблюдается сниженное

⁴¹⁹ Кулес А. А. Указ. соч. С. 11.

⁴²⁰ См.: Пастухова Е. Е. Русская «женская проза» рубежа XX-XXI веков в осмыслении отечественной и зарубежной литературной критики. Дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010. С. 16.

воспроизведение и потому сниженное восприятие данного «героя женского письма» — «такой герой нередко выглядит слабым, себялюбивым, нисколько не возражающим против высокого социального статуса женщины и нередко пользующийся им, снимающим с себя все заботы о семье»⁴²¹. Так, возлюбленный Александры Карловны — Никки Шнееберг — даже законно сочетавшийся с ней браком, венчанный (правда, без свидетелей, а сельская провинциальная церковь сгорела со всеми бумагами), отец четверых ее детей — все же остается вне семьи, не участвует в воспитании детей, не рассматривается никем, ни автором, ни персонажами, в качестве главы семейства. Однако у Веги маскулинное — это еще и сила, и эталон устойчивости и долженствования. «Мой долг быть прямым и честным. Я, прежде всего, мужчина, и хочу толково, без драм, разъяснить тебе мои действия и все положение вещей» (Вега, БЧ, 79: 106), — заявляет мужской персонаж (Никки). И в другом месте: «В эпоху белых ночей, когда захватила Асю волна петербургского дурмана, она нашла в крепком теле Никки могучую солнечную энергию и потянулась к ней, как тянется к солнцу больное растение» (Вега, БЧ, 75: 93). Иными словами, налицо соотношение положительных и отрицательных черт.

По утверждению Кулес, в произведениях женской прозы мужчина обычно предстает как часть истории и культуры, женщина же, напротив, создает свой собственный внеисторический автономный мир, где она является действующим субъектом истории⁴²². Потому часто «героем автобиографического женского письма становится не сама женщина, но любимый/нелюбимый мужчина»⁴²³. В случае с биографическим произведением любимый/нелюбимый мужчина может выступать в качестве доминанты,

⁴²¹ Пушкарь Г. А. Указ. соч. С. 161.

⁴²² Кулес А. А. Указ. соч. С. 29.

⁴²³ Там же.

отталкиваясь от которой женские персонажи идентифицируют себя, маркируя, таким образом, гендерную специфику: «Холодея от ужаса, она силилась удержаться от слез, боясь рассердить Никки, а он, сидя верхом на заборе, уплетал клубнику и звонко командовал: “Не смей реветь. Привыкай подчиняться”. Но сколь приятна потом была награда за покорность» (Вега, БЧ, 72: 114).

И здесь согласимся с Пушкарь, что гендерный конфликт – конфликт, прежде всего, психологический, поэтому центральное место в женской прозе занимает конфликт гендерных ролей. Это, как правило, конфликт между героиней и героем в любовных отношениях, в семейной жизни, в производственной сфере. Гендерные конфликты между мужчиной и женщиной в любовных отношениях весьма многообразны и отображают многообразие ситуаций самой жизни. Это, во-первых, слабость и материальная несостоятельность одних. Во-вторых, мужская неверность. В-третьих, гендерный конфликт раскрывается на грани психической аномалии. К этому можно добавить стремление женского персонажа к осмыслению себя в качестве женщины. К тому же имеет место гендерный конфликт как физическое насилие отца по отношению к дочери. И наконец наиболее драматическим является гендерный конфликт между ролью матери и необходимостью для женщины быть и.о. мужчины⁴²⁴. Вот и у Веги отношения между Никки и Асей проходят несколько стадий влюбленности, осознания своей роли во взаимоотношениях, в отчуждении от их совместных детей, находящихся ближе к гувернанткам, няням, Африканычу, чем к родителям. Ася и Никки остаются на грани «психической аномалии», когда Ася не довольствуется ролью матери, а стремится на сцену, стремится блистать, Никки же подавлен аристократической средой, собственной семьей, родителями, не воспринимающими Асю в

⁴²⁴ Овруцкая Г. К. Гендерный конфликт: методы исследования // Альманах современной науки и образования. № 6 (13): в 2-х чч. Ч. I. Тамбов, 2008. С. 160-163.

качестве вероятной невестки. Так социокультурные структуры лишают их совместного счастья.

Наиболее глубоким и в то же время онтологическим основанием гендерного конфликта является природное разграничение, необходимое для продолжения рода⁴²⁵. Потому-то «женское сознание определяется через внутреннюю связь организма с природным, стихийным. Отсюда пантеизм, склонность к мистике, чертовщине, гаданиям, заговорам»⁴²⁶. У Веги это представлено как устойчивость народных верований: «Рыжий-красный — человек опасный! — изрекает Платонида, — сплюньте три раза через плечико, матушка барыня, аль пальцы сложите рожками, да потычьте перед собой в окошко-то. Как бы он вам ребеночка не сглазил. Еще, не приведи Бог, родится с морковной головой» (Вега, БЧ, 72: 117). Большую роль играют заговоры: «Во Имя Отца и Сына и Святого Духа, — громко сказала Платонида, стоя над телом барыни: глаз поганный, песий, щучий, паучий, выдь из рабы Божией» (Вега, БЧ, 74: 60). Может присутствовать и осмысленная вера в чудодейственную силу предметов: «Последний амулет самый важный: свинка, еще в бытность свою серебряной, умела приносить удачу» (Вега, БЧ, 75: 89).

Интересен взгляд Постниковой, по мнению которой, жанр автобиографии традиционно относится к женским жанрам письма в каноне «большой литературы», а главной задачей автобиографического женского письма при этом является саморепрезентация женского «я»⁴²⁷. По Лежёну же «автобиография в чистом виде практически невозможна, она так или иначе превращается в автобиографический роман, то есть становится произведением художественной литературы»⁴²⁸. То же самое можно сказать и о биографических воспоминаниях, частным случаем которых являются

⁴²⁵ Там же.

⁴²⁶ Пушкарь Г. А. Указ. соч. С. 57.

⁴²⁷ Постникова Е. А. Указ. соч. С. 162.

⁴²⁸ Цит. по: Кулес А. А. Указ. соч. С. 8.

рассматриваемые нами «Бронзовые часы». Ведь зачастую, даже обладая необходимыми фактами, невозможно их скрупулезно выверить и выписать в художественном оформлении. Необходим элемент домысла, воображения, вымысла. Воспоминания — это непременно «гендерная самоидентификация, создание собственной гендерной парадигмы и кодировки. Воспоминания женщины порой представляют собой также вид истерии, а тело женщины в данном случае выступает как носитель тайны, которая передаётся от матери — дочери. Стоит открыть одну дверь, за ней оказываются две другие, и так далее, из каждого коридора двери ведут в разных направлениях, за каждой из них — тайна воспоминания. Следовательно, женская память и женские воспоминания являются определённой формой женского безумия, женской анархии, иррационального и бессознательного»⁴²⁹. В то же время воспоминания любой женщины, и Вега здесь не исключение, через текстуальность несут в себе историю тела и сексуальности: «тело, плоть, кровь, роды, насилие, психосексуальное развитие и половое созревание, болезнь, беременность, любовь, ненависть, страсть, борьба»⁴³⁰. К тому же репрезентация женских и детских переживаний и болезней — сознательный феминистский жест женского автобиографического письма⁴³¹. У Веги это присутствует в борьбе материнского тела Аси, вынашивающей и рожающей, с ее душевным миром, тянущимся к сцене.

И потому можно согласиться с Пушкаревой, уверяющей, что мемуары в чистом виде могут рассматриваться как более “мужская”, а автобиографии — как более “женская” разновидность одного и того же жанра. Но так как границы автобиографий и мемуаров, несомненно, очень зыбки, в “мужских” текстах

⁴²⁹ Chr. von Braun. Nicht Ich: Logik, Luege, Libido. Frankfurt am Main. 1990. S. 97. Цит. по: Кулес А. А. Указ. соч. С. 70.

⁴³⁰ Кулес А. А. Указ. соч. С. 134.

⁴³¹ Там же. С. 135.

может быть немало “женского”. И наоборот⁴³². Это не меняет сути гендерного конфликта и не становится показателем взаимопроникновения текстуальности, выражаемой в синтезе гендерных дискурсов. Таким образом, Вега демонстрирует нам пример женского автобиографического романа русского зарубежья, опирающегося на документ, со всеми присущими ему атрибутами гендерности, умело заимствуя элементы западного феминизма и сочетая их с русской культурной традицией.

⁴³² См.: Пушкарёва И. У истоков женской автобиографии в России // Филологические науки. 2000. № 3. С. 62-69.

3.3. Образ Дома:

Петербург как «персонаж» в романе Вегги

Мотив дома, как известно, является одним из ведущих семантических составляющих любой национальной литературы. Дом в культурной традиции – это защита, спасение от враждебного, чужого, чуждого, «своя» территория, где человек чувствует себя в безопасности. В классическом русском романе тема Дома обозначена как особое пространство, наполненное уютом, любовью и пониманием. Собранные В. Далем пословицы о доме свидетельствуют о том, что в русском сознании с древних времен дом понимался как неприкосновенная область, защита: «Худу быть, кто не умеет домом жить», «На стороне бывай, а дому не покидай» и др. Наблюдение над восприятием этой темы в среде русской эмиграции позволяет говорить, кроме того, о его высоком семиотическом статусе в структуре эмигрантского сознания. Ситуация бездомья в случае изгнания из России было воспринято как потеря собственного Дома. Потому русскими писателями за границей была воскрешена знаковая функция Дома как оберегающей крепости, как спасающего ковчега. Утрата «крыши над головой», «своего угла» лишало создаваемого закрытым пространством Дома ощущения защищенности, тепла и уюта. Осознание переломных событий эпохи, выразившихся прежде всего в утрате привычных ценностных ориентиров, заставило наиболее чутких художников прислушиваться к изменениям времени и с тревогой всматриваться в новую реальность. В послереволюционной России внешние катаклизмы настолько проникли в самую глубину личного пространства человека, что, по точному замечанию В. В. Колесова, произошло не только сближение, но и некоторое недопустимое смешение Мира и Дома — «Мир и Дом поменялись

местами, и Дом опрокинут в Мир, обеднив его»⁴³³. Сопряжение мотивов Дома и Семьи подробнее рассматривалось нами в первой главе настоящего исследования. Здесь же мы коснемся скорее понимания Дома — родного города, места, где автор вырос, где укоренился и откуда был трагически исторгнут.

Так, исследовательница Резник вполне справедливо считает, что дом, как наивысшая человеческая ценность, превалировал в эмигрантском сознании, но, вместе с тем, происходило переосмысление константности его значения — «чужбина образует реальность и постепенно заполняет пустоты эмигрантского существования, прорастает своими смыслами в судьбе человека, что делает его внутреннюю жизнь более динамичной, экспрессивной, напряженной»⁴³⁴. Дом, как место, где проходит телесная, душевная и духовная жизнь семьи, был утрачен практически всеми без исключения представителями русского зарубежья. Бездомность, сиротливость, изгнанничество — вот те чувства, что испытывали писатели-эмигранты. «Я бездомный, но зато на воле»⁴³⁵, — писал живший в Австралии русский поэт М. Голубен, что было признаваемо отнюдь не всеми художниками в равной степени. Ведь, возводя собственный дом, человек структурировал пространство, задавал особую систему ориентиров. С появлением жилища мир приобрел черты пространственной организации. Дом придал миру пространственный смысл, укрепив тем самым статус наиболее организованной его части⁴³⁶.

По мнению Полторацкой, быт становится синонимом упорядоченного, оформленного бытия, а дом можно осмыслить еще и как духовное нематериальное семантическое составляющее. Символическое значение этого понятия воплощается в особом, дорогом человеку месте, где он рождается,

⁴³³ Колесов В. В. Домострой без домостроевщины / В.В. Колесов // Домострой. СПб.: Лениздат, 1992. 141 с. Цит. по: Полторацкая С. В. Мотив «потерянной» России в эмигрантском творчестве И. А. Бунина и И. С. Шмелева. Дисс. ... канд. филол. наук. Белгород, 2006. С. 56.

⁴³⁴ Резник Э. Р. Указ. соч. С. 103.

⁴³⁵ Голубен М. Встреча // Голубен М. На дальних дорогах. Сидней: издание автора, 1965. С. 27.

⁴³⁶ См.: Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях древних славян. Л.: Наука, 1983. С. 93.

набирается опыта, крепнет физически и духовно, учится оценивать себя и окружающий мир, гармонизируется, накапливает душевные силы для творческой реализации, что в широком значении можно определить и как малую родину, независимо от ее пространственной протяженности⁴³⁷.

Именно такое свойство приобретает родной город в творчестве Марии Веги. Когда из множества мелочей складывается мозаика повествования, воссоздающая облик эпохи, то, в первую очередь, она проявляется через облик ее родного Петербурга. К нему обращены многие ее стихотворения⁴³⁸, что сближает ее с такими авторами, как А. Блок, А. Белый, К. Вагинов, А. Ахматова и О. Мандельштам⁴³⁹. Но и в романе «Бронзовые часы» город на Неве выступает также в качестве полноправного «персонажа», хотя в отличие от авторов, творивших в метрополии, чьи тексты являлись продуктом «рефлексий по поводу ежедневно наблюдаемой повседневной реальности»⁴⁴⁰, Вега описывает Петербург, уже не наблюдаемый из окна, а живущий только в авторских воспоминаниях, иллюзорный, вымышленный.

При этом у нее, как и у других авторов зарубежья, наряду с антитезой «свой» — «чужой», где в роли своего выступает образ дореволюционной России, а в роли «чужого» — образ Запада, существует антитеза «свой» — «свой чужой», где своим и одновременно чужим является образ Петербурга и Медного всадника, так как представляет собой отражение европейского, западного влияния на русскую культуру⁴⁴¹.

⁴³⁷ См.: Полторацкая С. В. Указ. соч. С. 57.

⁴³⁸ Некоторые из них: «Семнадцать зим» (1951), «Петербургское» (1952), «Петербург» (1953), поэма «Кирилл Радищев», «Самоцветы» (1970), «Петербургские мыши», «Балерина» (1976), «Атлантида» и др.

⁴³⁹ См.: Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. С. 269-367.

⁴⁴⁰ Мухачев Д. А. Петербург в ранней поэзии В. Набокова // Филология и человек. 2012. № 2. С. 178.

⁴⁴¹ См.: Синельникова Е. Н. Образы ушедшей России в периодической печати русского зарубежья 1920-1930-х годов. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2013. С. 11.

Кроме того, для Веги становится актуальной антитеза «сон/явь», «мечта/реальность» с однозначным предпочтением, которое она отдает сну и мечте. В особенности это заметно при призрачном переходе сумерек в рассвет в пору белых ночей: «Блеклые розовые зори, вечерняя и утренняя, почти одновременно отражались в застывшей Неве, по которой тянулись призраки барж, оставляя за собою широкий муаровый след» (Вега, БЧ, 74: 63). Обращает на себя внимание эпитет «муаровый», который вбирает и «призрачность» общей картины, и мерцающий свет зорей. Таких находок будет у Веги немало. В эту дивную петербургскую пору взгляд автора полон желания исповедальности по отношению к предкам, обращен к мистическому воплощению идей русского космизма философа Н. Федорова: «...глаза мои — окна, за которыми толпятся призраки, жадно заглядывая в наш мир, прося воплощения, тоскуя о потерянной земле. Я дам им живой воды, и они сейчас войдут в эту тетрадь, заговорят, будут дышать и плакать и снова умрут на последней странице»⁴⁴². Размытость граней потустороннего и этого миров, где земное пространство переходит в космическое, а историческое время соседствует с вечностью, остро ощущается Вегой именно в петербургские белые ночи: «Под знаком белых ночей жизнь необычайна, — жизнь между небом и землей, сердце к сердцу. Исчезло понятие о времени» (Вега, БЧ, 75: 82).

Итак, *белые ночи* размывают само понятие времени, потому что ночь становится неотличима от дня, день продолжается в сумраке, и ночь, следовательно, не наступает никогда. И сутки растягиваются до бесконечности. Но показательно, что *белые ночи* имеют вовсе не белый цвет для Веги: «Ночь, словно жидкое, мутно-зеленое стекло, разливалась в высоком небе, и розовая кайма тумана тлела над Петропавловской крепостью. Пахнуло сыростью и

⁴⁴² Синельникова Е.Н. Указ. соч. С. 11.

сиренью (курсив мой — А. К.)» (Вега, БЧ, 74: 66-67). При выборе цветовой гаммы петербургской ночи Вега «солидаризируется» с Набоковым, который тоже подмечал: «...Вот ветерок возник по волшебству — / и с островов как будто бы *сиренью* (курсив мой — А. К.) повеяло...»⁴⁴³.

При анализе романа следует помнить об основном литературном поприще ее автора – поэтическом. Ведь «воспоминания поэтов представляют совершенно особый вид мемуарной литературы. В них в разной степени, но неизбежно отражается присущее лирической поэзии сближение, иногда до полного отождествления правды жизни и правды творчества: «жизнь и поэзия — одно!»⁴⁴⁴. Основываясь на ранее сделанных исследованиях прозаических произведений, созданных поэтами⁴⁴⁵, как и на анализе эго-документов, написанных поэтами в эмиграции⁴⁴⁶, можно констатировать, что данному произведению присущи субъективность повествования, ритмизованность, наличие поэтических цитат, очевидная лиризация, парцелляция. Но одновременно обнаруживается преобладание повествовательного принципа с намеренной установкой на событийность и целая система «выдуманных» персонажей. Т. е. автор создает очень своеобразную жанровую форму, в которой мемуарный лиризованный текст «провоцирует» эпическое содержание, в котором герой от автора отделен и

⁴⁴³ Набоков В. Петербург: Три сонета // Звезда. № 4. СПб., 2001. С. 109-110.

⁴⁴⁴ Терехина В. Георгий Иванов и Игорь Северянин: мемуарная дуэль // Георгий Владимирович Иванов: Материалы и исследования: 1894-1958: Межд. науч. конференция / Сост. и отв. ред. С. Р. Федякин. М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2011. С. 186.

⁴⁴⁵ См.: Арьев А. «В Петербурге мы сойдемся снова...»: (О стихах и автобиограф. прозе Ирины Одоевцевой, о Георгии Иванове и Николае Гумилеве) // Перечитывая заново: лит.-критич. ст. / Сост. В. Лаврова. Л.: Худож. лит., 1989. С. 231–255; Берковский Н. Я. О прозе Мандельштама // Берковский Н. Я. Мир, создаваемый литературой. М.: Советский писатель, 1989. 496 с.; Бродский И. Поэт и проза // Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: В 4 т. Т. 4. СПб.: Пушкинский фонд, 1995; Гречнев В. Я. О прозе и поэзии XIX – XX вв.: Лев Толстой, Антон Чехов, Иван Бунин, Леонид Андреев, Максим Горький, Федор Тютчев, Георгий Иванов, Александр Твардовский. СПб.: Соларт, 2009. 374 с. и др.

⁴⁴⁶ См.: Дальние берега: Портреты писателей эмиграции. М., 1994. 384 с.; Кузнецова А. А. Идеальное и художественное своеобразие мемуарной прозы второстепенных писателей русской эмиграции: Н. Берберова, И. Одоевцева, В. Яновский. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005. 241 с.; Местергази Е. Г. Документальное начало в литературе XX века. М.: Флинта; Наука, 2006. 168 с.; Шубинский В. И. Владислав Ходасевич. М., 2012. 523 с. и др.

отдален. Вот один из примеров: «Мой Петербург — это полустертая фотография, на которой чуть проступают местами бледные контуры. Когда я пристально вглядываюсь, напрягая зрение, они становятся четкими, из-за них выступают другие и, еще дальше, совсем непредвиденные, неожиданные рисунки. Фотография сделалась ясной, яркой <...> И еще Петербург живет в деревянном ноже для разрезания бумаги, на который в год революции кто-то пролил флакон духов. Через несколько лет, уже в изгнании, я читала книгу и грызла нож, по старой детской привычке. Щепочка откололась, и из самого сердца дерева прямо повеяло петербургскими духами. Они жили в глубине ножа, духи моего детства, моих первых стихов, и снега, и белых ночей, и зеленых, влажных, сиренью овеянных Островов» (Вега, БЧ, 68: 108). Это, конечно, вспоминает Вега, но и тот заброшенный в эмиграцию субъект, для которого с Петербургом связано все самое бесценное в жизни. Подобное мистическое отношение к прошлому, как отмечает П. С. Глушаков, занимает существенное место в историко-биографических жанрах⁴⁴⁷. В нашем случае, мистическое освещение прошлого вводит читателя в лирический мир автора, что помогает развитию концепции утраченного (См.: Вега, БЧ, 76: 78). Об этом, утраченном Петербурге, Набоков уже в 1921 г. писал следующее:

<...> Таких, как я, немало. Мы
 блуждаем по миру бессонно
 и знаем: город погребенный
 воскреснет вновь, все будет в нем
 прекрасно, радостно и ново, —
 а только прежнего, р о д н о г о,
 мы никогда уж не найдем...⁴⁴⁸.

⁴⁴⁷ См.: Глушаков П. С. Указ. соч. С. 61-75.

⁴⁴⁸ Набоков В. Собрание сочинений русского периода: в 5-ти тт. СПб., 1997. Т. 1. С. 576.

Но Вега в отличие от Набокова верит в то, что Петербург останется неизменным. Она пишет о том, что лучше всего знает, — о своем родном городе. Но пишет так, будто хочет узнать его еще глубже, проникновеннее. Она грустит о Петербурге. Она стремится к нему. Она больна им. Так Петербург становится одним из основных персонажей романа Веги. Но возвратившись уже в Ленинград, она находит город изменившимся:

<...> Не помолилась, не перекрестилась,

Не было больше ни веры, ни силы.

Только у темной иконы спросила:

«Господи, что с Петербургом случилось?..»⁴⁴⁹.

Ночь и молитва. Молитва эта — о возвращении в город, столь блистательно воссозданный в набоковской прозе: «...возвращаясь за полночь, я узнавал среди каменной, морозной, сизой от звезд ночи невозмутимые и неизменные вехи моего пути — все те же огромные петербургские предметы, одинокие здания легендарных времен, украшавшие теперь пустыню <...> Я говорил сам с собой — увещевая судьбу, Катю, звезды, колонны безмолвного, огромного отсутствующего собора...»⁴⁵⁰.

Как уже отмечалось, причинами обращения Веги, как и многих других литераторов в эмиграции, именно к мемуарному жанру явились, прежде всего, изменения окружающего мира, которые приводили к изменениям в частной жизни, что зачастую вызывало ставшие традиционными приступы меланхолии и ностальгии по утраченному. Необходимость высказаться как способ борьбы с подавленным состоянием, рассказать о том, что было обыденным, естественным и казалось неизменным на века, но больше не повторится. Желание рассказать, находясь на грани крушения всего составлявшего это ранее надежное и основательное, становилось неодолимым. Поэтому

⁴⁴⁹ Вега М. Ночной корабль: Стихотворения и письма. М.: Водолей, 2009. С. 166.

⁴⁵⁰ Набоков В. Адмиралтейская игла // Набоков В. Весна в Фиальте. Харьков: ФОЛИО, 2001. 315 с.

«признаки» родных мест проходят лейтмотивом во многих мемуарах. Вот и город на Неве у Веги и «страшный»: «...Петербург, страшный и злой» (Вега, БЧ, 69: 77), но при этом и «самый странный из всех городов земли» (Вега, БЧ, 79: 108).

Образ Петербурга создается через его атмосферу, погодные особенности. Зима в городе и Нева зимой — вот то, что страшит Вегу. И здесь закономерна отсылка к Достоевскому: «Особняк на Французской Набережной отражал в блестящих стеклах свинцово-серую Неву, по которой плыло первое сало, — она еще не замерзла, — и только у гранитных берегов, с решетками, опущенными снегом, установился крепкий лед. Небо повисло черно-каменными глыбами, готовясь обрушиться и завалить Петербург густыми белыми пеленами» (Вега, БЧ, 70: 122). В своей подавленности она не жалеет красок для сгущения и без того мрачных тонов: «Ночь сизо-пепельная от луны» (Вега, БЧ, 76: 94). И в другом месте: «День был самый что ни на есть петербургский, — промозглый, изжелта-сивый⁴⁵¹, с галками и салопницами, с мокрыми черными зонтами и чавканием копыт по шоколадной слякоти; с жиденьким, грустным звоном церковей, с той невыразимой печалью, которой насыщен только петербургский, единый в мире туман, рождающий Униженных и Оскорбленных, Макара Девушкина и всех бедных людей господина Достоевского. В такой день отступают на второй план колонны Растрелли, прекрасные линии ампира, кружева чугунных оград. Стираются туманом имперские орлы и в громких виршах воспетые граниты, но вылезают наружу облупленные стены и ворота дешевых “номеров”, задворки с мусором, рухлядью, нищими и шарманками, мутные окна трактиров, за которыми пьяно кривятся одутловатые лица, и Петербург, пропитанный тоской и сыростью, пузырится, наподобие болота, самыми непривлекательными своими образами» (Вега, БЧ, 71: 116-117). Как

⁴⁵¹ Ср.: «...Только камни нам дал чародей, / Да Неву буро-желтого цвета...» (И.Анненский. Петербург).

видим, те атрибуты города, которыми принято восторгаться, Вегой проигнорированы. Остался лишь Медный всадник. Ведь Медный всадник – символ Петербурга, а через пушкинский контекст – и символ государственности, власти. Поэтому и возникает он перед глазами: «Белые, неживые ночи, тая, плыли над Петербургом. На горбатый мост Лебяжьей Канавки шагом взбирался призрак тонконогого коня с лебединым изгибом шеи. В “спящие громады пустынных улиц” беззвучно катился открытый экипаж» (Вега, БЧ, 75: 81). Но Вега снижает значимость памятника Петру как символа посредством иронически-детского восприятия: он появляется на страницах романа в качестве «альпиниста с вахты» (Вега, БЧ, 77: 72-73). Так проступает свойство человека XX века, не склонного «обожествлять» что-либо.

Детское восприятие вообще многое трансформирует. Так происходит и у Веги. Ведь, как отмечает Р. Д. Тименчик, рассуждая об образе Петербурга в поэзии эмигрантов, в их стихах имперская столица часто предстает страной детства, а «инфантилизирующая себя память позволяет монтировать образы и толки, категории предметов и навязчивые видения в порядке случайного перебора»⁴⁵². Но если, скажем, для Набокова простое перечисление городских образов: туманы, рысаки, шинели, огни, окошки, карниз, купол собора, вывески, мостовая, фонарь, прохожие — все же является признаками городской среды, означающей счастливое детство, хотя и оскверненное революцией, если у Набокова Петербург — чистое совершенство, рай детства, по поводу которого автор постоянно сомневается, утрачен ли он безвозвратно или можно что-то еще вернуть⁴⁵³, то для Веги — это город грусти и печали. Она пишет: «Нигде в мире не может быть такого печального детства, как в Петербурге. Оно кладет отпечаток на всю жизнь. Об этой печали никто не умеет рассказывать, но, вспоминая самые веселые минуты прошлого, петербуржец смотрит вдаль, и на

⁴⁵² Тименчик Р. Д. Петербург в поэзии эмиграции // Звезда. 2003. № 10. С. 197.

⁴⁵³ См.: Мухачев Д. А. Петербург в ранней поэзии В. Набокова // Филология и человек. 2012. № 2. С. 178-186.

лице его бродит неуловимая тень той основной грусти, на фоне которой расцветали радости, шалости, праздники, но которая пропитала собою воздух детства, — грусти петербургской и необъяснимой» (Вега, БЧ, 76: 85). Этим своим настроением она близка авангардистам (например, В. Маяковскому), чьи переживания, связанные с Петербургом, были демоническими, утрированно негативными, в отличие от восприятия того же Набокова или поэтов-акмеистов⁴⁵⁴. Во второй части дилогии, романе «Бродячий ангел», героиня Муся тоскует по теряющему себя городу, отмечая, что «ни у кого из своих сверстников Муся этой тоски не видела» (Вега, БА, 89: 47). Ее ровесники занимаются своим детским миром, «не затронутым предчувствиями <...>. Разве можно было объяснить им, что все куда-то проваливается, что дома похожи на привидения и даже теней больше не отбрасывают, а стоят, как плоские картонные декорации, что среди снов есть один, особенно страшный, страшнее Гоголевского Вия: сон о Петербурге, где все здания как будто выпотрошили, оставив одну оболочку?» (Вега, БА, 89: 47).

Как видим, Петербург занимает особое место в тексте Веги. Обратившись к облику города, писательница смогла воссоздать не только фон событий, не только краски окружающего мира, но, что важнее, смогла придать ему статус Черного Человека, заказавшего Веге реквием по ее бабушке, которой собственно и посвящен ее биографический/автобиографический роман. А быть может, заказавшего реквием и по ней самой. Недаром возникает горечь воспоминаний: «...Длинный, томительный, петербургский... петроградский?.. Нет, ленинградский вечер... — Мой Петербург... — говорит Любовь Николаевна, закрывая лицо руками и плачет. Душа победит, русский народ сам найдет дорогу к правде, сотрет из своей памяти страшное слово “Ленинград”, но когда, когда?..» (Вега, БА, 91: 67).

⁴⁵⁴ См.: Мухачев Д. А. Указ. соч. С. 178-186.

3.4. Категория детства в романе «Бродячий ангел»

Толстовские идеи о значимости и ценности детского неискаженного восприятия мира, о детстве как проявлении истинности и естественности бытия, находят прямое воплощение в творчестве многих писателей-эмигрантов — И. А. Бунин, А. Н. Толстой, А. М. Ремизов, М. А. Осоргин, М. А. Алданов, И. Д. Сургучёв, Тэффи, С. Ю. Прегель, С. А. Зайцева, М. Н. Вега и другие обращались к данной теме. В этом они явились продолжателями традиции русской литературы, в которой интерес к детству человека стал активно проявляться к 40-50-м годам XIX века. Известные мастера слова и образа XIX века, такие как С. Т. Аксаков, Л. Н. Толстой, В. Г. Короленко, Н. Г. Гарин-Михайловский, предавались милым сердцу воспоминаниям, перенося их достоверные отпечатки на страницах своих книг. В основу повести о детстве был положен биографический принцип. Ведь повесть о детстве — повесть особого типа, имеющая свое принципиальное задание, свои устойчивые признаки и особенности как повесть с длительной историей развития, богатейшими традициями, ведущими начало от русской классической литературы. Эти произведения задумывались как повести о воспитании — о росте, развитии, становлении характера героя, проходящего через школу жизни и формирующегося в определенной социальной среде. Так как создатели произведений автобиографического жанра возвращаются в «былое», в «утраченное время», пристально вглядываясь в собственную жизнь, то многие из них пишут о детстве, проверяя жизнь глазами ребенка. Они отбрасывают сложный событийный ряд, который существовал в описании мира детства в произведениях зарубежных писателей того периода⁴⁵⁵.

⁴⁵⁵ См.: Бочаева Н. Г. Мир детства в творческом сознании и художественной практике И.А. Бунина. Дисс. ... канд. филол. наук. Елец, 1999. С. 87.

По мнению Н. Г. Бочаевой, интерпретацией темы детства в современных работах, как правило, является сосредоточенность на особенностях становления характера героя, так как именно в процессе раскрытия духовного роста ребенка таится пружина,двигающая развитие сюжета повести о детях и детстве. Так, она полагает, что существуют детские и «взрослые» повести о детстве, в которых автор на изображаемую жизнь смотрит с позиции взрослого человека. Повесть о детстве для детей имеет свой точный адрес — ребенка с его возрастными особенностями. Почти обязательными для каждой детской книги являются требование напряженного развития сюжета, простота, занимательность, увлекательность. Во «взрослой» повести о детстве автор пропускает события жизни, переживания маленького героя через призму восприятия человека с большим жизненным и социальным опытом, а не через непосредственное восприятие самого героя, видящего мир по-детски⁴⁵⁶.

Так А. Н. Толстой пишет «Детство Никиты» (1922) — «повесть о многих превосходных вещах». В характере своего героя Толстой раскрывает черты активной творческой натуры: живое воображение, смелую фантазию, любопытство ко всему загадочному, склонность мыслить образами, развитое чувство красоты и тонкое понимание природы. Повесть написана от лица автора, но так, что автор как бы сливается с героем. Глазами Никиты он смотрит на мир, передает мысли мальчика, говорит и думает вместе с героем. В повести нет лирических отступлений. Есть размышления, наблюдения, внутренние монологи, оценки, сравнения самого ребенка. «Детство Никиты» — настоящая повесть для детей.

Таков же и роман «Бродячий ангел» — рассказ М. Веги о ее собственном детстве. Уже в последних строках первой части дилогии, романе «Бронзовые часы», она дает такое пояснение к следующему своему роману «Бродячий

⁴⁵⁶ См.: Бочаева Н. Г. Указ. соч. С. 91.

ангел» — «хорошо запоминаешь только то, что любишь» (Вега, БЧ, 79: 109). Несомненно, она любила и свою бабушку, которой посвящена первая часть. Но, к сожалению, не застала ее в живых, и потому эти слова априори не могут быть отнесены к «Бронзовым часам». Другое дело — роман об ангеле, чья «кочевая юность была нелепой и прекрасной» (Вега, БЧ, 79: 110) и чей секрет с годами был разгадан автором — «он столько увидел и понял в своей бродячей жизни, что приобрел свое собственное лицо, не захотел показать его и навеки закрылся непроницаемой вуалью от тех, кто строит над погасшим пламенем псевдо-готические часовни, сажает над саркофагом кокосовые пальмы и посылает ангелов за тридевять земель, в поисках лиц на заказ» (Вега, БЧ, 79: 110). Объяснение этому можно найти в описании надгробного саркофага Александре Карловне Брошель, бабушки Марии Веги. Однако многоплановая трактовка позволяет увидеть в этом ангеле и образ самого автора («Все дети — ангелы до первого сдвига» (Вега, БЧ, 79: 104)), чья жизнь стала не менее кочевой вследствие катаклизмов XX века. Своей документальной прозой Вега приподнимает для читателя «непроницаемую вуаль» своей судьбы, характера, воззрений. А рассуждения героя-ребенка должны убедить в его непредвзятости: «Что помнили о детстве те четверо, — Любочка, Нюнечка, Коля и Миша, давно превратившиеся в тетей, дядей и пап ?» (Вега, БА, 83: 60). Но в то же время, правдивость и точность своих воспоминаний Вега основывает на памяти именно близких родных своего отца: «За время Мусино отсутствия Любовь Николаевна смогла <...> проверить воспоминания, частью свои, частью унаследованные от брата, тщательно повторить в уме эти страницы чужой жизни и пообещать себе донести их до Муси в полной сохранности <...> перевязала пакет голубой лентой и отложила для племянницы на неопределенное «Потом», которое наступило раньше, чем она могла предполагать: до крушения и распада, не только семьи, но и целой России,

оставалось очень мало времени, и уже подкрадывались дни бегства и разлуки, когда надо было спешно раскрыть тайники, вынуть из них самое ценное и, передав по наследству (хотя бы только воспоминания), спасти их от гибели» (Вега, БА, 91: 90). Хотя, судя по тексту, эти воспоминания касались лишь рассказа о ее матери, о первой встрече ее родителей, их любви и расставании, однако содержание «Бродячего ангела» напрямую вытекает из этих ключевых моментов, и хочется верить, что и все остальное Вега построила на фактах, сохранившихся в памяти близких ей людей.

Чем же отличается детское восприятие в целом от других этапов становления человеческой души? Каждому известны основные черты детского мироощущения: открытость, живость, ясность чувств, непосредственность мыслей, ощущений, их простота и яркость, многогранность разного рода восприятий. В частности, истинное понимание Веры, Правды, Красоты, Истины, Любви. По мнению Полторацкой, особое ощущение насыщенности времени, его протяженности, представление о разного рода пространствах (внутреннем, внешнем, замкнутом, бесконечном и других) также присущи детскому восприятию. Человек взрослый, приобретший излишнюю опытность, погрязший в собственных страстях и мирской суете, утрачивает полноту восприятия и понимания мира в большей или меньшей степени, в зависимости от внутренних сил и духовной стойкости конкретной души. «Чем чище, духовнее и праведнее человек, тем больше в своих личностных качествах он остается похожим на ребенка»⁴⁵⁷, — полагает тот же исследователь.

Разумеется, мотив детства — как предыстории жизни, к которой невозможно вернуться, разве только в воспоминаниях, характерен для большинства русских автобиографических повестей. Но для мемуаристов русского зарубежья он дополняется еще и тем, что утраченное детство, как и

⁴⁵⁷ Полторацкая С. В. Указ. соч. С. 48.

утраченная родина, — «понятия равновеликие, одинаково святы, одинаково невозвратимые»⁴⁵⁸. Отсюда и проистекает то, что в воспоминаниях этих писателей детству отводится какая-то особенная роль. «Образ детства, как экспозиция жизни, разрубленной пополам, задает тон всему дальнейшему повествованию»⁴⁵⁹, — полагает К. К. Кононова, которая посвящает изучению роли художественной автобиографии в становлении личности отдельную главу своего педагогического исследования. Утверждая, что «писатели русского зарубежья создали, по сути дела, коллективный памятник дореволюционной России, в котором документально точно зафиксированы особенности воспитания личности, сформировавшиеся в конце XIX – начале XX века», она, тем самым, выводит художественную автобиографию как документальную прозу из предмета литературоведческого в зону культурологической и педагогической интерпретации. Рассматривая автобиографическую прозу русской эмиграции с точки зрения заложенного в ней педагогического потенциала, она обуславливает актуальность своего исследования необходимостью возвращения этого опыта в современную действительность. Стоит согласиться с Полторацкой, что для каждого взрослого мир его ушедшего детства является тем самым «потерянным раем», каким казалась писателям-эмигрантам оставленная ими родина. С другой стороны, современная родная страна настолько изменилась за время революции и Гражданской войны, что изгнанные из старой Руси писатели искали вдохновения не в современных событиях, вызывающих далеко не радужные чувства, а в далеком, старом и милом прошлом великой державы»⁴⁶⁰. Для многих из них — это, прежде всего, дорогое и ушедшее детство. Так, первая

⁴⁵⁸ Кононова К. К. Этнопедагогические основы воспитания и развития личности ребенка: На примере автобиографической прозы русского зарубежья первой половины XX века. Дисс. ... канд. пед. наук. Ставрополь, 2002. С. 99.

⁴⁵⁹ Там же.

⁴⁶⁰ Полторацкая С. В. Указ. соч. С. 47.

часть воспоминаний поэтессы О. Софоновой — взрослое повествование о детстве, давно минувшем, прошедшем так же, как и у Веги, в Петербурге: «О, золотые дни детства! Вы оттиснены в сердце вечной печатью! — Стоит только оживить вас в памяти, и встаете вы живо, ярко, отчетливо»⁴⁶¹. Подобное мы видим и у И. Астру, которая уточняет: «В Москве была я совсем крошкой, не берусь писать о жизни нашей семьи там мемуары, или хотя бы наброски, но вот — несколько ярких пятен на экране памяти...»⁴⁶².

В то же время отдельного изучения заслуживают автобиографические произведения авторов, признанных большей частью в качестве поэтов. В некоторых исследованиях уже возникали отдельные аспекты этой темы. Так, предметом исследования О. В. Калининой⁴⁶³ является образная система автобиографической прозы М. И. Цветаевой о своём детстве, отражающая процесс формирования творческой личности поэта: «прорастание заложенного Богом “поэтического зерна” — пробуждение лирического строя души и путь к собственному поэтическому Слову, само-миропознание, мифотворчество в слове и через слово». Поэтическое же сознание «прорастает, не порывая связи, из младенческого, мифологического мироощущения, которое переводится творческим даром и глубиной тоски выхода из детства-мифа, через разрыв мечты и действительности, на его словесно-образное воссоздание».

Совершенно справедливо отнести к воспоминаниям Веги замечание, сделанное Цветаевой по отношению к собственной прозе: «Проза поэта, — писала Цветаева В. В. Рудневу в 1933 году, — другая работа, чем проза прозаика, в ней единица усилия (*усердия*) не фраза, а слово, и даже часто слог <...>. Не могу разбивать художественного и живого единства, *как* не могла бы,

⁴⁶¹ Софонова О. Пути неведомые. Мюнхен, 1980. С. 24.

⁴⁶² Астру И. Подарок памяти // Возрождение. 1965. № 168. С. 26.

⁴⁶³ Калинина О. В. Формирование творческой личности в автобиографической прозе М. И. Цветаевой о детстве поэта. Дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003. 249 с.

из *внешних* соображений, приписать по окончании, ни одной лишней строки»⁴⁶⁴. Выше, в разделе 3.1. настоящего исследования мы уже касались анализа лирически-окрашенной прозы Веги, характерной для прозы поэтов. Здесь же сосредоточимся на том, как Вега удается показать мир формирующейся личности будущего художника во второй части ее дилогии.

С первой же страницы романа она вспоминает свою мать как нечто неземное, совершенное — «все чудеса были просты и естественны, когда совершались ее руками» (Вега, БА, 82: 32). Но в то же время «не было ничего в Мусиной жизни более ускользающего и неверного, чем эта странная мать, на короткий срок ставшая явью, перед тем, чтобы кануть в пустоту и ночь» (Вега, БА, 82: 32). С ее вынужденным отъездом Мусю охватывает «страшная тоска и первое представление о разлуке» (Вега, БА, 82: 33). А когда мать вновь приезжает на короткое время, соскучившийся ребенок во что бы то ни стало, понимает, хочет ее удержать: «Муся, конечно, давно поняла, что мать уедет. Ей можно было этого не говорить; недаром она не снимала шляпы. Но все поправимо, если они увидятся в последнюю минуту. Муся придумала как ее удержать, запереть, даже позвать «господина» городского, в шапке с кокардой. Надо только сидеть очень, очень тихо... Надо терпеть, ждать, верить, молчать...» (Вега, БА, 84: 49). Эта безропотная готовность на все ради присутствия матери постепенно перерастает в отчужденность. Вновь и вновь на страницах романа будет возникать ее неуловимый образ, наиболее эмоциональный из всех воспоминаний Муси. Доводя себя в этих воспоминаниях и мечтах о встрече с матерью до «головокружительных моментов», Муся, «забываясь в угол дивана, по-взрослому прижимала ладонь к сердцу, где больно колотилось какое-то скрытое крыло, и беспомощно раскрывала рот, чувствуя, что ей не хватало воздуха» (Вега, БА, 83: 48). И даже

⁴⁶⁴ Цветаева М. Повесть о Сонечке: Сборник. СПб.: Азбука, 2000. С. 148-149. Цит. по: Калинина О. В. Указ. соч. С. 9.

про как будто присутствующего в ее жизни отца она пишет вскользь: «Как-то раз промелькнул папа, между двумя поездами и, успев улучшить минуту вечером, посадил Мусю к себе на колени. Возможно, что он долго оставался в Петербурге, — кто его знает! — ведь для Муси существовали только приезд, вечер, отданный ей, и отъезд, а все другое она забыла» (Вега, БА, 82: 44). Герой романа сосредоточен на своих чувствах и мыслях гораздо больше, чем на окружающих ее людях. Все родственники на одно лицо — «усы-бороды, сюртуки-мундиры», пахнут пудрой, кошкой, сладкой булкой, чемоданом, холодной пепельницей, мылом. И всех их нужно любить и по вечерам «за всех них молиться». А они «имеют отвратительную привычку целовать Мусю взасос и прижимать к своим корсетам <...> Они всегда неприятно ахают, некстати умиляются и хотят видеть Мусю голой» (Вега, БА, 82: 41).

Постепенно складывается понимание, что чувства и впечатления — вот главный «герой» лирического повествования Веги. В этом он соотносится с «Жизнью Арсеньева» Бунина. Впечатлительность — по Бунину — ценнейший дар, который дается природой натурам художественным. Мальчику Алеше на всю жизнь запоминается таинственная и печальная звезда, которую он видел, лежа в кроватке, и которая натолкнула его на размышления: «Что надо было ей от меня? Что она мне без слов говорила, куда звала, о чем напоминала?»⁴⁶⁵ Это трепетное воспоминание дается одновременно в восприятии Арсеньева-ребенка и Арсеньева-рассказчика, умудренного художника, прожившего долгую жизнь. Героя романа природа наделила тонким чувством красоты и живым воображением⁴⁶⁶.

Сходным образом главное в романе Веги — не факты из жизни Муси и ее родных, не события, а то, как они отпечатались в сознании и эмоциях тонко чувствующего ребенка и как предстают в памяти взрослого повествователя:

⁴⁶⁵ Бунин И. А. Жизнь Арсеньева: Юность. Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1952. С. 12.

⁴⁶⁶ См.: Бочаева Н. Г. Указ. соч. С. 128.

«Муся никуда не спешит. Она совсем одинокий ребенок, не перестающий наблюдать за ходом будничного дня, за каждым предметом в доме. И если она, наподобие других детей, построила свою непроницаемую крепость, то это для того, чтобы сидя в ней, разглядывать и прощупывать свой серенький, бесшумно ползущий день, полный огромных значений» (Вега, БА, 83: 60-61).

Со второй главы начинаются описания детских игр Муси. Игра входит в жизнь героя неотъемлемой частью, как в жизнь любого ребенка. Для ребенка игра — жизнь, а жизнь проходит в игре. Так и у Муси жизнь делится на две части — «одна идет себе, идет, бежит себе, бежит. Вторую можно останавливать, уводить назад, выпускать далеко вперед и снова задерживать» (Вега, БА, 82: 44). Первая «трудно приручается», так как проходит среди реальных событий. «Вторая подчиняется Мусе» безоговорочно, и, «конечно, ей, второй, а не первой, главное место в этой книге» (Вега, БА, 82: 44). В игре девочка находит утешение и радость, когда даже наказание становится частью игры: «в углу стоять интереснее, чем жить по расписанию» (Вега, БА, 82: 48).

Впечатление Муси от общения со звездами у Веги вновь совпадает с восприятием Алеши в «Жизни Арсеньева», когда в памяти героя «Бродячего ангела» остается взгляд какой-то далекой тихой звезды, от которой льется в окно «синяя-синяя музыка». Похожие «звездные» мотивы можно увидеть и во многих других воспоминаниях о детстве авторов русского зарубежья. Скажем, у Е. Гагарина звезды, и в частности, Большая Медведица — это то, что неизменно и потому напоминает о прежнем: «...какая-то невероятная даль отделяет меня от тех дней, а посмотришь на небо, найдешь ту заветную звезду, и оживет и встанет все, как будто было вчера...»⁴⁶⁷. А у Б. Вышеславцева то, что он видит, — это «”звездное небо надо мною”, которому удивлялся Кант, небо философов и ученых... страшные шары, несущиеся неизвестно куда во

⁴⁶⁷ Гагарин Е. Поездка на Святки / Гагарин Е. Возвращение корнета. Поездка на Святки. Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1953. С. 100.

мраке и безмолвии бесконечных пространств. Но первая звезда раннего детства — ее можно увидеть только из отчего дома, из темноты родного двора...»⁴⁶⁸.

Философски-созерцательное и поэтически-образное восприятие окружающего быта героиней Веги наталкивает ее на размышление о бесконечности Вселенной, о тайнах звездных миров, о сущности бытия, о загадках будущего. В целом же Мусю формирует все то, что формирует любого нового, родившегося человека: семья, быт, культура, история страны. Она встречается в жизни все то, что обычно присуще человеку как человеку вообще, независимо от места его рождения. Притягательность и художественная значимость произведения заключаются именно в том, что автор показывает, как в процессе «общей» жизни человек ощущает и осознает в себе «особенное», в данном случае художественную восприимчивость и одаренность. Отсюда любовь Муси к перфекционизму — «или уж такое прекрасное, чтобы не к чему было придраться, или ярко противное, без единого слабого пятнышка» (Вега, БА, 83: 59).

Но в отличие от героев Бунина («Жизнь Арсеньева»), Шмелева («Лето Господне»), Корсака («Юра») национально обозначенная природа оказывает на нее незначительное влияние. Причина, очевидно, в том, что Муся редко бывает вне городского пейзажа. Раннее детство в Сибири проходило в городе Иркутске, затем — Петербург, Москва, на короткое время — Поварово, и снова Петербург: «В этой коротенькой детской жизни только и делали, что в ускоренном темпе меняли декорации под аккомпанемент колес, бежавших по рельсам» (Вега, БА, 87: 62). Жизнь высшего света, театральные кулисы, интриги взрослых — вот тот мир, в котором она растет: «Тянулись те незначительные дни, которые сотнями серых бус нанизываются на нить времени. Дни цвета пыли, городской копоти, дождя пополам со снегом, под вечер вспыхивающие печальными

⁴⁶⁸ Вышеславцев Б. Тайна детства // Возрождение. 1955. № 46. С. 59.

глазками огней. Если ребенок окружен другими детьми, он живет в особом мире, где все озарено придуманным светом, разукрашено вымыслом, подчинено неписанному закону и настолько отдаляет реальный серый день от собственной, непрерывной сказки, что он служит лишь скромным фоном, и потому, со временем, глубоко забывается» (Вега, БА, 83: 59-60). Это утверждение Веги подтверждается мнением Ф. М. Достоевского, который писал: «Один ученый немец сказал, что всякий ребенок, достигая первых трех лет своей жизни, уже приобретает треть всех идей и познаний, с которыми ляжет стариком в могилу»⁴⁶⁹.

Диалектика души ребенка заметна по тому, как изменяется его отношение к повседневности. Вначале автор отмечает способность Муси, как и любого ребенка, удивляться чудесам окружающего мира, которые, привыкая, перестают замечать взрослые, затем — потребность наблюдать и размышлять над происходящим и поведением окружающих ее людей. Жизнь вокруг — источник радости и выдумки, игры и чудесных явлений. Природа вещей, их одухотворение, как часть игры, присуща героине: «Подойдешь к деревянному ящичку, положишь подбородок на рампу, и перед глазами мгновенно оживет и задвигается придуманный мир» (Вега, БА, 83: 67). А в шубке, подаренной дочери дворника Кривандульке, когда Мусе она стала мала, она видит свое второе «я», прошлое, отошедшее, канувшее в вечность: «В эту шубку, помнившую маму, туннели сугробов и синий воздух Сибири; помнившую девять суток в поезде <...> вошла придуманная девочка и заковыляла на кривых ногах <...> Значит, какой-то Муси больше нет» (Вега, БА, 82: 46). Через игру происходит ее познание мира. Тем более, что она сама осознает себя ребенком, а значит способна играть и игрой замещать мир вокруг: «Маленькой она будет, наверное, всегда. Говорят, у нее есть “полудвоюродные” братья и

⁴⁶⁹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. М., 2010. С. 225.

сестры, им по восемь и по десять лет, и про них все еще говорят “маленькие”» (Вега, БА, 83: 64).

Но реальный мир преподносит свои недетские уроки. Обмен крестами с новой подружкой, кузиной Ирой, «потряс ее своим простым великолепием <...> Она бросилась в открытую перед ней дружбу, как бросаются в море с трамплина, взмахнув руками, летя головой вперед». Новые слова «Навсегда» и «Все пополам», сказанные при клятве в дружбе, «стали для нее символом веры» (Вега, БА, 86: 38). Но тут же через несколько дней происходит первая встреча с изменой. Хотя не только детские размолвки ранят ее сердце. Взрослые также способны на это: «У нее, еще с зимы, был припрятан хвостик от горноста, от которого слабо пахло мандарином. Московская тетя Лиза жила в том хвостике, а от новой, той, которая отвернулась и все забыла, ей ничего не хотелось иметь ни на память, ни в памяти» (Вега, БА, 87: 60).

Любопытно восприятие героиней Веги Москвы и Петербурга. Выше, в предыдущей главе данного исследования, уже отмечалось влияние, оказанное на Вегу ее родным городом на Неве. Для нее Петербург — промозглый, изжелта-сивый, печальный. Москва же, хотя и зимняя, но радостная: «О жизнь московская, дни московские, морозно-розовые, с ярким солнцем, как не похожи вы на петербургские, прокатившиеся серыми бусами в пустоту» (Вега, БА, 85: 58). Однако «несмотря на всю свою прелесть и праздничность, Москва и московская жизнь были ненастоящими. Пестрые веселые лоскутья, много синего, розового, ярко-зеленого, сахарно-белого <...> как бы ни было хорошо в Москве, но это был праздник, елка, именины» (Вега, БА, 86: 37-38). По возвращении домой в Петербург Мусю «охватил тот ужас разлуки и почти что потери, которого она не ощутила, покидая Петербург для Москвы» (Вега, БА, 87: 62).

Несомненно, что в те не столь уж далекие времена, когда не было современных технологий, интернета, телевидения и кинематографа, очень часто первым художественным потрясением являлась сцена, театр. А домашний театр в собственной постановке являлся квинтэссенцией творческих устремлений одаренного ребенка⁴⁷⁰. Но быть может лишь поэтически-одаренного? Либо виной тому близость к театральным подмосткам, что наводят героиню Веги на мысль о таком театре? «Надо сочинять самой», и Муся старательно выводит: «Евгения. Пьеса Марии Николаевны Ясинцевой», но в итоге все переходит в «те два слова, которые послужат разрешением всех задач <...> “Камедия Делярте”», в полную и неопределенную импровизацию (Вега, БА, 85: 64-66). Вспоминая собственное детство, будущий солист Большого театра Д. Смирнов уточняет с определенной долей сарказма, что он не проявлял особых устремлений к музыкальной карьере: «В мемуарах — музыкантов, художников, артистов — мне не раз приходилось читать, что свои таланты они начали проявлять чуть ли не с пеленок. Художники еще в младенческом возрасте чертили какие-то необычайные каракули, ярко отличающиеся от каракулей других детей; будущие музыканты, еще сидя на руках у няни, в чем-то уже выражали свою музыкальность и т. д. Ничего похожего со мной не было»⁴⁷¹. А театральный мир в глазах героя книги Газданов — взрослый, яркий, чужой и даже чуждый: «Далекое детство вспомнилось ему <...> Так в давние, безвозвратные времена он слышал из детской, как мать возвращалась из театра, из такого чужого и блестящего мира бархатных лож и люстр, неузнаваемая в вечернем платье, нарядная и почти чужая женщина, непохожая на всегдашнюю маму»⁴⁷².

⁴⁷⁰ Ср.: Вега М. Бродячий ангел // Возрождение. 1959. № 85. С. 66-70; Наваль В. Картинки из жизни Верочки Морской. Харбин: изд-во М.В. Зайцева, 1938. С. 51-52; Прегель С. Мое детство. Том II. 1973. С. 9.

⁴⁷¹ Смирнов Д. Воспоминания // Возрождение. 1952. № 20. С. 77.

⁴⁷² Газданов Г. История одного путешествия. Париж: Дом Книги, 1938. С. 110.

Но все же писательское призвание, его неизбежность, очевидны («Я хочу быть совсем одна и думать...» (Вега, БА, 87: 57))⁴⁷³. У Муси это выглядит еще и как страстное желание иметь свой собственный письменный стол: «А потом, потом, когда вырастет!.. Сама напишет тысячи книг, и выдумает свои города, свои сады, и тогда уже совсем не надо никого <...> Хорошо бы еще и письменный стол... Чтобы сесть перед ним, грызя конец карандаша, зажечь лампу и писать... Был бы такой стол, она сразу знала бы, что выдумать на бумаге... Писатель должен иметь письменный стол, иначе как же ему быть?» (Вега, БА, 88: 36). Стол появился, а чуть позднее появились и стихи: «Стол и та пытка поэтических потуг, на которые он ее обрек, входили тесными звеньями в страшный вечер первого приезда матери, это и было главным пятном света на циферблате времени» (Вега, БА, 91: 80). Желание стать писателем прочно входит в сознание героини, и когда в сказочном пруду она видит Ведьму, которой можно загадать свои сокровенные желания, то Муся готова пожертвовать для этого единственным кольцом: «Ведьма, пожалуйста, милая ведьма, послушайте! У меня есть бабушка, — она карлик, и волшебное кольцо! Вот я пришла, чтобы два желанья <...> Вот, пожалуйста, я загадываю: чтобы моя мама за мною приехала, это — раз. И чтобы я очень хорошо писала книги. Это — два» (Вега, БА, 88: 42)⁴⁷⁴. Интересную трактовку детских «видений» предлагает Б. Вышеславцев. «Страшилки», которые видятся детям (Баба-Яга, лешие, ведьмы), по Вышеславцеву, разбуженные няньками образы, «дремавшие в душе, в народной душе с незапамятных времен. И эти образы космического-бессознательного связаны с родной землей, с родными лесами, болотами, оврагами, омутами... Только в русском доме может появиться “домовой”. В парижской квартире это непонятно»⁴⁷⁵.

⁴⁷³ Ср.: Врангель Л. Воспоминания детства // Возрождение. 1953. № 26. С. 52-64.

⁴⁷⁴ Ср.: Там же.

⁴⁷⁵ Вышеславцев Б. Тайна детства // Возрождение. 1955. № 46. С. 60.

По мнению К. К. Кононовой, главный вопрос «детских» глав, на который пытаются ответить с учетом своей творческой индивидуальности автобиографы-эмигранты, это вопрос формирования национального образа мира в детском сознании. Она особенным образом подчеркивает, что образ России — центральный в автобиографической прозе русского зарубежья. Так, в творчестве Зайцева, Шмелева, Осоргина и др. он имеет синтетическую структуру — «Россия показана глазами ребенка, глазами взрослеющего человека, и, в конце концов, ее образ рождается в сознании эмигранта, изгнанника, лишившегося Родины навсегда. В этом плане “детские” главы играют главную роль, детские впечатления во многом определяет концепцию личности, представление о личности, реализующееся в автобиографических повествованиях первой половины XX века»⁴⁷⁶. О том же сообщает Е. И. Силаева, по мнению которой «тема детства, воспоминание о нем неразрывно связаны с ощущением связи с родной стороной»⁴⁷⁷. У Веги такой образ, безусловно, связан с образом родного города. И когда в революцию происходит непоправимое — «Петербурга больше нет и никогда не будет» (Вега, БА, 92: 59) — ее героиня взрослеет. Умирает самое дорогое на свете — умирает «ни с чем не сравнимое, единственное в мире, петербургское Мусино детство» (Вега, БА, 92: 63). По времени это совпадает с 18-летьем автора, что конечно указывает на совпадение судеб героя и повествователя.

Разумеется, герой-ребенок в романе Веги, как и во всякой художественной автобиографии, является лишь компонентом, частью образа автобиографического героя. Его поведение, его мысли и мечты комментируются автором-повествователем, который дает свою версию происходившего в легендарные детские годы. Конечно, как полагает Кононова,

⁴⁷⁶ Кононова К. К. Указ. соч. С. 104.

⁴⁷⁷ Силаева Е. И. Автобиографизм литературы русского зарубежья (о воспоминаниях М. А. Осоргина) // Россия и современный мир. 2007. № 4. С. 200.

излагаемые им факты преподносятся вполне субъективно, но ведь нет ничего более субъективного, чем документальное повествование. А в особенности, когда речь идет о детстве, которое переживается впоследствии мемуаристом столь же эмоционально, как эмоционально переживается, например, чувство родины. «Парадокс постижения детства состоит в том, что взрослый человек, да и общество в целом, не может познать себя, не поняв закономерностей своего детства (или своего прошлого); в то же время детство (или прошлое) не может быть понято без знания свойств и характеристик черт культуры своего времени. Чем дальше отчуждается детство (личности или человечества), тем безудержнее к нему стремление»⁴⁷⁸. Однако «рассказы о детских воспоминаниях часто невыносимо скучны. Рассказывается о строгости отца, о красоте матери, о елках, подарках, о ссорах с братьями и наказаниях. Все это никому не интересно, потому что не интересно самому себе»⁴⁷⁹. По мнению Вышеславцева, мир детства лучше всего изобразить импрессионистическими мазками. Еле улавливаемыми, но навевающими что-то знакомое и близкое⁴⁸⁰.

Еще один значительный момент, на который обращают внимание некоторые исследователи (Бочаева, Хатямова) — природная цикличность времен года подобная циклам жизни человека. Подобное можно встретить в «Жизни Арсеньева». Художественное время в «Лете Господнем» Шмелева также представляет собой циклически замкнутый годовой круг православного календаря. А «утраченный рай» — это Россия праздников и радостей, где главный герой живет в предвкушении каждого нового дня, который, по мнению ребенка, обязательно принесет с собой какую-то знакомую, давно ожидаемую радость⁴⁸¹ (ср.: «Я знала, что, исполняя эти и другие движения, я держу вечную связь с ушедшими поколениями, я способствую бессмертию тех, кто давно

⁴⁷⁸ Кононова К. К. Указ. соч. С. 124.

⁴⁷⁹ Вышеславцев Б. Указ. соч. С. 52.

⁴⁸⁰ Там же. С. 53.

⁴⁸¹ См.: Полторацкая С. В. Указ. соч. С. 36.

закончил свой цикл на земле <...> Так проходит утро среди приятных домашних работ, посвященных памяти любимых существ, культу предков, воспоминаниям детства»⁴⁸²). От указанной цикличности проистекает четкая предсказуемость художественного времени в событийном аспекте. Счастливое детство, прошлое отождествляется со статичностью, неизменностью бытия, ритуальными встречами каждого нового дня, которые ежегодно повторяются. Конкретное, неповторимое и индивидуальное растворено в православных (у Шмелева) или природных (у Бунина) архетипах в общем и едином бытии годового круга. Неизменность и устойчивость жизни являются необходимым условием душевного комфорта героя, сознание которого замкнуто на Вечность⁴⁸³.

По Бахтину, временно-пространственный мир, каким бы он ни был реалистичным и правдивым, никогда не может быть хронологически тождественным с изображаемым реальным миром, где находится автор — творец этого изображения⁴⁸⁴. Наиболее яркий пример тому можно видеть в «Воспоминаниях» А. А. Половцова, сына Государственного Секретаря при правлении Александра III. Будучи еще ребенком, он узнает от своего слуги об убийстве Александра II. И тут же, смешивая хронологический топос событий, автор делает экскурс в происшествия и интриги Двора, предшествовавшие убийству, о чем он, разумеется, узнал уже в более зрелом возрасте. Но об этом не говорится. Переход между событиями моментальный. Раз уж он родился и рос в Царском селе, а родители его были придворными и «родители уже ехали в Зимний Дворец», а «Государь также проводил много месяцев в году в Царском и все знали, что дети Ек. Мих. [Долгорукой] были его детьми», то читатель должен

⁴⁸² Шахатуни Н. Далекое-близкое: Тоска по Родине // Возрождение. 1963. № 140. С. 33-34.

⁴⁸³ См.: Полторацкая С. В. Указ. соч. С. 36.

⁴⁸⁴ См.: Бахтин М. М. Собрание сочинений. Том 3. Теория романа. М., 2012. С. 489.

безоговорочно верить всему сказанному⁴⁸⁵. Такая объективация в тексте зачастую присутствует именно при описании своего детства, когда авторское свидетельство в момент написания вступает в конфронтацию с его же прошлым и автор пересматривает и реструктурирует прошлое в соответствии с идеологическими и эстетическими принципами его нынешнего опыта. К тому же сюда подключается еще и исторический опыт (ср. у Дж. Харрис (Jane Gary Harris)⁴⁸⁶.

Подобное описание «детскими глазами» можно встретить у многих авторов. Скажем, у такой эмигрантской писательницы, как Вера Наваль, есть описание усадьбы, в которой она (повествование ведется от первого лица) провела значительную часть своего детства. Разумеется, человеческая, а в особенности, ясная детская память способна запечатлеть многие детали, недоступные взрослому взгляду. Но дети все видят по-иному. У Веги — это взгляд мистический, опосредованный, остранный, когда предметы представляются не тем, чем они являются в действительности, для чего предназначены. У героини Веги у каждого из них есть особая миссия. Это игра, но для ребенка — его настоящее, реальная, не выдуманная жизнь. У Наваль же усадьба дана с такими подробностями, с таким невыносимым для детского знания включением архитектурной и искусствоведческой терминологии (портик, фасад, рондель), что невольно понимаешь — ребенок запомнить столь мелкие композиционные детали в его возрасте никак не мог, не стал бы запоминать, до того ли ему было?⁴⁸⁷ Очевидно, что описание усадьбы сделано автором позднее по сохранившимся картинам и по архитектурным описаниям.

⁴⁸⁵ Половцов А. А. Воспоминания // Возрождение. 1949. № 2. С. 128-141.

⁴⁸⁶ См.: Autobiographical statements in twentieth-century Russian literature / edited by Jane Gary Harris. Princeton: Princeton University Press, 1990. P. 15.

⁴⁸⁷ См.: Наваль В. Картинки из жизни Верочки Морской. Харбин: изд-во М.В. Зайцева, 1938. С. 63-64.

Хороший путеводитель к тому для любого писателя – известный “журнал красивой жизни” «Столица и усадьба»⁴⁸⁸ В. П. Крымова.

Такие же сложные взаимоотношения у авторов могут быть с категорией времени. По мнению М. А. Хатямовой, название автобиографической книги Осоргина «Времена» указывает на особую авторскую интенцию в осмыслении этой категории. Закономерно предположить, что именно такая концепция времени автора определяет своеобразие, неповторимость его воспоминаний⁴⁸⁹. Так что, как видим, монтирование в один фрагмент текста разных временных пластов не вызывает разрыва, столкновения прошлого и настоящего; время дискретно, но и слитно, ибо это время человеческого сознания⁴⁹⁰. У Веги это происходит в переплетении городов, жизненного опыта, обозначенного мегаполисами — «Петербург, Москва и снова Петербург были тремя долгими периодами, в течение которых одни люди увядали, другие разрушались, третьи росли, как трава среди развалин, но Мусины сны так переплетались с жизнью, настолько доминировали над реальностью, что годы заменялись для нее словом “вчера”, и над ним не властно было летящее время» (Вега, БА, 91: 79).

Таким образом, очевидно, что литература русского зарубежья в творчестве М. Н. Веги пыталась нащупать координаты собственной судьбы, обнаружить преэминентность в своем настоящем положении и пребывании. Историко-биографическая беллетристика, к которой можно отнести и указанные романы Веги, с ее функцией синтетического саморазвития и диалога эпох и культур позволила вписать такие поиски в жанровые формы, которые уже сами по себе несли память о непрекращающейся и позитивной истории

⁴⁸⁸ «Столица и усадьба» — петербургский (петроградский) «журнал красивой жизни», как отмечалось в программной статье, посвященный «светской жизни наших столиц, спорту, охоте, коллекционерству, и, особенно, жизни русской усадьбы в её прошлом и настоящем». Журнал издавал Владимир Пименович Крымов (1878—1968), журналист и литератор. Издание выходило в 1913-1917 гг.

⁴⁸⁹ Хатямова М. А. Концепция времени в автобиографическом повествовании М.А. Осоргина «Времена» («Детство») // Вестник ТПГУ. 2010. Вып. 8 (98). С. 107.

⁴⁹⁰ Там же. С. 108.

русской литературы⁴⁹¹. И Вега, как писательница, в отличие от документалиста или историка, пыталась решить встающие перед ней вопросы не только с помощью имеющихся знаний или документов, писем или публикаций, но и при помощи интуиции, образно-метафорического видения жизни. Поэтическое осязание мира помогло ей в этом. Документальная основа явилась лишь местом развития сюжета, по сути своей вымышленного и беллетризованного.

⁴⁹¹ Глушаков П. С. Указ. соч. С. 61-75.

Заключение

Таким образом, как видим, провести четкую грань между художественным и документальным в мемуаристике, а в особенности, в беллетризованных воспоминаниях, автобиографии и биографии, довольно затруднительно. Причиной тому не только жанровые переходы, присутствующие в любом из указанных направлений эго-документалистики, но и зачастую пересечения на уровне синтеза, вбирающие в себя оба качества — художественное легко переходит в документальное, а факты перемежаются вымыслом и домыслом. Общеизвестно, что четкая жанровая иерархия наблюдалась лишь на заре античного искусства и в период классицизма. Нестабильность жанровой системы, известная подвижность ее границ — нормальное состояние процесса жанрообразования на протяжении всей истории развития литературы⁴⁹². Но в мемуаристике добавляется человеческий фактор, напрямую увязанный со свойствами памяти, и автор в этом случае не волен заставить текст быть фактографическим или беллетристическим. Ко всему прочему сочинения, созданные в зарубежье, еще и несут на себе дополнительную нагрузку оторванности памяти автора от среды, которая зачастую «помогает» вспоминающему восстанавливать те факты, которые осуществлялись именно такими, какими были, и там, где это реально было. Обстановка, люди, среда, страна — все это изменилось. И память, в попытке зацепиться хоть за какие-то отголоски прошлого, вынуждена достраивать то, чего не было, и убеждать автора и читателей, что так и было на самом деле, что, несомненно, рождает миф. Таким образом, творческая мифологема напрямую увязана с синтезом художественного и документального, опирающегося на ненадежные механизмы человеческой памяти.

⁴⁹² Калганникова И. Ю. Жанровый синтез в биографической и автобиографической прозе Б.К. Зайцева. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011. С. 16.

Однако, следует признать, что вместе с тем русская эмиграция целенаправленно сторонилась взаимообогащения с культурой и литературой западной. Русская литературная элита, будучи европейской по характеру своего развития в метрополии, очутившись в изгнании повела себя обособленно. Об этом пишет Н. Струве, напоминая, что основное задание эмиграции состояло в том, чтобы «сохранить свою особость ради воссоздания будущей России, ради восстановления связи времен, отчего Запад считался скорее местом временного пребывания, чем полем действия»⁴⁹³. В этом была суть «послания» взамен «изгнания», что неизбежно предполагало волевою отчужденность от Запада. При этом, по мнению профессора Ливака (Leonid Livak), в первую очередь, это все-таки касалось первого состоявшегося поколения русских писателей-эмигрантов, в то время как поколение, реализовавшее себя в качестве художников слова лишь в изгнании, «приняли западно-европейскую, а в особенности французскую культуру как часть своей творческой индивидуальности»⁴⁹⁴. В доказательство к тому Ливак приводит пример существования на протяжении двух лет (1929-1931) франко-русской студии в Париже. Как известно, эта студия была создана для регулярного интеллектуального общения русских эмигрантов с широкими кругами французской культурной элиты. Заседания проходили раз в месяц и были открыты для всех желающих. На каждой встрече держали слово два докладчика — русский и француз, которые представляли по-французски свое мнение на предложенные темы, а затем все присутствующие в зале приглашались к обсуждению услышанного. За два года работы доклады на литературные и философские темы были прочитаны, с русской стороны, Г. Адамовичем, Н. Бердяевым, В. Вейдле, Г. Федотовым, Н. Берберовой, Б. Вышеславцевым и

⁴⁹³ Струве Н. Встреча первой русской эмиграции с Европой // *Europa Orientalis: Studi e ricerche sui paesi e le culture dell'est Europeo*. Салерно, 2003. № 2. С. 15.

⁴⁹⁴ How it was done in Paris: Russian émigré literature and French modernism / by Leonid Livak. The University of Wisconsin Press, 2003. P. 5.

многими другими. Также среди русских участников были отмечены М. Цветаева, И. Бунин, Б. Поплавский, М. Алданов, Г. Газданов, Б. Зайцев, М. Цетлин, Тэффи, В. Познер, И. Зданевич. Каждое заседание полностью стенографировалось и затем публиковалось в недоступном на сегодняшний день малотиражном журнале «Cahiers de la Quinzaine». Усилиями иностранных исследователей русской культуры в 2005 г. в Канаде был издан сборник стенографических отчетов франко-русской студии (Livak Leonid (compilateur et présenter). *Le Studio Franco-Russe: 1929-1931*. Toronto, 2005. 625 pp.). В одном из отчетов, в том числе, есть такие слова: «Нам, оказавшимся в Париже, разумеется, больше всего интересны французы — их вкусы, устремления, отношение к России. Если угодно, русским писателям (и литературе) легче всего и труднее всего именно во Франции. Легче потому, что нет больше литературной, истинно-культурной страны. Труднее — из-за перенасыщенности французов литературой <...> И все же, раз мы тут живем и являемся, в меру сил, представительством России, нам не следует сидеть за домашней стеной, в одних русских делах, спорах, пререканиях, ностальгических томлениях»⁴⁹⁵.

Тем не менее, современные европейские исследователи склонны считать, что в многочисленных воспоминаниях русских эмигрантов “первой волны” Европа представлена как «ценностно пустое пространство, как дорога и пункт временного пребывания». В них содержатся указания на «безразличность и случайность пребывания в европейских городах»⁴⁹⁶. Хотя, по мнению Ливака, (L. Livak) «миссия» русской эмиграции родилась в недрах самого зарубежья, никто не покидал советскую Россию, задавшись таковым «посланничеством»⁴⁹⁷.

⁴⁹⁵ Dossier de presse / L. Livak. *Studio Franco-Russe: 1929-1931*. Toronto, 2005. P. 581.

⁴⁹⁶ См.: Соливетти К., Паолини М. Указ. соч. С. 158.

⁴⁹⁷ *How it was done in Paris: Russian émigré literature and French modernism* / by Leonid Livak. The University of Wisconsin Press, 2003. P. 10.

В то же время понятно, что биография (как и автобиография) и мемуары между собой родственны, глубоко взаимопроникают друг в друга, поскольку предполагают рассказ о прошлом. Однако определенное различие, по мнению исследователя М. А. Кулабуховой, между ними заключается в том, что если биография (исповедь, биографические воспоминания) подразумевает «сосредоточение на личности и внутреннем мире автора, литературным портретом которого и является произведение, то мемуары включают и жизнеописание самого автора, и документальную характеристику, а, значит, и объективную оценку действительности»⁴⁹⁸. Различие этих двух жанров можно обозначить присутствием в них текстовой (художественной) и жизненной (внехудожественной) реальности, вымысла и факта, которые, являясь важными художественными образными средствами, могут синтезироваться в художественно-автобиографической прозе, тогда как в мемуарно-автобиографической прозе единственным началом, главной основой является только внехудожественная реальность, правда, факт, автобиография писателя»⁴⁹⁹. С такой иерархией вполне можно было бы согласиться, если не учитывать тот факт, что автобиография писателя — это уже вымысел, конструкт памяти и жизненных обстоятельств. Дабы избежать таких наслоений, Е. М. Болдырева предлагает разграничить «автобиографию» и «автобиографический роман»⁵⁰⁰, что само по себе верно. Ведь еще В. Гумбольдт отмечал, что фантазия — это «иероглифический алфавит природы»⁵⁰¹, а наделенный воображением индивид, т.е. писатель, прочитывает знаки этого «алфавита», складывая их в образную (реальную или ирреальную)

⁴⁹⁸ Кулабухова М. А. Автобиографическое начало и художественный вымысел в романах И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» и М. А. Булгакова «Белая гвардия». Дисс. ... канд. филол. наук. Белгород, 2003. С. 16.

⁴⁹⁹ Там же.

⁵⁰⁰ Болдырева Е. М. Автобиографический роман в русской литературе первой трети XX века. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ярославль, 1999. С. 6-7.

⁵⁰¹ Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985. С. 169, 174.

картину мира⁵⁰². Но стоит ли рассматривать автобиографию вне художественного контекста, не устремляется ли она тогда в раздел канцеляризов и документооборота? Ведь, автобиография как литературный жанр уже является романом. Опираясь на память, основываясь на реальности, автор выстраивает свой мир в виде художественного произведения, а следовательно, до определенной степени вымысла. Американский философ Поль де Ман и вовсе полагал автобиографию — не жанром, а фигурой речи, которая так или иначе проявляется во всех текстах. Он предложил разделение на «автора текста» и «автора в тексте», в чьих сложных взаимоотношениях и прослеживается момент истины⁵⁰³. Их взаимоотношения основаны на «поэтике опыта», когда в контексте автобиографического произведения имеет место синтез и взаимопроникновение социального, культурного, религиозного и т. п. внутреннего мира автора, осознаваемого через мир его героя, т. е. его же самого. Взгляд на себя со стороны не всегда, конечно, объективен. Скорее и чаще даже субъективен, но он интересен тем, что автор «прочитывает» и анализирует себя самого⁵⁰⁴.

Касаясь созданных в эмиграции текстов Резник замечает, что «взаимовлияние жанров эссеистического, мемуарного и романного оказалось особенно продуктивным в межкультурном пространстве эмиграции, где одновременно сознательно и бессознательно встретились русская и европейская художественные традиции»⁵⁰⁵. И как бы эмиграция ни стремилась к обособленности, это взаимовлияние и взаимопроникновение все-таки позволило автобиографии выйти за рамки строго обозначенного жанра, так что стало возможным встречать автобиографический дискурс в текстах, заведомо

⁵⁰² См.: Кулабухова М. А. Указ. соч. С. 20.

⁵⁰³ См.: *Autobiographical statements in twentieth-century Russian literature* / edited by Jane Gary Harris. Princeton: Princeton University Press, 1990. P. 7-8.

⁵⁰⁴ См.: *Ibid.* P. 9.

⁵⁰⁵ Резник Э.Р. Указ. соч. С. 74.

не классифицируемых как эго-документальные. На это указывает и Дж. Харрис (Jane Gary Harris), когда пишет, что подобное можно встретить и в романе, и в новелле, или даже в сборнике очерков⁵⁰⁶.

Жанровый синтез отмечается и в анализируемых нами публикациях в журнале «Возрождение». Так, при рассмотрении текста воспоминаний Барка, несомненно, что хотя они являются автобиографическими мемуарами с незначительными вставками художественного текста, в особенности, в той их части, где описывается Император, Императрица, царская семья, но именно эти вкрапления на уровне мифологической парадигмы приводят к смешению жанровой специфики произведения. Авторская хронология совпадает с событиями в истории страны. Очерковый характер вносит элемент публицистики. С одной стороны, автор следует традиции литературы конца XIX века, с другой — модифицирует повествование, дополняет его новыми компонентами жанрового синтеза, влияющими на описательную и содержательную фактуру произведения. «Совпадение» художественного и жизненного опыта, отразившегося одновременно в созданных произведениях, побуждает к сравнению воспоминаний Барка с его предшественниками на министерском посту — В. Н. Коковцовым и Д. Н. Шиповым, что нами и сделано в разделе 2.1.1.

Очерки М. Боброва — это беллетризованные воспоминания, где художественное начало довлеет над документальным. Вымысел все — начиная от имени автора и героя (их имена — разные) и заканчивая хронотопом происходящего. Установить точное место и время сюжета можно лишь опосредованно по мелким примечаниям героев и повествователя (как-то отмена продразверстки и введение продналога, бои в Гражданскую войну в Даурии и пр.). Обращение к теме Гражданской войны в России после Октября 1917 г.

⁵⁰⁶ См.: Autobiographical statements in twentieth-century Russian literature / edited by Jane Gary Harris. Princeton: Princeton University Press, 1990. P. 10.

ставит Боброва в один ряд с такими писателями, как Б. А. Пильняк, А. А. Фадеев, А. С. Серафимович, И. Э. Бабель. Параллели, прослеживаемые в «Конармии» Бабеля и анализируемом тексте Боброва, позволяют также отметить «схожий» жанровый синтез между документальным и художественным у обоих авторов.

Воспоминания баронессы С. К. Буксгевден, очерки И. Степанова и заметки Г. Гроссена — художественная мемуаристика, биографический роман, «сказка-быль», т. к. заведомо лишены исторической документальности, а лишь призваны к мифологизации Романовых. В этом они совпадают с многочисленными мемуарами русской «придворной» эмиграции. Достаточно назвать таких авторов как З. Н. Гиппиус, М. Э. Клейнмихель, В. П. Семенов-Тянь-Шанский, М. И. Романова.

И наконец, роман М. Н. Веги — синтез художественного и документального в наиболее показательном его варианте. Романизированная биография, в которую включена ее личная беллетризованная автобиография, с заданной целью поэтизации воспоминаний. Как указывает Калганникова, три образа времени (биографическое, лирическое и времени рассказчика) служат преодолению самого временного принципа, его обязательности в любом документальном повествовании⁵⁰⁷. Они создают ситуацию надысторическую — биография актрисы Александры Брошель становится, таким образом, достоянием не только легендарного прошлого, не только памятью культуры, но и ее настоящим, непреходящим символом. В данном случае при чтении «Бронзовых часов» возникают очевидные параллели с художественным методом мемуарной прозы Бунина, в частности, с его приемом «мифического аристона» (по определению Ю. Мальцева). Суть метода в том, что синтезируемый образ прошлого прорывается конкретным воспоминанием

⁵⁰⁷ Калганникова И. Ю. Указ. соч. С. 36.

(впечатлением), но эта конкретность момента скорее чувственно-воспринимаемая: «она — зрительная, слуховая, осязаемая и т.д., но не только и не столько временная. Кажется, что она создана вне реального времени»⁵⁰⁸. Именно так Муся (образ автора в детстве) воспринимает, к примеру, краткосрочные внезапные долгожданные приезды своей матери или процесс выздоровления после скарлатины, когда пишет: «Самые яркие пятна, которые выступают на поверхности быстротекущей реки книги времени и всплывают над скарлатинным бредом, и личными, сложными горестями, над петербургским, недужным туманом, над войной, — всплывают в маленькой, белой, больничной комнате, изолированной от палат, кишущих детьми из всевозможных учебных заведений, это — те отрывки из прошлого, которые особенно поразили ее воображение»⁵⁰⁹.

Рассматривая проблему жанрового синтеза в анализируемых текстах, необходимо отметить взаимосвязь жанра и пространственно-временных характеристик. Созданный со слов и услышанных в детстве рассказов других родственников, роман-мемуар Веги «Бронзовые часы» охватывает формально жизнь одного поколения — поколения ее бабушки Александры Брошель. Начинаясь как биография, он постепенно переходит в семейную сагу, семейную хронику. Исключительная сосредоточенность писателя на структуре семейного быта и межличностных связей в этой сфере известна давно (ср. «Дафнис и Хлоя»). Но как только появляется образ частного человека с его индивидуальной судьбой, сопрягаемой с судьбами близких ему людей, в литературе появляется понимание семейного романа. В большой степени этому, конечно, способствовала та мемуарная литература, которая имела частный «интимный» характер. В XVIII веке такое влияние оказал семейный роман,

⁵⁰⁸ Калганникова И. Ю. Указ. соч. С. 37.

⁵⁰⁹ Вега М. Бродячий ангел // Возрождение. 1959. № 91. С. 90. Далее указ. номер журнала и стр. в тексте в скобках — (Вега, БА, 91: 90).

испытывавший воздействие разных жанров (ср. «Мадам Леско» А. Прево). В дальнейшем, по мере вхождения частной жизни в общественную, жанр семейного романа приобрел разнообразные модификации и утратил четкие границы⁵¹⁰. Затем семейная хроника у Веги переходит в автобиографию «Бродячий ангел», где она ведет повествование о своем детстве. Даже само название говорит о присутствии элементов романа-путешествия, описания неприкаянности судьбы. Бродячий – потому как неприкаянный, не имеющий постоянного пристанища, дома, переезжающий, точнее передающийся из рук в руки между родственниками ребенок. Ангел — оттого, что ребенок. В то же время мраморный бродячий ангел — фигура из Сергиевского склепа на надгробии бабушки Александры, актрисы Клодель (Брошель). Это и ее путь — путь «бродячего ангела». Но жизненный путь героя-ребенка (Муси) дан в контексте пути всего мира, пути сложного, парадоксального и трагического. Первая мировая война, революция, хаос, и вместе с близкими людьми «умерло самое дорогое на свете — ни с чем не сравнимое, единственное в мире, петербургское Мусино детство» (Вега, БА, 92: 63). И этот же мистический ангел на носу большого корабля, на котором Муся «навсегда покидала Россию» (Вега, БА, 92: 70), как эсхатологический выход для героя и для его родины. Таково жанровое смешение и взаимопроникновение, наблюдаемое у Веги. А вместе с ней и у многих других авторов русского зарубежья.

Ведь, литература русского зарубежья — это, прежде всего обращение к будущему с мыслями о прошлом. Исходя из этого, она черпала свое вдохновение, целеполагание и парадигму. Она являлась отражением прошлого опыта и намеревалась стать продолжателем той культурной установки, которая была заложена реализмом XIX столетия и литературой рубежа веков. В то же время литература русской эмиграции — это не только рефлексия. Эмиграция тех

⁵¹⁰ См.: Васильева Т. В. Жанровый синтез в русской классической прозе конца XIX - начала XX вв. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011. С. 35-39.

лет целенаправленно стремилась осмыслить духовный опыт нации и, осмыслив его, передать потомству, будущему. Живое слово многих тысяч людей находило свое выражение в документально-художественном творчестве, постепенно сложившимся в мемуарный свод эмиграции. Как было ранее отмечено, так как воспоминания писали все слои общества – актеры, музыканты, художники, философы, ученые, политики, военные, члены императорской семьи, писатели и вполне рядовые люди — в них представлена широчайшая панорама дореволюционной жизни (устаами «первой волны») и первых лет советской России (глазами «второй волны»). Быт, нравы, мысли, чувства, семейные, сословные и клановые взаимоотношения — все это находило свое место в произведениях авторов зарубежья. В том и состоит исключительное значение мемуаров — в них прозвучал голос каждого отдельного «я», большого и малого. Вместе взятые, где в унисон, где в какофонии, но они образуют огромное многоголосое пространство народа, нации. При этом хотя и неизбежны надуманные мифологемы, псевдо-мемуары, а то и тексты, переполненные заведомой ложью, — все же это общее многоголосие, явившееся наиболее точным воплощением бытийственно-психологического национального феномена вне метрополии.

Как ранее было отмечено, два важнейших фактора применимы к эмиграции — фактор идеализации и фактор деидеализации. И то, и другое продуцируют мифологический субстрат в историко-реальных построениях, где утраченная дореволюционная Россия возводится в миф «позитивный», поскольку она — родина, а эмиграция, заграница, остальной мир — в миф негативный, поскольку она — чужбина. И это срабатывает независимо от степени сложности жизни в эмиграции, от достатка, устроенности, ассимиляции.

Как заметил современный исследователь Ф. П. Федоров, эго-словесный автор, будь он профессиональный писатель или далекий от искусства мемуарист-любитель, всецело находится в кентаврическом пространстве правдожи⁵¹¹. Данный термин как нельзя лучше описывает положение, в котором оказывается автор документально-художественного текста, в особенности пишущий вне метрополии, и картина мира в мемуарном тексте – это воплощенная картина мира мемуариста во время мемуаротворения.

Разумеется, проблема правдивости мемуаров, как и всего эго-словесного пространства – серьезная и в высшей степени важная проблема. Прежде всего, потому, что мемуары всегда делают заявку на изображение реальных событий и реальных людей, вовлеченных в эти события. Такая нарочитая безыскусственность, а вместе с тем желание и потребность высказаться, породили столь огромный пласт мемуарной литературы, публиковавшейся непрерывно на протяжении как минимум 60 лет (1917-1970-е гг.) в виде отдельных книг, а также в многочисленной периодике русского зарубежья. Эта безыскусственность особенно ярко заметна на фоне «искусственности» литературы рубежа веков. Но не только безыскусственность эмиграции осознаваема через «искусственность» Серебряного века — внутри эмиграции историческая рефлексия осознаваема сквозь призму мифотворчества. В свою очередь, мифотворчество осознаваемо через призму игры, которая для значительного эмигрантского круга, особенно для молодежи, являлась безусловной константой.

Хотя, казалось бы, критерий правдивости довольно прост. Автор, описывающий свое прошлое без купюр, являет как будто бесстрашие истины. И наоборот – мемуарист, описывающий свое прошлое с купюрами или с намеренной, корыстной идеализацией, создает его ложную картину. Но не

⁵¹¹ См.: Федоров Ф. П. Мемуары как проблема // *Studia Rossica XX*, t. 1-2. *Memuarystyka rosyjska i jej konteksty kulturowe*. Варшава: Редакция наукова: Alicja Wołodźko-Butkiewicz, Ludmiła Łucewicz, 2010. С. 16.

всегда столь прямолинейное суждение оправданно. Множество объективных факторов говорят об обратном. Скажем, как быть с принятой в социуме системой запретов, предполагающих этическую самоцензуру автора? В противном случае могут быть нарушены права личности, ее достоинство и честь. С другой стороны, мемуары, как правило, опираются на столь ненадежный механизм как человеческая память, которой свойственно предполагать забвение. Тем более, когда имеет место историческая дистанция, отделяющая автора от описываемых им событий.

В то же время в художественных текстах, создаваемых, казалось бы, по законам жанра романа, где большую нагрузку имеет вымысел, заметно «просвечивание» автобиографического. Конечно, следует помнить, что при написании автобиографии и биографии главная цель – это создание образа человека (себя или биографируемого), создание характера на основании прожитой им жизни. Что же касается автобиографии, то она создается в порядке автоконцепции. В этом случае, наряду с влиянием шаблона, заметно стремление пишущего подчеркнуть уникальность своего жизненного пути. Написание текста автобиографии – это не изложение на бумаге своих воспоминаний, а сам процесс создания автобиографического воспоминания. При написании автобиографии важно, что написано и как написано, что приближает автобиографию к художественным текстам. И наоборот, художественный текст, проходя через сознание и мысль автора, стремится к автобиографическому изложению. Так, некоторые из автодокументальных (эго-документальных) произведений эмигрантских авторов зачастую «оснащены» художественными приемами, автобиографический дискурс в них почти неразличим, но это не значит, что он отсутствует. Это лишний раз доказывает, как сложно провести грань между вымыслом и реальностью как в художественном, так и в эго-документальном текстах.

Анализ указанных эго-документов также показал, что активность и главенствующая роль того или иного вида памяти обусловлена стратегией повествования. Роль «участника» событий обеспечивает заданную установку на подлинность на фактологическом уровне. Роль «очевидца», предполагающая осмысление воспринятого со стороны события на основе взаимодействия индивидуальной и коллективной видов памяти, дает возможность с достаточной степенью достоверности определить, взгляды какой социальной группы разделяет автор на том или ином этапе своего жизненного пути. Роль «современника» позволяет привлекать в качестве обоснования своей точки зрения дополнительный фактический материал.

Между тем, попытка выявить грань между фактом и вымыслом в рассматриваемых автобиографических произведениях принесла интересные результаты — по внутреннему жанрообразующему признаку классифицировать эго-документальные тексты не всегда возможно, но их структурирование вполне возможно, что и было нами продемонстрировано в данной работе.

В то же время на выбор самой стратегии повествования существенное влияние оказывает избранная автором конкретная модель из исторически сложившихся моделей повествования. В особенности это касается мифотворчества, где фактически не ставится цель понять самого себя. Поэтому предметом описания в таких эго-документах становятся преимущественно публичные фигуры и публичные сферы человеческой деятельности, такие как общественная и творческая, тесно увязанные с гражданской позицией создателя произведения. В эго-документах некоторых писателей доминирующими являются те воспоминания о прошлом, те события, которые подтверждают справедливость их оценки со стороны автора с точки зрения публичной памяти, те впечатления, которые призваны с точки зрения коллективной памяти обосновать его взгляды на происходящие в общественной жизни эмиграции процессы. Таким образом, в эго-документах русского зарубежья невозможно с

достаточной степенью достоверности определить, какое из них является истинным, а какое маской. Все это дает основания говорить, что авторы эмиграции работали на стыке документального и художественного, между которыми наблюдалось взаимопереплетение, в конечном итоге приводящее к синтезу.

Литературная жизнь за пределами родины представляла собой сложное явление. Заметно ее единство, а вместе с тем, на примере каждой из выбранных нами и проанализированных работ, отмечено ее своеобразие. Публикации, впервые, а то и единственный раз, увидевшие свет в эмигрантской периодике показывают, насколько важную сферу литературной деятельности представляют из себя журналы и газеты русской диаспоры. Их изучение позволяет проследить тенденции в духовной жизни, культуре и литературе русского зарубежья, и в целом русской литературы XX века.

В то же время, бесспорно, что имеющихся исследований мемуарного корпуса текстов, опубликованных в газетах и журналах русского зарубежья, увы, недостаточно, и филологической науке в России еще предстоит открыть для себя разнообразный, обширный и захватывающий мир литературной периодики эмиграции. Интерес отечественных ученых-филологов нацелен на эту сферу вполне определенно, влияние эго-документалистики на литературу уже неоспоримо, и, кроме того, деятельность писателей «второго плана» начинает интересовать все большее количество исследователей. Так что, несомненно, количество работ в этой области, сделанных при самом широком и непосредственном участии как отечественных, так и зарубежных специалистов, должно увеличиваться.

Библиография

I

Источники

1. Авьерино Н. К. Мои воспоминания о П. И. Чайковском // Возрождение. 1951. № 16. С. 97-106.
2. Александрович А. Д. Записки певца // Возрождение. №№ 22-25, 27, 30, 32, 36, 38 и 41.
3. Антропов Л.Н. Г-жа Брошель // Библиотека для чтения. № 1. СПб., 1865. С. 115-134.
4. Астрау И. От Армавира до Севастополя // Возрождение. 1968. № 204. С. 24-29.
5. Астрау И. Подарок памяти // Возрождение. 1965. № 168. С. 25-29.
6. Байкалов А. Мои встречи с Осипом Джугашвили // Возрождение. 1950. № 8. С. 116-119.
7. Балужева-Арсеньева Н. Великая княгиня Елизавета Феодоровна: Из личных воспоминаний // Возрождение. 1962. № 127. С. 63-70.
8. Барк П. Л. Воспоминания // Возрождение. №№ 157-170, 172-184.
9. Барк П. Л. Глава из воспоминаний // Возрождение. 1955. № 43. С. 5-27.
10. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Том 10. М.: Академия Наук СССР, 1956. 474 с.
11. Беннигсен Э. Первые дни революции 1917 года // Возрождение. 1954. № 33. С. 115-131.
12. Берберова Н. Курсив мой. М., 2009. 688 с.
13. Бобров М. По долинам и по взгорьям // Возрождение. 1951. №№ 13, 14, 16.
14. Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: В 4 тт. Т. 4. СПб.: Пушкинский фонд, 1995. 332 с.

15. Буксгевден С. [Воспоминания] // Возрождение. 1961. № 115. С. 57-66.
16. Буксгевден С. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России. Воспоминания фрейлины в трех книгах. М.: Лепта Книга, Вече, Гриф, 2012. 800 с.
17. Буксгевден С. Император Николай II, каким я его знала: Отрывки воспоминаний // Возрождение. 1957. № 67. С. 28-36.
18. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита // Булгаков М. А. Собрание сочинений. Анн Арбор: Ардис, 1988. Том 8. 425 с.
19. Бунин И. А. Жизнь Арсеньева: Юность. Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1952. 388 с.
20. Бьюкенен Дж. Моя миссия в России: воспоминания английского дипломата, 1910-1918. М.: Центрполиграф, 2006. 398 с.
21. Варшавский В. Незамеченное поколение. Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1956. 387 с.
22. Вега М. Бродячий ангел // Возрождение. №№ 82-89, 91-92.
23. Вега М. Бронзовые часы // Возрождение. №№ 68-79.
24. Вега М. Ночной корабль: Стихотворения и письма. М.: Водолей, 2009. 518 с.
25. Вега М. Тетя Маруся // Возрождение. 1957. № 67. С. 131-138.
26. Вернадская Н. В. Первая русская камерная певица Анна Михайловна Ян-Рубан: воспоминания ее ученицы // Возрождение. 1965. № 157. С. 98-112.
27. Витте С. Ю. Воспоминания. В 2 тт. Берлин: Слово, 1923. Т. 1. XXXIV, [2], 510, [2] с. Т. 2. XII, 570, [2] с.
28. Вишняк М. В. «Современные записки». Воспоминания редактора. США: Indiana University Publications, 1957. 334 с.
29. Врангель Л. Воспоминания детства // Возрождение. 1953. № 26. С. 52-64.
30. Вышеславцев Б. Тайна детства // Возрождение. 1955. № 46. С. 51-61.

31. Гагарин Е. Возвращение корнета. Поездка на Святки. Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1953. 289 с.
32. Газданов Г. История одного путешествия. Париж: Дом Книги, 1938. 150 с.
33. Гиппиус З. Встречи с М. Г. Савиной // Возрождение. 1950. № 7. С. 97-100.
34. Гиппиус З. Н. Маленький Анин домик: Распутин и Вырубова // Современные записки. 1923. № 17. С. 206-248.
35. Голубен М. На дальних дорогах. Сидней: издание автора, 1965. 65 с.
36. Гроссен Г. Н. П. Богданов-Бельский // Новый журнал. 1974. № 114. С. 142-163.
37. Гуль Р. Тухачевский красный маршал. Берлин, 1932. 181 с.
38. Дистерло Ю. Р. Царский смотр: Мысли и воспоминания // Возрождение. 1965. № 163. С. 7-9.
39. Доминик Л. Русская рампа в зеркале запада // Возрождение. 1957. № 61. С. 20-30.
40. Доминик Л. Театр и о театре // Возрождение. 1958. № 73. С. 105-120.
41. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. М., 2010. 873 с.
42. Иванов Г. В. Петербургские зимы. СПб.: Азбука, 2000. 283 с.
43. Клейнмихель М. Из потонувшего мира: Мемуары. Берлин: Глагол, 1920. 306 с.
44. Клейнмихель М. Из потонувшего мира: Мемуары. Пг.-М.: Петроград, 1923. 87 с.
45. Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919 гг. В 2 тт. Париж, 1933. 512, 509 с.
46. Коряков М. Из дневника публициста // Возрождение. 1960. № 105. С. 87-100.
47. Лидарцева Н. Воспоминания о Репине // Возрождение. 1955. № 47. С. 99-104.

48. Лифарь С. Вацлав Нижинский // Возрождение. 1957. № 61. С. 50-65.
49. Мандельштам О. Э. Собрание сочинений: В 4 тт. Том 2. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. 366 с.
50. Мельгунов С. Екатеринбургская драма // Возрождение. 1949. №№ 4, 5, 6.
51. Мельгунов С. П. Воспоминания о В. Л. Бурцеве // Возрождение. 1952. № 24. С. 155-160.
52. Мельгунов С. Мартовские дни 1917 г. // Возрождение. №№ 12-14, 16-24, 26-31.
53. Мельгунова-Степанова П. М. Н. Ермолова // Возрождение. 1953. № 29. С. 84-88.
54. Милюков П. Я. Воспоминания (1859-1917). В 2 тт. Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1955. 438, 397 с.
55. Молоховец В. К. На яхте «Штандарт» // Возрождение. 1964. № 151. С. 8-12.
56. Набоков В. Адмиралтейская игла // Набоков В. Весна в Фиальте. Харьков: ФОЛИО, 2001. 315 с.
57. Н. С.-Т.-Ш. К 50-летию празднования трехсотлетия Царствования Дома Романовых // Возрождение. 1963. № 141. С. 115-120.
58. Набоков В. В. Другие берега. СПб.: Азбука, 2013. 282 с.
59. Набоков В. Петербург: Три сонета // Звезда. № 4. СПб., 2001. С. 109-110.
60. Набоков В. Собрание сочинений русского периода: в 5-ти тт. Том 1. СПб.: Симпозиум, 1997. 605 с.
61. Наваль В. Картинки из жизни Верочки Морской. Харбин: изд-во М. В. Зайцева, 1938. 163 с.
62. Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868-1917. Нью-Йорк: изд. А. К. Наумовой и О. А. Кусевицкой, 1954. Кн. II. 584 с.
63. Нео-Сильвестр Г. И. В мире русской души // Возрождение. 1964. № 155. С. 92-94.

64. Нео-Сильвестр Г. Царь и художники: Как художник Н. П. Богданов-Бельский писал портрет Императора Николая Второго // Возрождение. 1957. № 67. С. 76-81.
65. Никольский Е.В. Царский путь и святость: Культ правителя в истории. М.: Ленанд, 2016. 344 с.
66. Норд Л. Маршал М. Н. Тухачевский // Возрождение. Париж. №№ 63-69, 71.
67. Норд Л. Маршал Тухачевский: Ответ критикам // Возрождение. 1957. № 71. С. 108-112.
68. Одоевцева И. В. На берегах Невы. СПб.: Лениздат, 2012. 477 с.
69. Одоевцева И. В. На берегах Сены. СПб.: Лениздат, 2012. 478 с.
70. Осоргин М. Письма о незначительном: 1940-1942. Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1952. 389 с.
71. Половцов А. А. Воспоминания // Возрождение. 1949. № 2. С. 128-141.
72. Прегель С. Мое детство. Том II. 1973. 421 с.
73. Рабенек Л. Л. Москва и ее «хозяева» (времени до первой мировой войны 1914 г.) // Возрождение. 1960. № 105. С. 101-104.
74. Рабенек Л. Станиславский и его семья. Из личных воспоминаний // Возрождение. 1963. № 133. С. 71-77.
75. Рассветный. Императрица Мария Феодоровна: К 40-летию кончины // Возрождение. 1968. № 205. С. 76-91.
76. Рассветный. Памяти Императрицы Александры Феодоровны // Возрождение. 1962. № 127. С. 38-62.
77. Рассветный. Светлой памяти Государя Императора Николая Второго // Возрождение. 1968. №№ 197-200.
78. Родичев Ф. И. Записки о революции 17 года // Возрождение. 1954. № 31. С. 67-82.

79. Семенов Ю. Ф. «Закавказская республика»: Глава из воспоминаний // Возрождение. 1949. № 1. С. 121-139.
80. Семенов-Тянь-Шанский В. П. Воспоминания о государе-человеке // Возрождение. 1960. № 103. С. 7-18.
81. Семенов-Тянь-Шанский Н. Д. Светлой памяти Е. И. В. Великой Княгини Ольги Александровны // Возрождение. 1961. № 109. С. 82-86.
82. Семенов-Тянь-Шанский Н. Д. Светлой памяти Петра Львовича Барка // Возрождение. 1962. № 124. С. 100-109.
83. Смирнов Д. Воспоминания // Возрождение. 1952. № 20. С. 77-96.
84. Смоленский В. Воспоминания // Возрождение. 1960. № 98. С. 103-112.
85. Соловьев М. Записки советского военного корреспондента. Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1954. 309 с.
86. Соловьев М. Когда Боги молчат. Нью-Йорк: издание автора, 1963. 725 с.
87. Софонова О. Пути неведомые. Мюнхен, 1980. 302 с.
88. Старк М. Ф. Вечная память // Возрождение. 1957. № 67. С. 65-75.
89. Старк М. Ф. Черная сенсация // Возрождение. 1964. № 156. С. 101-105.
90. Степанов И. В. Милосердия двери: Лазарет Ее Величества // Возрождение. 1957. № 67. С. 46-64.
91. Степун Ф. Б. В. Савинков: Отрывок из воспоминаний // Возрождение. 1950. № 9. С. 95-101.
92. Струве П. Мои встречи и столкновения с Лениным // Возрождение. 1950. № 9. С. 113-121 и № 10. С. 109-127.
93. Струве П. Я. Родичев и мои встречи с ним // Возрождение. 1949. № 1. С. 27-46.
94. Сургучев И. Из театральных воспоминаний // Возрождение. 1955. № 40. С. 63-74.

95. Унковский В. Александр Вертинский // Возрождение. 1958. № 74. С. 117-124.
96. Ходасевич В. Ф. Некрополь. М.: Статут, 2012. 173 с.
97. Цветаева М. Повесть о Сонечке: Сборник. СПб.: Азбука, 2000. 331 с.
98. Шахатуни Н. Далекое-близкое: Тоска по Родине // Возрождение. 1963. № 140. С. 33-34.
99. Шереметев Д. С. Государь на фронте // Возрождение. 1957. № 67. С. 37-42.
100. Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. М.: РОССПЭН, 2007. 678 с.
101. Яблоновский С. Около театра // Возрождение. 1949. № 5. С. 68-79.
102. Яблоновский С. наброски о Малом театре // Возрождение. 1950. № 8. С. 104-115.
103. Яхонтов А. Первый год войны (июль 1914 – июль 1915). Записи, заметки и воспоминания бывшего помощника управляющего делами Совета министров // Русское прошлое. 1996. Кн. 7. С. 245-348.

II

Теоретические источники

104. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Категории. Минск, 1998. 1112 с.
105. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях древних славян. Л.: Наука, 1983. 191 с.
106. Бахтин М. М. К философским основам гуманитарных наук // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 5. М.: Русские словари, 1996. С.7-10.
107. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М., 1986. 543 с.
108. Бахтин М. М. Собрание сочинений. Том 3: Теория романа (1930-1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. 880 с.
109. Большев А. О. Шедевры русской прозы в свете психобиографического подхода. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. 347 с.
110. Бушканец Е. Г. Мемуарные источники: Учебное пособие к спецкурсу. Казань: Казанский педагогический институт, 1975. 98 с.
111. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. М.: INTRADA, 1999. 411 с.
112. Гудзий Н. К. История древней русской литературы. М.: Аспект Пресс, 2003. 590 с.
113. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 451 с.
114. Колесов В. В. Домострой без домостроевщины / В.В. Колесов // Домострой. СПб.: Лениздат, 1992. 141 с.
115. Литература и документ: теоретическое осмысление темы // Литературная учеба. 2009. № 1. С. 198-210.
116. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.: Искусство-СПБ, 1994. 398 с.
117. Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПБ, 1998. 702 с.

118. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX вв. От рукописи к книге. М.: Наука, 1991. 286 с.
119. Тынянов, Ю. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. 574 с.
120. Шестов Л. И. На Страшном Суде // Шестов, Л. Сочинения. Том 2. М.: Наука, 1993. С. 98-150.

III

Критические работы по эго-документалистике

121. Георгий Владимирович Иванов: Материалы и исследования: 1894-1958: Межд. науч. конференция / Сост. и отв. ред. С. Р. Федякин. М.: Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, 2011. 462 с.
122. Интервью с Ф. Лежёном // Иностранная литература. 2001. № 4. С. 257-264.
123. История русской литературы XX века: 20-90-е годы: основные имена / С. И. Кормилов (отв. ред.). М.: Изд-во Московского ун-та, 2008. 570 с.
124. Литература и документ: теоретическое осмысление темы (материалы «круглого стола») / Подгот. Е. Г. Местергази // Литературная учеба. 2009. № 1. С. 198-210.
125. Обязанности свидетеля, права художника (Обсуждаем проблемы мемуарной литературы) // Вопросы литературы. 1974. № 4. С. 45-138.
126. Антюхов А. В. Русская мемуарно-автобиографическая литература XVIII в.: Генезис, жанрово-видовое многообразие, поэтика. Дисс. ... докт. филол. наук. Брянск, 2003. 451 с.
127. Арьев А. «В Петербурге мы сойдемся снова...»: (О стихах и автобиогр. прозе Ирины Одоевцевой, о Георгии Иванове и Николае Гумилеве) // Перечитывая заново: лит.-критич. ст. / Сост. В. Лаврова. Л.: Худож. лит., 1989. С. 231–255.
128. Безрогов В.Г. Память текста: автобиографии и общий опыт коллективной памяти // Сотворение истории. С. 5.
129. Белобородова И. В. Концепт «цвет» в лингвокогнитивном аспекте (на материале автобиографической прозы): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2000. 26 с.

130. Беляев С. Г. П. Л. Барк и финансовая политика России. 1914—1917 гг. Дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 2002. 619 с.
131. Бем С. Линзы гендера: трансформация взглядов на проблему неравенства полов / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. 331 с.
132. Берковский Н. Я. О прозе Мандельштама // Берковский Н. Я. Мир, создаваемый литературой. М.: Советский писатель, 1989. 496 с.
133. Болдырева Е. М. Автобиографический роман в русской литературе первой трети XX века. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ярославль, 1999. 18 с.
134. Большев А. О. Шедевры русской прозы в свете психобиографического подхода. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. 347 с.
135. Бондарь И. А. Эго-текст и эго-документ в литературном процессе // Известия высших учебных заведений: проблемы полиграфии и издательского дела. М., 2013. № 6. С. 107-115.
136. Бочаева Н. Г. Мир детства в творческом сознании и художественной практике И. А. Бунина. Дисс. ... канд. филол. наук. Елец, 1999. 174 с.
137. Бугаева Л. Д. Литература и *rite de passage*. СПб.: ИД «Петрополис», 2010. 408 с.
138. Бушканец Е. Г. Мемуарные источники: Учебное пособие к спецкурсу. Казань: Казанский пед. ин-тут, 1975. 98 с.
139. Ваншенкин К. Рассказать о своей жизни // Вопросы литературы. 1999. № 1. С. 12-13.
140. Васильева Т. В. Жанровый синтез в русской классической прозе конца XIX-начала XX вв. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011. 175 с.
141. Векшина Ю. А. Социально-экономическая политика В.Н. Коковцова в контексте российской модернизации. Дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2004. 237 с.
142. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.

143. Винокур Г. О. Биография и культура. М.: URSS, 2007. 85 с.
144. Волк С. С. Граф В. Н. Коковцов и его воспоминания // Коковцов В. Н. Из моего прошлого: Воспоминания. 1911 - 1919. М.: Современник, 1991. С. 3-32.
145. Волошина С. В. Автобиографический рассказ как объект лингвистического исследования // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 308. С. 11-12.
146. Галиуллина Д.М. Проблема изучения мемуаров в отечественной исторической мысли // Гуманитарные науки. 2006. Том 148, кн. 4. С. 36-45.
147. Голубева Е. И. Лингвостилистические средства выражения объективного и субъективного факторов в жанре автобиографии: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1987. 24 с.
148. Голубцов В. С. К вопросу о научных принципах переиздания мемуарной литературы // Источниковедение истории советского общества. М., 1968. Вып. 2. С. 367-388.
149. Гребенюк О. С. Автобиография: философско-культурологический анализ: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2005. 21 с.
150. Гречнев В. Я. О прозе и поэзии XIX – XX вв.: Лев Толстой, Антон Чехов, Иван Бунин, Леонид Андреев, Максим Горький, Федор Тютчев, Георгий Иванов, Александр Твардовский. СПб.: Соларт, 2009. 374 с.
151. Гришин Д. В. Дневник писателя Ф. М. Достоевского. Мельбурн, 1966. 270 с.
152. Гудзий Н. К. История древней русской литературы. М.: Аспект Пресс, 2003. 590 с.
153. Деревина Л.А. О термине «мемуары» и классификация мемуарных источников // Вопросы архивоведения. 1963. № 3–4. С. 32–38.

154. Загурская Н. Между Медузой и Сиреной: к вопросу о женской гениальности // Русский журнал. 2002. 5 марта.
155. Зайцев М. В. Государственная деятельность В. Н. Коковцова (1896-1914 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003. 232 с.
156. Зарецкий Ю. П. Индивид в европейских автобиографиях: от Средних веков к Новому времени: Источниковедческий аспект проблемы. Дисс. ... докт. ист. наук. М., 2005. 393 с.
157. Иванова Т. А. Лексические особенности жизнеописаний новопрославленных святых Русской Православной церкви: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004. 201 с.
158. Калганникова И. Ю. Жанровый синтез в биографической и автобиографической прозе Б. К. Зайцева. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011. 201 с.
159. Калинина О. В. Формирование творческой личности в автобиографической прозе М. И. Цветаевой о детстве поэта. Дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003. 249 с.
160. Карелин А. П. Введение // Российские самодержцы. 1801—1917. М.: Международные отношения, 2004. С. 6-7.
161. Кованова Е. А. Риторика автобиографического дискурса (на материале автобиографий американских деятелей политики и искусства). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 19 с.
162. Колядич Т. М. Воспоминания писателей. Проблемы поэтики жанра. М.: Мегатрон, 1998. 276 с.
163. Колядич Т. М. Воспоминания писателей XX века: Проблематика, поэтика. Дисс. ... доктора филол. наук. М., 1999. 441 с.
164. Кононова К. К. Этнопедагогические основы воспитания и развития личности ребенка: На примере автобиографической прозы русского

- зарубежья первой половины XX века. Дисс. ... канд. пед. наук. Ставрополь, 2002. 172 с.
165. Кравчинский М. Драма «Институтки» // Кравчинский М. Песни, запрещенные в СССР. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2008. С. 188-190.
 166. Кристева Ю. Черное солнце: Депрессия и меланхолия. М., 2010. 276 с.
 167. Кряжев Ю. Н. Николай II как военно-политический деятель России. Курган-Шадринск: Исеть, 1997. 224 с.
 168. Кулес А. А. Гендерная саморефлексия в женской автобиографической прозе XX века: Переходный возраст как тема и образ: Лу Андреас-Саломе, Маргерит Дюрас, Криста Вольф, Ольга Войнович. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003. 148 с.
 169. Кулабухова М. А. Автобиографическое начало и художественный вымысел в романах И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» и М. А. Булгакова «Белая гвардия». Дисс. ... канд. филол. наук. Белгород, 2003. 245 с.
 170. Лежён Ф. От автобиографии к рассказу о себе, от университета к ассоциации любителей: история одного гуманитария // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. М., 2012. № 3. С. 199-217.
 171. Лопато Л. Волшебное зеркало воспоминаний. М.: Захаров, 2003. 232 с.
 172. Луцевич Л. Русские дневники в Варшаве // Новое литературное обозрение. № 3. М., 2005. С. 441-444.
 173. Максимов Д. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1975. 526 с.
 174. Мельников А. Мнемозина в башне из слоновой кости: (О мемуарной эссеистике серебряного века) // Филология = Philologica. Краснодар. 1998. № 14. С. 71-73.
 175. Местергази Е. Документальное начало в литературе XX века. М.: Флинта: Наука, 2006. 160 с.

176. Местергази Е. Г. Литература нон-фикшн. Экспериментальная энциклопедия. М.: Совпадение, 2007. 325 с.
177. Местергази Е. Г. О термине «документальная литература» // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». Тамбов. 2007. Выпуск 11 (55). С. 174-177.
178. Местергази Е. Г. Художественная словесность и реальность: документальное начало в отечественной литературе XX в. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2008. 246 с.
179. Минц С. С. Об особенностях эволюции источников мемуарного характера: К постановке проблемы // История СССР. 1979. № 6. С.55–70.
180. Михайлова М. В. Женщины-драматурги Серебряного века // Гендерная проблематика в современной литературе: Сборник научных трудов. М., 2010. С. 4-35.
181. Михеев М. Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX-XX). М.: Водолей Publishers, 2007. 264 с.
182. Могильницкий Б. Г., Николаева И. Ю. История, память, мифы // Новая и новейшая история. 2007. № 2. С. 116-125.
183. Мухачев Д. А. Петербург в ранней поэзии В. Набокова // Филология и человек. 2012. № 2. С. 178-186.
184. Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы: Учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2002. 424 с.
185. Новикова Е. Г. Языковые особенности организации текстов классического и сетевого дневников. Дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь: 2005. 255 с.
186. Нуркова В. В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во УРАО, 2000. 320 с.

187. Овруцкая Г. К. Гендерный конфликт: методы исследования // Альманах современной науки и образования. № 6 (13): в 2-х чч. Ч. I. Тамбов, 2008. С. 160-163.
188. Охотникова С. Гендерные исследования в литературоведении: проблемы гендерной поэтики // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе. Ч. 2. Иваново, 2002. С. 277-278.
189. Пастухова Е. Е. Русская «женская проза» рубежа XX-XXI веков в осмыслении отечественной и зарубежной литературной критики. Дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010. 147 с.
190. Покровский М. И. Предисловие / Витте С. Ю. Воспоминания. Том I. Л.: Государственное издательство, 1924. С. XIII-XXVIII.
191. Постникова Е. А. Гендерная тематика в современных исследованиях // Альманах современной науки и образования. № 1 (56). Тамбов: Грамота, 2012. С. 160-162.
192. Пушкарева И. У истоков женской автобиографии в России // Филологические науки. 2000. № 3. С. 62-69.
193. Пушкарь Г. А. Типология и поэтика женской прозы: гендерный аспект: на материале рассказов Т. Толстой, Л. Петрушевской, Л. Улицкой. Дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2007. 234 с.
194. Пьянзина И. В. Жанровое своеобразие мемуарно-автобиографической прозы А. А. Ахматовой. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саранск, 2005. 19 с.
195. Робинсон А.Н. Жизнеописания Аввакума и Елифания. М.: Издательство АН СССР, 1963. 314 с.
196. Руднева И. С. Гендерный аспект портретной характеристики в русской мемуарно-автобиографической литературе второй половины XVIII –

- первой трети XIX вв. // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 2. С. 227-236.
197. Сазонова Ю. История русской литературы. Том I. Древний период. Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1955. 411 с.
 198. Силаева Е. И. Автобиографизм литературы русского зарубежья (о воспоминаниях М. А. Осоргина) // Россия и современный мир. № 4. М., 2007. С. 196-203.
 199. Сиротина И. Л. Мемуаристика как источник осмысления менталитета русской интеллигенции. Дисс... канд. социол. наук. Саранск, 1995. 149 с.
 200. Соловьёва А. Г. Горемыкин И. Л. и Коковцов В. Н. — российские премьеры. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2005. 211 с.
 201. Соловьева И. В. Анализ автобиографии и биографии с точки зрения субъективной перспективы // Вопросы гуманитарных наук. 2009. № 6. С. 141-145.
 202. Соложенкина С. Жизнь длиною в Млечный путь (Послесловие) // Вега М. Ночной корабль: Стихотворения и письма. М.: Водолей, 2009. С. 380-397.
 203. Тартаковский А. Мемуаристика как феномен культуры // Вопросы литературы. 1999. № 1. С. 35-55.
 204. Толстой Л. Что такое искусство // Russian Critical Essays XIXth Century / Edited by S. Konovalov and D.J. Richards. Oxford, 1972. С. 136-145.
 205. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. С. 269-367.
 206. Урбан А. А. Автодокументальная проза // Звезда. 1970. № 10. С. 193-204.
 207. Федоров Ф. П. Мемуары как проблема // Studia Rossica XX, t. 1-2. Memuarystyka rosyjska i jej konteksty kulturowe. Варшава, 2010. С. 5-22.

208. Фрейд З. Печаль и меланхолия // Фрейд, З. Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа: Сборник. СПб.: Алетейя, 1998. 250 с.
209. Хатямова М. А. Концепция времени в автобиографическом повествовании М. А. Осоргина «Времена» («Детство») // Вестник ТПГУ. 2010. Вып. 8 (98). С. 107-109.
210. Шайтанов И. «Непроявленный жанр», или Заметки о мемуарной форме // Вопросы литературы. 1979. № 2. С. 50-77.
211. Яковлева Н. «Человеческий документ»: история одного понятия. Хельсинки, 2012. 208 с.

IV

Критические работы по литературе эмиграции

212. Автобиографическая практика в России и во Франции. Сб. ст. под ред. Катрин Вьолле и Елены Гречаной. М.: ИМЛИ РАН, 2006. 278 с.
213. Дальние берега: Портреты писателей эмиграции. М., 1994. 384 с.
214. Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков: Учебное пособие. Под ред. Г. В. Жиркова. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. 318 с.
215. История литературы русского зарубежья (1920-е – начало 1990-х гг.). М., 2011. 706 с.
216. Критика русского зарубежья. В 2 тт. Том 1. М., 2002. 470 с.
217. Литература русского зарубежья, 1920-1940 / Рос. акад. наук. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; сост. и отв. ред. О. Н. Михайлов. В 5 вып. М.: Наследие, Наука, 1993-2013.
218. От редакции // Возрождение. 1949. № 1. С. б/н.
219. От редакции к 100-й тетради «Возрождения» // Возрождение. 1960. № 100. С. 1.
220. Перепроизводство // Вестник русского книжного рынка. Берлин. 1922. № 4. С. 1.
221. Русское Освободительное Движение 1917-1945 // URL: <http://kaminec.livejournal.com/143018.html> (Дата обращения: 12.10.2014).
222. Emigrantica: периодические издания русского зарубежья, вопросы источниковедческой критики. СПб.: Издательство СПбГУ, 2012. 471 с.
223. Абданк-Коссовский В. Русская эмиграция: итоги за тридцать лет // Возрождение. 1956. № 52. С. 128-129.
224. Абызов Ю. О Генрихе Гроссене и его «Записках» // Даугава. 1994. № 1. С. 154–155.

225. Азаров Ю. А. Литературные центры первой русской эмиграции : история, развитие и взаимодействие. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2006. 452 с.
226. Алексеев А. Д. Литература русского зарубежья. Книги 1917-1940: Материалы к библиографии. СПб., 1993. 201 с.
227. Алексинская Т. Эмигрантская печать и писатели-эмигранты // Возрождение. 1957. № 70. С. 35-36.
228. Алексинская Т. И. Эмигрантская пресса 1920-39 гг. об убийстве Царской Семьи // Возрождение. 1963. № 139. С. 21-38.
229. Анисимов К. В. Книга И. А. Бунина «Воспоминания» как цикл: опыт реконструкции автобиографического сюжета // Критика и семиотика. 2011. Вып. 15. С. 143-163.
230. Архипов Ю. Энергия ностальгии // Москва. 1994. № 3. С. 140-142.
231. Баскаков О. О. Идеология русской монархической эмиграции 20-х - 30-х годов XX века. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1999. 211 с.
232. Бирхлер Н. Литературная политика парижского журнала «Возрождение», 1949-1974 // Schweizerische Beitrage zum XII. Internationalen Slavistenkongress in Krakau, August 1998 / Herausgegeben von Jan Peter Locher. Bern, 1998. S.7-20.
233. Бочаева Н. Г. Мир детства в творческом сознании и художественной практике И. А. Бунина. Дисс. ... канд. филол. наук. Елец, 1999. 174 с.
234. Бронская Л. И. Концепция личности в автобиографической прозе русского зарубежья: И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев, М. А. Осоргин. Дисс. ... докт. филол. наук. Ставрополь, 2001. 371 с.
235. Бузуев О. А. Литература русского зарубежья Дальнего Востока, 1917 - 1945 гг.: Проблематика и художественное своеобразие. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2001. 353 с.
236. Булгаков С. Н. Моя Родина // Русская идея. М., 1992. С. 363-373.

237. Буслакова Т. Литература русского зарубежья. М., 2009. 368 с.
238. Василевский И. (Не-Буква). Граф Витте и его мемуары. Берлин, 1922. 108 с.
239. Вахренко Е. Е. Концепция времени и пространства в автобиографической прозе А. М. Ремизова 1920 - 1950-х гг. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2007. 24 с.
240. Вейдле В. Бунин // Russian Critical Essays XXth Century / Edited by S. Kononov and D.J. Richards. Oxford, 1972. С. 181-191.
241. Великая Н. И. Мемуаристика эмиграции. Наталья Ильина. «Дороги и судьбы» // Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сотрудничество на рубеже веков. Книга вторая. Владивосток, 1999. С. 296-304.
242. Воронова Е. В. Мифология повседневности в культуре русской эмиграции 1917-1939 гг.: на материале мемуаристики. Дисс. ... канд. культ. Киров, 2007. 171 с.
243. Гагина Н. Парижские тайны и русская явь. О книге С.С. Ольденбурга «Царствование Императора Николая II» // URL: <http://www.nashaepoha.ru/?page=obj55917&lang=1&id=2248> (Дата обращения: 12.10.2014).
244. Ганелин Р. Ш., Флоринский М. Ф. А. Н. Яхонтов и его «Тяжелые дни». История текста и издания // Средневековая и новая Россия. СПб., 1996. С. 670-703.
245. Глушаков П. С. Проблемы типологии и функционирования историко-библиографического жанра в литературе русского зарубежья // Филология и человек. 2006. № 1. С. 61-75.
246. Глэд Дж. Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье. М.: Кн. палата, 1991. 318 с.

247. Гофман М. Русская литература в эмиграции // Возрождение. 1957. № 70. С. 5-20.
248. Громова А. В. Жанровая система творчества Б. К. Зайцева: литературно-критические и художественно-документальные произведения. Дисс. ... докт. филол. наук. Орел, 2009. 522 с.
249. Гуль Р. Я унес Россию // Новый журнал. 1978. № 134. С. 104-120.
250. Гуль Р. Я унес Россию: Апология эмиграции. В трех томах. Нью-Йорк, 1981-1989. Т.1. Россия в Германии. 1981. 382 с.; Т.2. Россия во Франции. 1984. 351 с.; Т.3. Россия в Америке. 1989. 287 с.
251. Гуль Р. «The italics are mine» // Новый журнал. 1970. № 99. С. 283-292.
252. Гуль Р. Одвуконь. Советская и эмигрантская литература. Нью-Йорк, 1973. 322 с.
253. Гурко В. Что есть и чего нет в «Воспоминаниях» графа С.Ю. Витте // Русская Летопись. 1922. Книга вторая. С. 61-62.
254. Демидова О. Р. Эстетика литературного быта русского зарубежья (на документальном материале русской эмиграции 1920-1960 гг.) Дисс. ... докт. филол. наук. СПб., 2001. 355 с.
255. Ефимовский Е. Сотый номер «Возрождения» // Возрождение. 1960. № 100. С. 27-31.
256. Жигальцова Л. «Принадлежность к России должна быть источником гордости...»: Абрам Осипович Гукасов // Родина. 2010. № 10. С. 108-111.
257. Жирков Г. Между двух войн: Журналистика русского зарубежья (1920-40 гг.). СПб., 1998. 207 с.
258. Жирков Г. В. Типологические особенности журналистики русского зарубежья // Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков: Учебное пособие. Под ред. Г. В. Жиркова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. 318 с.

259. Калинина О. В. Формирование творческой личности в автобиографической прозе М.И. Цветаевой о детстве поэта. Дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003. 249 с.
260. Каспэ И. М. Искусство отсутствовать: Незамеченное поколение русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 190 с.
261. Кириллова Е. Л. Мемуаристика как метажанр и ее жанровые модификации. На материале мемуарной прозы русс. заруб. первой волны. Дисс. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2004. 221 с.
262. Кознова Н. Н. Мемуары русс. писателей-эмигрантов первой волны: концепции истории и типология форм повествования. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2011. 492 с.
263. Кононова К. К. Этнопедагогические основы воспитания и развития личности ребенка: На примере автобиографической прозы русского зарубежья первой половины XX века. Дисс. ... канд. пед. наук. Ставрополь, 2002. 172 с.
264. Коростелев О., Федякин С. Полемика Г. В. Адамовича и В. Ф. Ходасевича (1927-1937) // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 4. С. 204-250.
265. Крылова С. В. Мемуарно-автобиографическая проза 60-70-х годов XX века: Н. Мандельштам, Н. Берберова. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1995. 231 с.
266. Кузнецова А. А. Идеиное и художественное своеобразие мемуарной прозы второстепенных писателей русской литературной эмиграции: Н. Берберова, И. Одоевцева, В. Яновский. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005. 241 с.
267. Летаева Н. В. Молодая эмигрантская литература 1930-х годов: Проза на страницах журнала «Числа». Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003. 180 с.

268. Михайлов О. Н. Литература русского зарубежья. М., 1995. 432 с.
269. Михалев Н. М. Журналистика русского зарубежья и становление советской контрпропаганды: 1920-30-е годы. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009. 250 с.
270. Нерсисян В. А. О. Гукасов и армяне // Возрождение. 1969. № 215. С. 33.
271. Нимарочева С. Журналы русского зарубежья // Литература. № 45. 2002. // URL: <http://lit.1september.ru/articlef.php?ID=200204509> (Дата обращения: 22.06.2014).
272. Петрова Т. Г. «Первая волна» русской литературной эмиграции на страницах журнала «Возрождение» // Реферативный журнал. Серия 7. Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература: Литературоведение. М.: РАН, 1997. С. 138-152.
273. Пименов И. В. Отражение общественно-политической жизни России в печати Русского Зарубежья, 20-30-е гг. XX века. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2002. 143 с.
274. Погодина Е. В. Специфика речевого функционирования категорий «пространство» и «время» в автобиографической прозе (на материале произведений М. Осоргина и И. Бунина). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 16 с.
275. Полторацкая С. В. Мотив «потерянной» России в эмигрантском творчестве И. А. Бунина и И. С. Шмелева. Дисс. ... канд. филол. наук. Белгород, 2006. 219 с.
276. Поплавский Б. Вокруг «Чисел» // Числа. № 10. Париж, 1934. С. 204-209.
277. Пискунов В. М. Чистый ритм Мнемозины: О мемуарах и мемуаристах русского зарубежья // Литературное обозрение. 1990. № 10. С. 21-31.
278. Пискунов В. М. Чистый ритм Мнемозины. М.: Альфа-М, 2005. 608 с.

279. Раев М. В помощь исследованию Зарубежной России // Новый журнал. 1995. № 196. С. 348-358.
280. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939 / Пер. с англ. М., 1994. 294 с.
281. Расловлев М. Иван Иванович Тхоржевский и десятилетие тетрадей «Возрождения» // Возрождение. 1959. № 85. С. 12-18.
282. Расловлев М. С. Сорок лет тому назад // Возрождение. 1961. №№ 109-118.
283. Резник Э. Р. «Поля Елисейские» В. С. Яновского как феномен русской мемуарной прозы XX века: художественная специфика хронотопа памяти. Дисс. ... канд. филол. наук. Омск, 2006. 155 с.
284. Ренников А. Рыцарь правды (Юлий Федорович Семенов) // Возрождение. 1955. № 42. С. 97-101.
285. Силаева Е. И. Автобиографизм литературы русского зарубежья (о воспоминаниях М. А. Осоргина) // Россия и современный мир. 2007. № 4. С. 196-203.
286. Синельникова Е. Н. Образы ушедшей России в периодической печати русского зарубежья 1920-1930-х годов. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2013. 26 с.
287. Соливетти К., Паолини М. Парадигмы «изгнания» и «посланничества»: европейский опыт русской эмиграции в 20-е годы // *Europa Orientalis: Studi e ricerche sui paesi e le culture dell'est Europeo*. 2003. № 2. С. 145-170.
288. Станюкович Н. В. Итоги // Возрождение. 1960. № 100. С. 32-33.
289. Степанова Н. С. Проблема духовного становления творческой личности в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2013. 34 с.
290. Стоянова Т. Н. Книга А. М. Ремизова «Взвихренная Русь»: формирование поэтики. Дисс... канд. филол. наук. СПб., 2003. 180 с.

291. Струве Г. Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы. Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1956. 408 с.
292. Струве Г. П. Русская литература в изгнании. М.: Русский путь, 1996. 448 с.
293. Струве Н. Встреча первой русской эмиграции с Европой // *Europa Orientalis: Studi e ricerche sui paesi e le culture dell'est Europeo*. 2003. № 2. С. 15-20.
294. Терапиано Ю. Встречи. Нью-Йорк, 1953. 204 с.
295. Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека 1924-1974). Париж-Нью-Йорк: Альбатрос-Третья волна, 1987. 352 с.
296. Тименчик Р. Д. Петербург в поэзии эмиграции // *Звезда*. 2003. № 10. С. 194-205.
297. Толстой И. Журнал «Современные записки» и русская эмиграция: Радиопрограмма. Эфир 21.09.2008. // URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/465769.html> (Дата обращения: 11.10.2014).
298. Флейшман Л., Абызов Ю., Равдин Б. Русская печать в Риге: из истории газеты Сегодня 1930-х годов: В 5 тт. Т. 5. Stanford, 1997. С. 60–85.
299. Франк С. Л. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1956. 236 с.
300. Цуриков Н. А. Петр Бернгардович Струве: Воспоминания // *Возрождение*. 1953. № 28. С. 79-96.
301. Чагин А. И. Расколота лира. Россия и зарубежье: судьбы русской поэзии в 1920-1930-е годы. М., 1998. 269 с.
302. Черкашина Е. Л. Образ детства в творческом наследии И. А. Бунина. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009. 153 с.
303. Шкаренков Л. К. Конец белой эмиграции // *Вопросы истории КПСС*. 1979. № 8. С. 85-103.

304. Шубинский В. И. Владислав Ходасевич. М., 2012. 523 с.

V

Справочная литература

305. Базанов П. Н. Очерки истории периодических изданий русской эмиграции (1945-1988 гг.). СПб., 2013. 113 с.
306. Брошель А. К. // Театральная энциклопедия. В 5 томах. Том 1. М.: Советская энциклопедия, 1961. С. 130.
307. История русской литературы XX века: 20-90-е годы: основные имена / С.И. Кормилов (отв. ред.). М.: Изд-во Московского ун-та, 2008. 570 с.
308. Литература русской эмиграции: материалы к библиографии / Сост. О.А. Коростелев // *Europa Orientalis*. 2003. Vol. XXII. # 2. С. 321-397.
309. Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918-1940). Том 3. Книги. Часть III. П-Я. М.: ИНИОН РАН, 2000. 293 с.
310. Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917-2001. В 6 тт. / Российская государственная библиотека; сост. В.Н. Чуваков; под ред. Е.В. Макаревич. М.: Пашков Дом, 1999-2007.
311. Политические деятели России 1917. Биографический словарь. М.: БСЭ, 1993. 432 с.
312. Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках = *Russia and the Russian emigration in memoirs and diaries* : Аннот. указ. кн., журн. и газ. публ., издан. за рубежом в 1917-1991 гг. : В 4 т. / Гос. публ. ист. б-ка России, Стэнфорд. ун-т ; Науч. рук., ред. и введ. А. Г. Тартаковского [и др.]. М.: РОССПЭН, 2003-2006.
313. Русская эмиграция: Журналы и сборники на русском языке: 1920-1980: Сводный указатель статей / под ред. Т.Л. Гладковой, Т.А. Осоргиной; предисл. М. Раева. Париж: Institut d'Etudes Slaves, 1988. 661 с.
314. Сводный каталог (база данных) печатных изданий Русского Зарубежья 1918-1991 годов: Библиографический указатель. М., 2010. 982 с.

315. Три века Санкт-Петербурга: Девятнадцатый век. Энциклопедия в трех томах. Книга 1: А-В. СПб., 2006. 1083 с.
316. Энциклопедия символов / Сост. В. М. Рошаль. М.: АСТ; СПб.: Сова, 2006. 1007 с.
317. Бельчиков Н. Ф., Дынник В. Мемуарная литература // Литературная энциклопедия. Том 7. М: Советская энциклопедия, 1934. С. 131-149.
318. Курносое А. А. Мемуары // БСЭ. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2001. С.432.
319. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1960. 900 с.
320. Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802-1917. Библиографический справочник. СПб, 2001. 830 с.

VI

Работы на иностранных языках

321. Autobiographical statements in twentieth-century Russian literature / edited by Jane Gary Harris. Princeton: Princeton University Press, 1990. 287 pp.
322. Dossier de presse / Livak L. Studio Franco-Russe: 1929-1931. Toronto, 2005. P. 555-586.
323. How it was done in Paris: Russian émigré literature and French modernism / by Leonid Livak. The University of Wisconsin Press, 2003. P. 5-11.
324. Burke P. Representations of the Self from Petrarch to Descartes // Rewriting the Self. Histories from the Middle Ages to the Present. London, 1997. P. 21-24.
325. Buxhoeveden S. Life and Tragedy of Alexandra Feodorovna. London: Longmans, Green & Co., 1928. 360 pp.
326. Buxhoeveden S. Before the Storm. London: Macmillan & Company, 1938. 331 pp.
327. Clarke W. The Lost Fortune of the Tsars. London: St. Martin's Griffin, 1995, 336 pp.
328. Chr. von Braun. Nicht Ich: Logik, Luege, Libido. Frankfurt am Main. 1990. 487 s.
329. Dekker R. Egodocuments in the Netherlands from the sixteenth to the nineteenth century // Dutch Crossing: Journal of Low Countries Studies. Vol. 23. No. 2. London, 1999. P. 255-285.
330. Dekker R. M. Jacques Presser's heritage. Egodocuments in the study of history // Memoria y Civilización. Anuario de Historia. 2002. № 5. P. 13-37.
331. Foster L. Bibliography of Russian émigré literature, 1918-1968. G.K. Hall, 1970. 1374 pp.

332. Karlinsky S. In Search of Poplavsky: A Collage // The Bitter Air of Exile: Russian Writers in the West 1922-1972. University of California Press, 1977. P. 311-333.
333. Kerensky A. F. La révolution russe 1917. Paris: Payot, 1928. 399 pp.
334. Krusenstern von B. Was sind Selbstzeugnisse? Begriffskritische und quellenkundliche Überlegungen anhand von Beispielen aus dem 17. Jahrhundert // Historische Anthropologie. Kultur. Gesellschaft. Alltag, 2. 1994. S. 462-471.
335. Schulze W. Ego-Dokumente: Annäherung an den Menschen in der Geschichte. Berlin, 1996. 348 s.
336. Tomasziwskyj J. Vozrozhdenie: a Russian periodical abroad and its contributors. Thesis (Ph.D. in Russian). Nashville, 1974. 272 pp.
337. Zirin M. "A particle of our soul": prerevolutionary autobiography by Russian women writers // A History of Women's Writing in Russia / edited by Adele Marie Barker and Jehanne M Gheith. Cambridge University Press, 2002. P. 100-116.

Приложение

Возрождение : Литературно-политические тетради под редакцией И.И. Тхоржевского №№ 1-4 (1949)

Возрождение : Литературно-политические тетради под редакцией С.П. Мельгунова – № 5-31 (1949-1954)

Возрождение : Литературно-политические тетради = La Renaissance : Revue mensuelle litteraire et politique – №№ 32-85 (1954-1959)

Возрождение : Литературно-политические тетради при ближайшем участии Кн. С.С. Оболенского, В. А. Злобина и И.К. Мартыновского-Опишня = Cahiers Literatures et Politique. – №№ 85-101 (1959-1960).

Возрождение : Литературно-политические тетради при ближайшем участии Кн. С.С. Оболенского и И.К. Мартыновского-Опишня = Cahiers Literatures et Politique. – № 102 (1960).

Возрождение : Литературно-политические тетради при ближайшем участии Кн. С.С. Оболенского и Я. Н. Горбова = Cahiers Literatures et Politique – № 102-108 (1960).

Возрождение : Ежемесячный литературно-политический журнал выходит при ближайшем участии Кн. С.С. Оболенского и Я.Н. Горбова = Revue Mensuel Literatur et Politique: № 109–216 (1961–1969)

Возрождение : Независимый литературно-политический журнал под редакцией Кн. С.С. Оболенского и Я.Н. Горбова = Revue Literatur et Politique – № 217–243 (1970–1974)

Подзаголовки

Литературно-политические тетради – № 1-108 (1949–1955)

Орган русской национальной мысли – с № 37 (1955)

Политическая тетрадь: Независимый орган национальной мысли – NN 38 (1955–1960, № 38–108)

Ежемесячный литературно-политический журнал: Независимый орган национальной мысли № 109–216 (1961–1969)

Независимый литературно-политический журнал – № 217–243 (1970–1974)

Эпиграф:

Величие и свобода России

Достоинство и права человека

Преемственность и рост культуры

Редакторы:

Тхоржевский И.И. – № 1–4 (1949)

Мельгунов С.П. – № 5–31 (1949–1954)

Оболенский С.С., Злобин В.А., Мартыновский-Опишня И.К. – №85–100 (1959–1960)

Оболенский С.С., Мартыновский-Опишня И.К. (секретарь) – № 101 (1960)

Оболенский С.С., Горбов Я.Н. – № 102–243 (1960–1974)

Издатель — А.О. Гукасов

Место выхода: Париж.

Формат: 16х24 см.

Периодичность:

6 раз в год (1949–1954)

ежемесячно (1955–1974)

9 раз в год – № 228–236 – январь- октябрь (1971)

2 раза в год – № 237, 238 – июнь-август (1972)

3 раза в год – № 240, 241, 242 – январь-февраль, май, август (1973)

1 раз в год – № 243 – март (1974).

***Роспись эго-документов,
опубликованных в журнале «Возрождение»***

1949

№ 1 – январь — 190 с.

Струве П.Б. Ф.И. Родичев и мои встречи с ним: Глава из воспоминаний. С.27-46.

Семенов Ю.Ф. Закавказская республика: Из воспоминаний. С. 121-139.

№ 2 – март – 212 с.

Маковский С. Максимилиан Волошин. (Из литературных воспоминаний). С. 76-85.

Франк С. П.Б. Струве. (Опыт характеристики). С. 113-127.

Половцов А.А. Воспоминания. С. 128-141.

№ 4 – июль – 194 с.

Татищев Б.А. Крушение, 1916-1917 гг.: Воспоминания. С. 116-138.

№ 5 – сентябрь-октябрь – 200 с.

Тыркова-Вильямс А. Про старое, про бывалое. С. 57-67.

Яблоновский С. Около театра. С. 68-79.

Алексеев В. Рассказ недавно бежавшего. С. 101-122

1950

№ 7 – январь-февраль – 200 с.

Февр Н. Месяц на родине. С. 7-33.

Ватанов Н. Из советского быта. С. 59-71.

Гиппиус З. Встречи с М.Г. Савиной. С. 97-100.

Проф. А. Филиппов. Два советских профессора: Два портрета. С. 101-104.

№ 8 – март-апрель – 200 с.

Врангель Л. Берег дальний. (Крымские воспоминания). С. 94-103.

Байкалов А. Мои встречи с Осипом Джугашвили. С. 116-119.

Проф. В. Ширяев. Раба политики. Воспоминания подсоветского журналиста. С. 120-135.

Яблоновский С. Наброски о Малом театре. С. 104-115.

№ 9 – май-июнь – 200 с.

Степун Ф. Б.В. Савинков. (Отрывок из воспоминаний). С.95-101.

Струве П. Мои встречи и столкновения с Лениным. С. 113-121.

Войцеховский С. П.Б. Струве в Варшаве. С. 139-149.

№ 10 – июль-август – 200 с.

Зайцев З. Дни (дневник 41-43 гг.) Тетрадь 10. С. 71-82.

Врангель Л. Берег дальний. (Крымские воспоминания). С. 83-93.

Яблоновский С. Наброски о Малом театре. С. 94-108.

Струве П. Мои встречи и столкновения с Лениным. С. 109-118.

Филиппов А. Два советских профессора. С. 119-127.

Мельгунов С. Творимые легенды. С. 128-146.

№ 11 – сентябрь-октябрь – 200 с.

Врангель Л. Берег дальний: Крымские воспоминания. С. 86-94.

Ковалевский М. Странички из воспоминаний: Русские на Ривьере. С. 95-103.

Мельгунов С. Творимые легенды. С. 123-145.

№ 12 – ноябрь-декабрь – 200 с.

Климов Г. Рабы системы. С. 66-84.

Яблоновский С. В.Я. Брюсов. С. 85-90.

Струве П. Мои встречи и столкновения с Лениным. С. 91-107.

Трубецкой С. Из воспоминаний. С.108-117.

Гиппиус З. Польша 20-го года: Записи из дневника. С. 118-132.

Цуриков Н. Патриотическая «детонация»: Страничка из недавнего прошлого. С. 133-140.

Мельгунов С. Мартовские дни 17 г. С. 141-158.

Толстая А.В. Т.Л. Сухотина (Толстая). С. 178-184.

1951

№ 13 – январь-февраль – 200 с.

Бобров М. По долинам и по взгорьям. Отрывок из книги «Марк Суров». С. 71-100.

Тыркова-Вильямс А.В. То, чего больше не будет. (Из семейной хроники). С.101-112.

Гиппиус З. Польша 20-го года. (Записи из дневника). С. 130-142.

Мельгунов С. Мартовские дни 17 г. С. 143-155.

№ 14 – март-апрель – 200 с.

Тыркова-Вильямс А.В. То, чего больше не будет. (Из семейной хроники). С. 73-84.

Бобров М. По долинам и по взгорьям. Отрывок из книги «Марк Суров». С. 85-102.

Щербатов С. Русские художники. С. 103-113.

Мельгунов С. Мартовские дни 17 г. С. 129-143.

№ 15 – май-июнь – 200 с.

Тыркова-Вильямс А.В. То, чего больше не будет. (Из семейной хроники). С. 53-70.

Ковалевский М.М. Странички из воспоминаний: Русская колония в Париже. С. 71-80.

Волков А. Четверть века на театре. С. 81-95.

№ 16 – июль-август – 200 с.

Тыркова-Вильямс А.В. То, чего больше не будет. (Из семейной хроники). С. 59-79.

Тверской Е. О Льве Толстом. С. 80-96.

Авьерино Н.К. Мои воспоминания о П.И. Чайковском. С. 97-106.

Бобров М. Ниспровергатели богов: Отрывок из книги «Марк Суров». С. 107-115.

Войцеховский С. Разговор с Опперпутом. С. 129-137.

Мельгунов С. Мартовские дни 17 г. С. 138-161.

№ 17 – сентябрь-октябрь – 200 с.

Валентинов Н. Supremum Vale. С. 57-69.

Арсеньев Н. Из юности: Картины московской жизни. С. 71-86.

Ковалевский М. Странички из воспоминаний: Русские на Ривьере. С. 87-94.

Яблоновский С. Около театра. С. 95-105.

Мельгунов С. Мартовские дни 17 г. С. 124-145.

№ 18 – ноябрь-декабрь – 200 с.

Валентинов Н. *Supremum Vale*. С. 59-79.

Тыркова-Вильямс А.В. То, чего больше не будет. (Из семейной хроники). С. 80-91.

Бикерман И. Записки журналиста. С. 92-110.

Щербатов С. Русские художники. С. 111-123.

Волков А. Четверть века на театре. С. 124-139.

Мельгунов С. Мартовские дни 17 г. С. 157-168.

1952

№ 19 – январь-февраль – 200 с.

Колычев К., Соколовский П. Охотничьи воспоминания. С. 74-88

Тыркова-Вильямс А.В. То, чего больше не будет: Из семейной хроники. С. 89-107.

Яблоновский С. Около театра. С. 108-114.

Бикерман И. Записки журналиста. С. 115-130.

Волохов М. Из записок советского адвоката. С. 131-139.

Мельгунов С. Мартовские дни 17 г. С. 140-150.

№ 20 – март-апрель – 200 с.

Тыркова-Вильямс А.В. То, чего больше не будет: Из семейной хроники. С. 63-76.

Смирнов Д. Воспоминания. С. 77-96.

Чернов И. Город смерти. С. 97-111.

Волохов М. Из записок советского адвоката. С. 112-128.

Мельгунов С. Мартовские дни 17-го года. С. 129-144.

№ 21 – май-июнь – 200 с.

Тыркова-Вильямс А.В. То, чего больше не будет: Из семейной хроники. С. 54-64.

Серова Р. Три подруги. С. 65-81.

Степун Ф. Подмосковная деревня в первые годы революции. С. 95-110.

Чернов И. Город смерти. С. 111-126.

Мельгунов С. Мартовские дни 17-го года. С. 127-136.

№ 22 – июль-август – 200 с.

Тыркова-Вильямс А.В. То, чего больше не будет. (Из семейной хроники). С. 68-80.

Серова Р. Три подруги. С. 81-101.

Александрович А. Записки певца. С. 102-115.

Мельгунов С. Мартовские дни 17-го года. С. 133-158.

№ 23 – сентябрь-октябрь – 200 с.

Комаров В.П. Накануне первого боя. (Из впечатлений первой мировой войны). С. 28-34.

Тыркова-Вильямс А.В. То, чего больше не будет. (Из семейной хроники). С. 57-72.

Александрович А. Записки певца. С. 73-88.

Чернов И. Город смерти. С. 118-132.

Мельгунов С. Мартовские дни 17-го года. С. 133-155.

Ледницкий В.А. В.Н. Челищев (1870-1952). С.177-181.

№ 24 – ноябрь-декабрь – 200 с.

Искандер А. Мир животных. С. 46-60.

Тыркова-Вильямс А.В. То, чего больше не будет. (Из семейной хроники). С. 61-71.

Александрович А. Записки певца. С. 72-91.

Щербатов С. Русские художники. С. 92-98

Зоммеринг Л. Воспоминания об И.С. Шмелеве. С. 99-105.

Чернов И. Город смерти. С. 106-120.

Мельгунов С. Мартовские дни 17-го года. С. 121-145.

Мельгунов С. Последний из Дон-Кихотов (К десятилетию кончины В.Л. Бурцева). С. 146-160.

1953

№ 25 – январь-февраль – 200 с.

Александрович А. Записки певца. С. 85-99.

Степун Ф. Подмосковная деревня в первые годы революции. С. 100-111.

Мельгунов С. Средневековое убийство. С. 124-145.

№ 26 – март-апрель – 200 с.

Врангель Л. Воспоминания детства. С. 52-64.

Клейгельс А. Мойка 84. С. 65-75.

Ольшанский Б. Мы приходим с Востока. (Отрывки из рукописи 1944-48 гг.) С. 76-95.

Щербатов С. Русские художники. С. 110-116.

Мельгунов С. Мартовские дни 17 г. С. 153-164.

№ 27 – май-июнь – 204 с.

Александрович А. Записки певца. С. 58-72.

Соловьев М. Генеральский инкубатор. С. 73-82.

Ольшанский Б. Мы приходим с Востока. (Отрывки из рукописи 1944-48 гг.) С. 105-121.

Мельгунов С. Мартовские дни 17 г. С. 122-147.

№ 28 – июль-август – 204 с.

Врангель Л. Из воспоминаний юности. С. 70-78.

Цуриков Н.А. Петр Бернгардович Струве: Воспоминания. С.79-96.

Темиров Г. (Анненков Ю.) Из записок репатриировавшегося. С. 97-109.

Щербатов С. Русские художники. С. 110-124.

Мельгунов С. Мартовские дни 17 г. С. 142-158.

№ 29 – сентябрь-октябрь – 204 с.

Гребенщиков Г. Егоркина жизнь. (Главы из автобиографической книги). С. 55-68.

Мельгунова-Степанова Н. М. Н. Ермолова. (Отрывки из воспоминаний моей матери). С. 84-88.

Ковалевский М. Странички из воспоминаний. С. 89-101.

Арбатов З. Батка Махно. С. 102-115.

Мельгунов С. Мартовские дни 17 г. С. 138-154.

№ 30 – ноябрь-декабрь – 204 с.

Александрович А. Записки певца. С. 67-78.

И.В. Последние дни ставки. С. 79-93.

Васильева Е. Русский путь. С. 128-147.

Мельгунов С. Мартовские дни 17 г. С. 160-169.

1954

№ 31 – январь-февраль – 204 с.

Родичев Ф.И. Записки о революции 17 года. С. 67-82.

Степун Ф. На юго-западном фронте. (Из воспоминаний). С.83-102.

Мельгунов С. Мартовские дни 17-го года. С. 103-122.

№ 32 – март-апрель – 204 с.

Александрович А. Записки певца. С. 104-118.

Ковалевский М. Воспоминания. С. 150-159.

№ 33 – май-июнь – 204 с.

Тыркова-Вильямс А. Тени минувшего. (Воспоминания). С. 107-114.

Граф Э. Беннигсен. Первые дни революции 1917 года. С. 115-131

№ 34 – июль-август – 204 с.

Тыркова-Вильямс А. Тени минувшего. (Воспоминания). С. 135-144.

Врангель Л. Ла-Фавьер. (Окончание моих «Воспоминаний»). С. 145-153.

№ 35 – сентябрь-октябрь – 204 с.

Мацылев С. Из воспоминаний. С. 136-147.

Георгиц М. Царская грамота. С. 127-135.

№ 36 – ноябрь-декабрь – 204 с.

Кефели Я. Ани (Армянская столица). С. 77-82.

Александрович А. Записки певца. С. 132-146.

Мацылев С. Из воспоминаний. С. 147-160.

1955

№ 37 – январь – 200 с.

Тыркова-Вильямс А. Тени минувшего. (Воспоминания). С. 77-94.

№ 38 – февраль – 160 с.

Александрович А. Записки певца. С. 110-122.

Верещагин В. Воспоминания московского крупье. (Из книги «Страницы прошлого»). С. 135-138.

№ 40 – апрель – 160 с.

Сургучев И. Из театральных воспоминаний. С. 63-74.

№ 41 – май – 160 с.

Тыркова-Вильямс А. Тени минувшего. (Воспоминания). С. 78-91.

Сургучев И. М.Г. Савина (Из театральных воспоминаний). С. 92-98.

№ 42 – июнь – 160 с.

Бар. Ю. Дистерло. Зарницы. С. 66-82.

Тыркова-Вильямс А. Тени минувшего. (Воспоминания). С. 83-96.

Ренников А. Рыцарь правды (Юлий Федорович Семенов). С. 97-101.

Кашина-Евреинова А. Лето у Макса Волошина. С. 108-113.

Тэффи Н.А. Моя летопись. С. 116-129.

№ 43 – июль – 160 с.

Бар. Ю. Дистерло. Зарницы. С. 46-55.

Тэффи Н.А. Зинаида Гиппиус. С. 87-96.

Барк П.Л. Глава из воспоминаний. С. 6-27.

№ 45 – сентябрь – 160 с.

Танутров (Жук) Г.Ф. На далеком Кавказе. С.81-98.

Георгиц М. Возвращение из Румынии в конце августа 1948 года. С. 99-115.

Унковский В. В поезде Императрицы. (Из личных воспоминаний). С. 131-145.

№ 46 – октябрь – 160 с.

Вышеславцев Б. Тайна детства. С. 51-61.

Нордман П. Как Россия помогла союзникам выиграть в 4 года Первую мировую войну (Из личных воспоминаний). С. 62-70.

Унковский В. В поезде Императрицы. (Из личных воспоминаний). С. 87-100.

Танутров (Жук) Г.Ф. Крушение поезда. С. 109-117.

Нагель А.П. Дела минувших дней: Ключки воспоминаний. С. 133-138.

№ 47 – ноябрь – 160 с.

Ренников А. Гимназические воспоминания. С. 43-52.

Тэффи Н.А. Бальмонт. С. 60-68

Оболенский А.В. Мои воспоминания. С. 75-98.

Лидарцева Н. Воспоминания о Репине. С. 99-104.

Нелидов Н. Июльское восстание большевиков: Отрывок из воспоминаний. С. 120-126.

№ 48 –декабрь – 164 с.

Сургучев И. Завтрак у Анны Каспаровны. С. 43-53.

Дуплицкий С.К. Охрана Царской семьи и революция 1917-го года. С. 76-86.

Оболенский А.В. Мои воспоминания. С. 97-108.

Каменецкая З. С казаками адмирала Колчака в северной тайге. С. 119-122.

1956

№ 49 – январь – 160 с.

Веритинов Н. В старой академии: Из воспоминаний. С. 78-91.

Тэффи Н. 45 лет. С. 92-102.

Ренников А. Гимназические воспоминания. С. 103-114.

№ 50 – февраль – 164 с.

Стоюнина М. «Мои воспоминания о Достоевских». С. 25-39.

Шмелев Ив. Как я стал писателем. С. 42-47.

Тэффи Н. Он и они. С. 82-88.

Ренников А. Гимназические воспоминания. С. 89-100.

Веритинов Н. В старой академии: Из воспоминаний. С. 121-134.

№ 51 – март – 160 с.

Искандер А. Репин. С. 82-92.

Тыркова-Вильямс А. Подъем и крушение: Воспоминания. Том Третий. 1914-1918 гг. С. 93-111.

№ 52 – апрель – 160 с.

Тыркова-Вильямс А. Подъем и крушение: Воспоминания. Том Третий. 1914-1918 гг. С. 65-85.

Ренников А. Гимназические воспоминания. С. 86-98.

Савич Е. Медицина в Америке: Путь русского ученого. С. 99-106.

Липовский Н.Н. Саратовские были. С. 130-135.

№ 53 – май – 164 с.

Сургучев И.Д. Китеж. С. 21-27.

Тыркова-Вильямс А. Подъем и крушение: Воспоминания. Том Третий. 1914-1918 гг. С. 62-77.

Толаненко И. Сущая правда: Во время германской оккупации на Украине. С. 78-88.

Савич Е. Медицина в Америке: Путь русского ученого. С. 99-107.

№ 55 – июль – 160 с.

Тыркова-Вильямс А. Подъем и крушение: Воспоминания. Том Третий. 1914-1918 гг. С. 112-132.

Рудинский В.А. Памяти С.П. Мельгунова: Встречи с Сергеем Петровичем. С.144-145.

№ 56 – август – 160 с.

Поплавский Ю. Из жизни П.И. Чайковского: Записки современника. С. 5-13.

Унковский В. Президент белорусской республики: Очерк петербургской богемы. С. 86-92.

Толаненко И. В памяти сохранившееся. С. 106-112.

№ 57 – сентябрь – 160 с.

Клименко Н. Липочка: Из рассказов старого батюшки. С. 43-63.

Одарченко Ю. Ночное свидание. С. 65-68.

Евреинов Н.Н. «Кривое Зеркало»: Мое с ним знакомство. С. 95-102.

Тыркова-Вильямс А. Подъем и крушение: Воспоминания. Том Третий. 1914-1918 гг. С. 103-126.

№ 58 – октябрь – 164 с.

Абаза М. Понт эвксинский: Рассказы о Севастополе. С. 89-96.

№ 59 – ноябрь – 164 с.

Сургучев И.Д. Северный Кавказ. С. 5-9.

№ 60 – декабрь – 164 с.

Штейнгель П. В верховьях Пшехи. С. 84-96.

1957**№ 61 – январь – 164 с.**

Лифарь С. Вацлав Нижинский. С. 50-65.

№ 62 – февраль – 164 с.

Ренников А. Первые годы в эмиграции. С. 77-90.

Абаза М. Понт эвксинский: Рассказы о Севастополе. С. 91-106.

№ 63 – март – 160 с.

Позднышев С. Тихий Дон. С. 5-15.

Павлович В. Вне закона: Записки белого офицера. С. 32-42.

Норд Л. Маршал М.Н. Тухачевский. С. 49-80.

Ренников А. Первые годы в эмиграции. С. 81-91.

Одоевцева И. Год жизни. С. 92-111.

№ 64 – апрель – 160 с.

Эртель А. Разбойник. С. 29-36.

Спасовский М.М. Дух веры и любви: Крепка ли вера русского подъяремья? С. 37-41.

Норд Л. Маршал М.Н. Тухачевский. С. 48-74.

Ренников А. Первые годы в эмиграции. С. 82-91.

Одоевцева И. Год жизни. С. 99-112.

Позднышев С. Тихий Дон. С. 113-125.

№ 65 – май – 160 с.

Норд Л. Маршал М.Н. Тухачевский. С. 71-94.

Одоевцева И. Год жизни. С. 95-110.

№ 66 – июнь – 160 с.

Унковский В. А.М. Ремизову – 80 лет. С. 52-57.

Позднышев С. Тихий Дон. С. 87-100.

Норд Л. Маршал М.Н. Тухачевский. С. 101-115.

Натальев И. Непостижимое. С. 116-124.

№ 67 – июль – 160 с.

Артабалеvский Н. 1-ое августа 1917-го года: Из записей свидетеля. С. 25-27.

- Буксгевден С.К. Император Николай II, каким я его знала: Отрывки воспоминаний. С. 28-36.
- Шереметев Д.С. Государь на фронте. 1957. № 67. С. 37-42.
- В. Масленникова. (Мать Марфа). «Яко с нами Бог». С. 43-45.
- И. Степанов. «Милосердия двери»: Лазарет Ее Величества. С. 46-64.
- Старк М. Вечная память. С. 65-75.
- Нео-Сильвестр Г.И. Царь и художник. С. 76-81.
- Одоевцева И. Год жизни. С. 98-113.
- Норд Л. Маршал М.Н. Тухачевский. С. 114-130.
- Вега М. Тетя Маруся. С. 131-138.

№ 68 – август – 160 с.

- Позднышев С. «Последние дни в Царском Селе». С. 21-34.
- Одоевцева И. Год жизни. С. 78-83.
- Норд Л. Маршал М.Н. Тухачевский. С. 84-102.
- Вега М. Бронзовые часы. С. 103-118.
- Ефимовский Е.А. Один из могикан: Памяти В.А. Маклакова. С.119-124.

№ 69 – сентябрь – 160 с.

- Норд Л. Маршал М.Н. Тухачевский. С. 46-64.
- Вега М. Бронзовые часы. С. 65-80.
- Одоевцева И. Год жизни. С. 81-87.

№ 70 –октябрь – 160 с.

- Ковалевский П. Зарубежные писатели о самих себе. С. 21-32.
- Сургучев И. Два незаконченных отрывка. С. 73-77.
- Ремизов А. Восточный гость. С. 78-80.
- Вега М. Бронзовые часы. С. 122-144.

№ 71 –ноябрь – 160 с.

- Веритинов Н. «Февраль» — «Октябрь». С. 62-81.
- Эртель А., Старк М. Добрая воля. С. 82-99.
- Норд Л. Маршал Тухачевский: Ответ критикам. С. 108-112.

Вега М. Бронзовые часы. С. 114-130.

№ 72 – декабрь – 164 с.

Ревельотти Л. Архангельск: Рассказ из былого. С. 36-59.

Вега М. Бронзовые часы. С. 104-123.

Веритинов Н. Человек глубоких прозрений: К годовщине смерти И.Д. Сургучева. С. 139-142.

1958

№ 73 – январь – 164 с.

Андреев В. Ночь под Рождество. С. 27-31.

Рындина Л. В подземном мире. С. 32-34.

Клименко Н. Доктор Сибов: Из былей начала века. С. 35-39.

Вега М. Бронзовые часы. С. 71-86.

№ 74 – февраль – 160 с.

Вега М. Бронзовые часы. С. 51-71.

Тыркова-Вильямс А. Подъем и крушение: Воспоминания. Том Третий. 1914-1918 гг. С. 72-89.

Добужинский М. Воспоминания М.В. Добужинского о Ремизове. С. 114-116.

Унковский В. Александр Вертинский: Из воспоминаний. С. 117-124.

№ 75 – март – 160 с.

Казмичев Б. Гульский инцидент. С. 44-49.

Вега М. Бронзовые часы. С. 81-98.

№ 76 – апрель – 160 с.

Беклемишева К. Памятка о Российской Академии Художеств. С. 21-33.

Федоров А. Иерусалим на Пасху: Путевые заметки. С. 60-66.

Клименко Н. История одной картины. С. 74-77.

Вега М. Бронзовые часы. С. 78-94.

№ 77 – май – 160 с.

Вега М. Бронзовые часы. С. 64-80.

№ 78 – июнь – 160 с.

Вега М. Бронзовые часы. С. 78-94.

Ефимовский Е. В русском Киеве в 1918 году: Политические силуэты. С. 129-137.

№ 79 – июль – 160 с.

Вега М. Бронзовые часы. С. 99-111.

№ 81 – сентябрь – 160 с.

Смирнов В. Верные долгу: 40-летняя годовщина Русского Легиона Чести. С. 5-32.

Ростов А. Дело Академии наук. С. 97-105.

№ 82 – октябрь – 160 с.

Вега М. Бродячий ангел. С. 32-54.

Оболенский А. Охота: Из воспоминаний. С. 55-61.

Липовский Н.Н. Саратовские были. С. 62-69.

Тыркова-Вильямс А. Подъем и крушение: Воспоминания. Том Третий. 1914-1918 гг. С. 70-88.

Ростов А. Дело Академии наук. С. 109-118.

№ 83 – ноябрь – 160 с.

Шабле М. «Семь часов тридцать минут». С. 27-44.

Вега М. Бродячий ангел. С. 45-67.

Ростов А. Дело Академии наук. С. 111-122.

№ 84 – декабрь – 160 с.

Рабенек Л.Л. Последние минуты Чехова. С. 28-35.

Вега М. Бродячий ангел. С. 42-63.

Клименко Н.К. Последняя встреча: Ко второй годовщине смерти И.Д. Сургучева. С. 79-86.

Ростов А. Дело Академии наук. С. 111-119.

1959

№ 85 – январь - 160 с.

Расловлев М. Иван Иванович Тхоржевский и десятилетие тетрадей «Возрождения». С. 12-18.

Павлович В. Белый след: Вне закона: (Воспоминания и мысли). С. 19-41.

Вега М. Бродячий ангел. С. 52-70.

Анненков Ю. Борис Пастернак и Нобелевская премия: Из личных воспоминаний. С. 94-110.

№ 86 – февраль - 160 с.

Вега М. Бродячий ангел. С. 37-55.

Федорова Н. Рассказ акушерки Зубко: Из серии «Рассказы о себе». С. 67-80.

Злобин В. Литературный дневник. С. 136-143.

№ 87 – март - 160 с.

Вега М. Бродячий ангел. С. 53-70.

№ 88 – апрель - 160 с.

Смирнов В. Русские особые полки на македонском фронте 1916-1918 гг. С. 5-20.

Вега М. Бродячий ангел. С. 27-47.

Анненков Ю. Встречи с Ремизовым. С. 71-82.

№ 89 – май - 160 с.

Пантюхов О.Н. Пятидесятилетие русских скаутов-разведчиков. С. 10-25.

Вега М. Бродячий ангел. С. 38-52.

Сегадаев Ф.В. Новое о судьбе Царской Семьи. (Со слов одного из участников охраны Царской Семьи в Царском Селе, Тобольске и Екатеринбурге). С. 78-99.

Гиппиус З. Поликсена Соловьева. С. 118-124.

№ 90 – июнь - 160 с.

Сургучев И. Студенческие годы: Воспоминания. С. 46-54.

Сегадаев Ф.В. Новое о судьбе Царской Семьи. (Со слов одного из участников охраны Царской Семьи в Царском Селе, Тобольске и Екатеринбурге). С. 78-90.

Ревелиотти Л.Х. Индийские очерки. Записки русского дипломата. С. 112-122.

№ 91 – июль - 160 с.

Сегадаев Ф.В. Новое о судьбе Царской Семьи. (Со слов одного из участников охраны Царской Семьи в Царском Селе, Тобольске и Екатеринбурге). С. 46-59.

К.К. «Спасатели»: 40 лет назад. С. 66-70.

Вега М. Бродячий ангел. С. 79-95.

Ревелиотти Л.Х. Индийские очерки. Записки русского дипломата. С. 96-107.

№ 92 –август - 160 с.

Нео-Сильвестр Г.И. Правительствующий Сенат: Из воспоминаний юриста. С. 5-12.

Клименко Н.К. В Сенате. С.13-22.

Вега М. Бродячий ангел. С. 50-70.

Ревелиотти Л.Х. Индийские очерки. Записки русского дипломата. С. 123-131.

№ 93 – сентябрь - 160 с.

Шабле М. Истоки «социалистического реализма»: Глава из книги «Записки бывшего советского художника». С. 100-112.

№ 94 – октябрь - 160 с.

Ревелиотти Л.Х. Индийские очерки. Записки русского дипломата. С. 86-95.

1960**№ 97 – январь - 160 с.**

Ефимовский Е. Мечты и действительность: Полвека неославизма. С. 117-125.

№ 98 – февраль – 160 с.

Клименко Н.К. Иван Васильевич: Из хроники нашего городка. С. 65-79.

Смоленский В. Воспоминания. С. 103-112.

Ревелиотти Л.Х. Индийские очерки. Записки русского дипломата. С. 113-120.

№ 100 – апрель – 160 с.

Ефимовский Е. Сотый номер «Возрождения». С. 27-31.

Темирязов Б. (Ю. Анненков). Побег от истории. С. 88-107.

Клименко Н.К. Памяти доктора Е.К. Савича: К полугодовщине со дня его смерти. С. 125-131.

№ 101 – май – 160 с.

Темирязов Б. (Ю. Анненков). Побег от истории. С. 74-92.

№ 102 – июнь – 160 с.

Анненков Ю. Под маской советского искусства. С. 19-28.

Сагацкий И. Счастье разведчика. С. 55-64.

Абданк-Коссовский В. В оазисе Схира. С. 65-70.

Темирязов Б. (Ю. Анненков). Побег от истории. С. 71-85.

Анненков Ю. Памяти Бориса Пастернака. С. 130-132.

№ 103 – июль – 160 с.

Семенов-Тянь-Шанский В.П. Воспоминания о государе-человеке. С. 7-18.

Темирязов Б. (Ю. Анненков). Побег от истории. С. 91-107.

Клименко Н.К. И.С. Шмелев и его «Неупиваемая Чаша»: К десятилетию со дня кончины. С. 108-120.

№ 104 – август – 160 с.

Темирязов Б. (Ю. Анненков). Побег от истории. С. 42-53.

№ 105 – сентябрь – 160 с.

В.Д. Русь. С. 7-31.

Темирязов Б. (Ю. Анненков). Побег от истории. С. 63-73.

Коряков М. Из дневника публициста. С. 87-100.

Рабенек Л.Л. Москва и ее «хозяева» (времени до первой мировой войны 1914 г.). С. 101-104.

Садиков К. В гостях у королевы: Из римских воспоминаний. С. 120-122.

№ 106 – октябрь – 160 с.

Анненков Ю. Путь Маяковского. С. 62-91.

Веритинов Н. Человек великого разума: Памяти учителя. С. 107-112.

№ 107 – ноябрь – 160 с.

Толстая А.Л. Отец всегда все понимал: Отрывки из воспоминаний. С. 7-11.

Тыркова-Вильямс А. Яснополянский великан. С. 12-18.

Невежин А. Предсмертное пребывание Льва Толстого в Оптиной Пустыне: Со слов Оптинского монаха. С. 56-59.

Анненков Ю. Лев Толстой на сцене и экране: По личным воспоминаниям. С. 60-69.

Ефимовский Е. Контрасты. С. 70-72.

Абаза М. Тень полуострова. С. 87-95.

Дюмениль В. Константинополь в 1920 году. С. 96-100.

Рабенек Л. Москва времени до первой мировой войны. С. 101-112.

№ 108 – декабрь – 160 с.

Клименко Н.К. Совет Толстого: Из воспоминаний. С. 7-13.

Ефимовский Е. Около правосудия. С. 110-112.

1961

№ 109 – январь – 160 с.

Расловлев М. Сорок лет тому назад: К истории русских монархических организаций после 1917 года. С. 87-110.

№ 110 – февраль – 160 с.

Расловлев М. Сорок лет тому назад: К истории русских монархических организаций после 1917 года. С. 82-102.

№ 111 – март – 160 с.

Расловлев М. Сорок лет тому назад: К истории русских монархических организаций после 1917 года. С. 104-123.

№ 112 – апрель – 160 с.

А. Б-н. Героические гимназисты: По страницам «Донской волны». С. 54-59.

Расловлев М. Сорок лет тому назад: К истории русских монархических организаций после 1917 года. С. 69-87.

Коряков М. Из дневника публициста. С. 88-105.

№ 113 – май – 160 с.

В. Р-ов. Три старика. С. 43-45.

Расловлев М. Сорок лет тому назад: К истории русских монархических организаций после 1917 года. С. 92-106.

№ 114 – июнь – 160 с.

Сагацкая-Толстая А.М. Ясная поляна. С. 34-40.

Расловлев М. Сорок лет тому назад: К истории русских монархических организаций после 1917 года. С. 66-84.

Коряков М. Из дневника публициста. С. 85-92.

Ефимовский Е.А. Русский суд: Из воспоминаний присяжного поверенного. С. 131-133.

№ 115 – июль – 160 с.

Семенов-Тянь-Шанский Н.Д. Царственные Дети: К годовщине Екатеринбургского злодеяния. С. 57-70.

Расловлев М. Сорок лет тому назад: К истории русских монархических организаций после 1917 года. С. 104-123.

№ 116 – август – 160 с.

Расловлев М. Сорок лет тому назад: К истории русских монархических организаций после 1917 года. С. 85-104.

Анненков Ю. Александр Блок и Николай Гумилев. С. 105-111.

№ 117 – сентябрь – 160 с.

Арсеньев Н. Из юности. С. 39-48.

Расловлев М. Сорок лет тому назад: К истории русских монархических организаций после 1917 года. С. 79-98.

№ 118 – октябрь – 160 с.

Расловлев М. Сорок лет тому назад: К истории русских монархических организаций после 1917 года. С. 101-110.

№ 119 – ноябрь – 160 с.

Ремизов А. Дягилевские вечера. С. 7-10.

В.Д. Русь. С. 30-56.

Борман А. Сестры милосердия в Белой армии: По страницам «Донской волны». С. 57-66.

Коряков М. Из дневника публициста. С. 67-76.

Клименко Н.К. Памяти И.Д. Сургучева: К пятилетию со дня его смерти. С. 81-86.

№ 120 – декабрь – 160 с.

В.Д. Русь. С. 7-28.

Катенов Н.И. Буддийские монахи. С. 33-47.

Лодыженский Ю. Встречи с писателями. С. 86-96.

1962**№ 122 – февраль – 160 с.**

Борман А. Сестра Айша: По страницам «Донской волны». С. 76-79.

№ 123 – март – 160 с.

Майер Н. Два дня в Легионе. С. 85-94.

№ 124 – апрель – 160 с.

Семенов-Тянь-Шанский Н. Д. Светлой памяти Петра Львовича Барка. С. 100-109.

№ 125 – май – 160 с.

Смирнов А. Из прошлого. С. 93-99.

№ 126 – июнь – 160 с.

Кутырина Ю.А. Светлая кончина Ивана Сергеевича Шмелева: К двенадцатой годовщине. С. 21-24.

№ 127 – июль – 160 с.

Балуева-Арсеньева Н. Великая княгиня Елизавета Феодоровна: Из личных воспоминаний. С. 63-70.

№ 128 – август – 160 с.

Ефимовский Е. Alma Mater: В Императорском Московском Университете. С. 113-122.

№ 129 – сентябрь – 160 с.

Анненков Ю. Анна Ахматова. С. 41-52.

№ 130 – октябрь – 160 с.

Бутковская А. «Бродячая собака». С. 25-38.

Ефимовский Е. Сорокалетие Рейхенгалльского Общединархического съезда. С. 104-111.

№ 131 – ноябрь – 160 с.

Васютинская В. Надежда Александровна Тэффи: Из личных воспоминаний. С. 87-95.

№ 132 – декабрь – 160 с.

Письма Веры Николаевны Буниной-Муромцевой к Т. И. Алексинской (1921-1960 гг.). С. 57-70.

Клименко Н. К. Памяти И. Д. Сургучева. С. 112-113.

1963**№ 133 – январь – 160 с.**

Рабенек Л. К. С. Станиславский и его семья: Из личных воспоминаний. С. 71-77.

Письма Веры Николаевны Буниной-Муромцевой к Т. И. Алексинской (1921-1960 гг.). С. 78-90.

№ 134 – февраль – 160 с.

Письма Веры Николаевны Буниной-Муромцевой к Т. И. Алексинской (1921-1960 гг.). С. 53-61.

№ 135 – март – 160 с.

Гернберг С. Н. «Святые горы». С. 39-44.

Лодыженский Ю. Теодор Обер: По личным воспоминаниям. С. 58-65.

Рабенек Л. Л. Московская хлопчатобумажная промышленность: Воспоминания. С. 67-74.

№ 136 – апрель – 160 с., ил.

Шибаета Л. Строгое воспитание. С. 32-50.

№ 137 – май – 160 с.

Нео-Сильвестр Г. И. В мире русской души: Из воспоминаний редактора. С. 56-70.

Беловенец Т. Московские картинки: Впечатления недавней поездки. С. 111-121.

Берестовская Е. Театральная школа имени А. С. Суворина. С. 89-93.

№ 139 – июль – 160 с.

Рябинин А. Царская семья в Крыму осенью 1913 года. С. 40-42.

Астрау И. Из пражского альбома. С. 94-103.

№ 140 – август – 160 с.

Шахатуни Н. Далекое-близкое: Тоска по Родине. С. 30-34.

Борман А. А. Революция. С. 35-49.

№ 141 – сентябрь – 160 с.

Анненков Ю. Георгий Иванов: К пятой годовщине кончины 16 августа 1958 г. С. 39-50.

№ 142 – октябрь – 160 с.

Борман А. Под большевиками: Глава из биографии А. В. Тырковой-Вильямс. С. 100-110.

№ 143 – ноябрь – 160 с.

Анненков Ю. К. С. Станиславский. С. 76-82.

1964

№ 145 – январь – 160 с.

Борман А. А. В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына: Глава из находящейся в печати книги. С. 89-96.

№ 148 – апрель – 160 с.

Анненков Ю. Николай Евреинов: К 85-летию его рождения. С. 63-75.

№ 149 – май – 160 с.

Нео-Сильвестр Г. И. В мире русской души: Встречи с забытыми поэтами. С. 94-99.

Рабенек Л. Незабываемое прошлое. С. 100-103.

№ 151 – июль – 160 с.

Молоховец В. К. На яхте «Штандарт». С. 8-12.

№ 153 – сентябрь – 160 с.

Бикерман И. Воспоминания. С. 105-116.

№ 154 – октябрь – 160 с.

Катенев Н. И. Агатовый нож. С. 38-58.

Бикерман И. Воспоминания. С. 107-119.

№ 155 – ноябрь – 160 с.

Казмичев Б. Вторая тихоокеанская эскадра. С. 63-82.

Нео-Сильвестр Г. И. В мире русской души. С. 92-94.

№ 156 – декабрь – 160 с.

Из бумаг А. В. Тырковой-Вильямс. С. 94-100.

Старк М. Черная сенсация. С. 101-105.

1965**№ 157 – январь – 160 с.**

Барк П. Л. Воспоминания последнего министра финансов российского императорского правительства. С. 58-64.

Вернадская Н. В. Первая русская камерная певица Анна Михайловна Ян-Рубан: воспоминания ее ученицы. С. 98-112.

№ 158 – февраль – 160 с.

Барк П. Л. Воспоминания последнего министра финансов российского императорского правительства. С. 76-89.

Из писем А. В. Тырковой-Вильямс. С. 90-103.

№ 159 – март – 160 с.

Шмелев И. Убийство. С. 7-25.

Барк П. Л. Воспоминания последнего министра финансов российского императорского правительства. С. 78-87.

Из писем А. В. Тырковой-Вильямс. С. 88-93.

№ 160 – апрель – 160 с.

Барк П. Л. Воспоминания последнего министра финансов российского императорского правительства. С. 87-94.

№ 161 – май – 160 с.

Барк П. Л. Воспоминания последнего министра финансов российского императорского правительства. С. 85-94.

Рабенек Л. Хлопчато-бумажные Мануфактуры Москвы и Подмосковья времени до первой мировой войны. С. 95-102.

Из писем А. В. Тырковой-Вильямс. С. 103-111.

№ 162 – июнь – 160 с.

Барк П. Л. Воспоминания последнего министра финансов российского императорского правительства. С. 89-103.

Рабенек Л. Хлопчато-бумажные Мануфактуры Москвы и Подмосковья времени до первой мировой войны. С. 104-113.

Из писем А. В. Тырковой-Вильямс. С. 114-124.

№ 163 – июль – 160 с.

Дистерло Ю. Царский смотр: Мысли и воспоминания. С. 7-9.

Горбов Я. Н. Светлой памяти Веры Алексеевны Зайцевой. С. 50-51.

Барк П. Л. Воспоминания последнего министра финансов российского императорского правительства. С. 85-98.

№ 164 – август – 160 с.

Андоленко С. Л.-гв. Преображенский полк в Великую Войну. С. 61-76.

Барк П. Л. Воспоминания последнего министра финансов российского императорского правительства. С. 77-90.

Из писем А. В. Тырковой-Вильямс. С. 91-101.

№ 165 – сентябрь – 160 с.

Барк П. Л. Воспоминания последнего министра финансов российского императорского правительства. С. 78-93.

Лесной С. «Академик-путешественник» П. К. Козлов: Из личных воспоминаний. С. 94-102.

Из писем А. В. Тырковой-Вильямс. С. 103-110.

№ 166 – октябрь – 160 с.

Барк П. Л. Воспоминания последнего министра финансов российского императорского правительства. С. 84-97.

№ 167 – ноябрь – 160 с.

Барк П. Л. Воспоминания последнего министра финансов российского императорского правительства. С. 83-93.

№ 168 – декабрь – 160 с.

Астрау И. Подарок памяти. С. 25-29.

Барк П. Л. Воспоминания последнего министра финансов российского императорского правительства. С. 86-95.

Нео-Сильвестр Г. И. В мире русской души: Властители дум студентов начала XX века. С. 96-98.

1966

№ 169 – январь – 160 с.

Барк П. Л. Воспоминания последнего министра финансов российского императорского правительства. С. 71-88.

Масловский Е. В. Русские отряды в Персии. С. 89-106.

Из писем А. В. Тырковой-Вильямс. С. 107-118.

№ 170 – февраль – 160 с.

Барк П. Л. Воспоминания последнего министра финансов российского императорского правительства. С. 96-106.

Масловский Е. В. Русские отряды в Персии. С. 107-122.

№ 171 – март – 160 с.

Масловский Е. В. Русские отряды в Персии. С. 89-111.

№ 172 – апрель – 160 с.

Барк П. Л. Воспоминания последнего министра финансов российского императорского правительства. С. 84-99.

Рабенек Л. Хлопчато-бумажная Промышленность Старой Москвы 1914 года. С. 100-109.

№ 173 – май – 160 с.

Барк П. Л. Воспоминания последнего министра финансов российского императорского правительства. С. 96-109.

№ 174 – июнь – 160 с.

Барк П. Л. Воспоминания последнего министра финансов российского императорского правительства. С. 88-99.

№ 175 – июль – 160 с.

Барк П. Л. Воспоминания последнего министра финансов российского императорского правительства. С. 65-78.

№ 176 – август – 160 с.

Барк П. Л. Воспоминания последнего министра финансов российского императорского правительства. С. 82-101.

№ 177 – сентябрь – 160 с.

Барк П. Л. Воспоминания последнего министра финансов российского императорского правительства. С. 98-111.

№ 178 – октябрь – 160 с.

Семенов-Тянь-Шанский В. П. Я. К. Грот и его семья: из семейных воспоминаний. С. 79-94.

Барк П. Л. Воспоминания последнего министра финансов российского императорского правительства. С. 95-108.

№ 179 – ноябрь – 160 с.

Барк П. Л. Воспоминания последнего министра финансов российского императорского правительства. С. 98-111.

№ 180 – декабрь – 160 с.

Барк П. Л. Воспоминания последнего министра финансов российского императорского правительства. С. 69-84.

1967**№ 181 – январь – 160 с.**

Барк П. Л. Воспоминания последнего министра финансов российского императорского правительства. С. 71-82.

№ 182 – февраль – 160 с.

Барк П. Л. Воспоминания последнего министра финансов российского императорского правительства. С. 89-102.

№ 183 – март – 160 с.

Барк П. Л. Воспоминания последнего министра финансов российского императорского правительства. С. 94-104.

№ 184 – апрель – 160 с.

Барк П. Л. Воспоминания последнего министра финансов российского императорского правительства. С. 68-80.

№ 186 – июнь – 160 с.

Рассветный. В дополнение к воспоминаниям П. Л. Барка. С. 84-95.

№ 187 – июль – 160 с.

Рассветный. В дополнение к воспоминаниям П. Л. Барка. С. 46-63.

№ 188 – август – 160 с.

Угрюмов А. Александр Блок, Евгений Иванов и их окружение: очерк. С. 48-64.

Терне А. Особое Совещание по обороне государства 1915-1916 гг. С. 65-78.

№ 189 – сентябрь – 160 с.

Угрюмов А. Александр Блок, Евгений Иванов и их окружение: очерк. С. 53-66.

Терне А. Особое Совещание по обороне государства 1915-1916 гг. С. 96-105.

№ 190 – октябрь – 160 с.

Де Клапье, О. Профессор Илья Ильич Мечников. С. 53-69.

Терне А. Особое Совещание по обороне государства 1915-1916 гг. С. 80-90.

Рабенек Л. Хлопчато-бумажная Промышленность Старой Москвы 1914 года. С. 91-100.

№ 191 – ноябрь – 160 с.

Терне А. Особое Совещание по обороне государства 1915-1916 гг. С. 98-106.

№ 192 – декабрь – 160 с.

Астрау И. Вчера и сегодня. С. 47-50.

1968**№ 194 – февраль – 160 с.**

Де Клапье О. Княгина Мария Тенишева: К сорокалетию кончины. С. 75-97.

№ 195 – март – 160 с.

Шаховская З. Анатолий Штейгер. С. 75-89.

№ 196 – апрель – 160 с.

С. За живыми душами. С. 7-25.

Де Клапье О. Месяц в Бачковском монастыре: Воспоминания. С. 80-93.

№ 197 – май – 160 с.

С. За живыми душами. С. 87-108.

№ 198 – июнь – 160 с.

С. За живыми душами. С. 68-93.

№ 199 – июль – 160 с.

Кашина-Евреинова А. Мои встречи и переписка с Н. А. Бердяевым. С. 98-102.

№ 202 – октябрь – 160 с.

Думбадзе А. Записки переводчика. С. 31-50.

№ 203 – ноябрь – 160 с.

Гиппиус З. Н. Эпоха «Мира искусства». С. 66-73.

№ 204 – декабрь – 160 с.

Астрау И. От Армавира до Севастополя. С. 24-29.

Крузенштерн-Петерс Ю. Чураевский питомник. С. 45-70.

1969**№ 205 – январь – 160 с.**

Думбадзе А. Записки переводчика. С. 31-45.

Макриди А. «Узкое». С. 46-54.

Гривцова-Горская А. Из прошлого: В персидском порту Энзели в 1920 г. С. 100-102.

№ 206 – февраль – 160 с.

Думбадзе А. Записки переводчика. С. 41-56.

№ 207 – март – 160 с.

Думбадзе А. Записки переводчика. С. 61-75.

№ 208 – апрель – 160 с.

Думбадзе А. Записки переводчика. С. 66-85.

№ 209 – май – 160 с.

Думбадзе А. Записки переводчика. С. 53-68.

№ 210 – июнь – 160 с.

Думбадзе А. Записки переводчика. С. 40-54.

Гиппиус З. Н. Contes d'amour. С. 57-75.

№ 211 – июль – 160 с.

Аренский К. Встречи. С. 51-69.

Гиппиус З. Н. Contes d'amour. С. 25-47.

Кашина-Евреинова А. Синайский монастырь св. Екатерины. С. 70-77.

№ 212 – август – 160 с.

Гиппиус З. Н. Contes d'amour. С. 39-54.

№ 213 – сентябрь – 160 с.

Крысанов В. Ветры Приморья. С. 36-45.

№ 214 – октябрь – 160 с.

Гиппиус З. Н. Варшавский дневник. С. 71-88.

№ 215 – ноябрь – 160 с.

Гиппиус З. Н. Варшавский дневник. С. 90-111.

№ 216 – декабрь – 160 с.

Гиппиус З. Н. Варшавский дневник. С. 27-43.

1970**№ 217 – январь – 160 с.**

Гиппиус З. Н. О Бывшем. С. 56-77.

№ 218 – февраль – 160 с.

Гиппиус З. Н. О Бывшем. С. 52-70.

Войцеховский С. Л. Варшава, июль 1944 года. С. 82-97.

№ 219 – март – 160 с.

Гиппиус З. Н. Варшавский дневник. С. 57-75.

Войцеховский С. Л. Варшава, июль 1944 года. С. 94-109.

№ 220 – апрель – 160 с.

Гиппиус З. Н. Варшавский дневник. С. 53-75.

Арсеньев Н. Выработка мировоззрения: Годы в университете. С. 76-98.

№ 221 – май – 160 с.

Гиппиус З. Коричневая тетрадь. С. 25-38.

№ 222 – июнь – 160 с.

С. Второе свидание. С. 78-105.

№ 223 – июль – 160 с.

С. Второе свидание. С. 105-123.

№ 224 – август – 160 с.

С. Второе свидание. С. 87-111.

№ 225 – сентябрь – 160 с.

Ковалевский П. П. Н. Евдокимов: По личным воспоминаниям. С. 111-112.

Букова Л. О Юрии Букове. С. 143-149.

1971**№ 228 – январь – 160 с.**

Волкова Е. Из записной книжки. С. 21-33.

Крузенштерн-Петерец Ю. По стопам Фета. С. 140-144.

№ 232 – май – 160 с.

Белов Е. Академик Иван Петрович Павлов: По личным воспоминаниям. С. 99-105.

Аренский К. Два города. С. 106-115.

№ 233 – июнь – 160 с.

Ковалевская И. Книга о хороших людях. С. 105-113.

Мищенко А. Ив. С. Шмелев. С. 126-131.

№ 234 – июль – 160 с.

Станюкович Н. В. Сквозь Фронты: Пережитое. С. 28-54.

№ 235 – август – 160 с.

Станюкович Н. В. Сквозь Фронты: Пережитое. С. 7-39.

№ 236 – сентябрь – 160 с.

Станюкович Н. В. Сквозь Фронты: Пережитое. С. 7-25.

№ 237 – октябрь – 160 с.

Станюкович Н. В. Сквозь Фронты: Пережитое. С. 28-54.

№ 238 – ноябрь – 160 с.

Станюкович Н. В. Сквозь Фронты: Пережитое. С. 55-86.